

№ 6

2013

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Учредители: ОО «Союз писателей Казахстана» и Центр «Каламгер-медиа»

Председатель совета редакторов: Н. М. ОРАЗАЛИН

Редакционный совет:

Б. М. КАНАПЬЯНОВ (г. Алматы), Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ (г. Астана),
А. Ю. КУРЛЕНЯ (г. Петропавловск), Р. Ю. МАХАТАДЗЕ (г. Караганда),
Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), В. И. РЫЖКОВ (г. Караганда),
Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), А. Ю. ТАРАКОВ (г. Астана),
И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), В. В. ШУПЕЙКИН (г. Алматы),
Л. Ю. ЮРКОВА (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Проза

- Л. Розин. Шпионка из позапрошлого (*повесть*); На посошок
(*рассказ*) 3
- Д. Нурғалиев. Ловец космической пыли. *Рассказ* 41
- А. Курганов. Апокалипсис местного значения. *Рассказ* 49

Поэзия

- А. Вознесенский. Россия воскресе. *Поэма* 22
- Л. Барламова. «Звучат дождей сентябрьских сонаты...». *Стихи* ... 45
- Б. Юдин. «Остывает расплывшийся след...». *Стихи* 60

Память

- В. Коноплёв. «В веснушках черёмух...» 63

Публицистика

- Р. Тулебаев. Штрихи к портрету хирурга 65

К 60-летию целинной эпопеи

- В. Владимиров. Оглянись не в досаде. Ещё раз о том, что такое
Целина (*продолжение*) 70

© «Нива», 2013, Астана

На житейских перекрёстках

В. Шупейкин. О весне и о любви 93

Параллели и меридианы

А. Волков. Дневник отдыхающего путешественника
(окончание) 97

В семейном кругу

Р. Алдабергенова. Шохан и его друзья 106

Искусство

С. Беккулова. Путь любви 121

Далёкое — близкое

В. Сороченко. Огонь, вода без медных труб (окончание) 126

Природа и мы

Б. Белик. Собачий вундеркинд 138

Приключения. Детектив. Фантастика

Л. Лазарева. Посох Байбосына. Фантастическая повесть
(окончание) 143

Сатира и юмор

А. Лопатин. Юбилей 169

Изоальбом «Нивы»: из работ Сакена Гумарова. На первой странице обложки – «Арба скоростей», на четвёртой – «Автопортрет».

Лидия РОЗИН

Шпионка из позапрошлого

Повесть

Глава 1. Здравствуйте!

Дорогие мои читатели, здравствуйте! Наконец-то мы встретились. Меня зовут Альбертина фон Драхенберг, я – автор этой вот книжки и ещё многих других книг, пока не написанных мною, но, уверяю вас, не менее интересных, чем эта.

Да не расстраивайтесь, пожалуйста, что вы и этой моей книги не читали. Ничего страшного, я её тоже не читала. Просто мне повезло: я – автор, поэтому мне поневоле известно всё, что в ней написано.

Но, дорогие мои читатели, вы же не поверите мне, если я вдруг начну клясться вам, что всё, что написано в этой книге, чистейшая правда, да и скажи я вам, что всё это правда, вы и читать-то не станете. Ведь правда – она неинтересна по сути своей. Да и кто может быть уверен в том, что то, что нам сегодня кажется правдой, не будет уже завтра обыкновенной ложью? Или попросту сказать – враньём. Поэтому я полностью доверяю вам, дорогие мои читатели, разобраться в книжке моей, что к чему. Мне ведь очень важно заманить вас в книгу мою, уговорить прочитать, для этого и представляюсь я вам так долго.

Да, как вам моё имя? Альбертина фон Драхенберг... Не правда ли, звучит?

Но не всегда меня так звали. Мне пришлось по приезде в Германию сменить мою красивую, смачную (как три раза чмокнуть) фамилию, доставшуюся на память от супруга моего бывшего Чередничёночечкина Николаши, с которым мы полюбовно разошлись по причине взаимной глупости. О чём он, должно быть, горько сожалеет, иначе как объяснить, что после меня он уже на седьмой женат, и ни с одной больше года не прожил. А со мной, подумать только – целых десять лет, два месяца и три дня... Три дня – это он специально примчался ко мне на проводы, на которых, впрочем, без памяти втрескался в соседку мою по даче – прекрасную вдову алкоголика Ветрова – Шурочку, с коей он, по донесению разведки, коротал свой досуг в бесконечных воспоминаниях... о молодости своей забубённой и... обо мне, несравненной, аж до последней весны прошлого тысячелетия. У меня самой осталось об этом "великолепном негодяе" столько хороших воспоминаний, и я ему давно уже всё простила. Тем более, что сама я ещё та штучка.

Ах как мне хотелось сохранить на память о нём хоть фамилию эту бесподобную (как три раза чмокнуть), но германцы меня не поняли.

Вначале я не могла сообразить, за что это немцы меня так сразу полюбили? Меня с первого дня в лагере окружили каким-то особенным вниманием. Культурно и вежливо они со всеми разговаривают, ничего

не скажешь, но в отношении со мной они вели себя несколько иначе. Я чувствовала всем нутром своим, что вызываю в них какое-то нездоровое любопытство. Друг другу показывают в мою сторону и что-то быстро-быстро говорят, улыбаются мне за версту, словно я не переселенка обыкновенная, а звезда эстрады или Раиса Максимовна, – не меньше... Во дела!

Через несколько дней я поняла, что никакое я не чудо заморское, а просто фамилия замечательная моя во всём виновата. По-немецки написать её, разумеется, не просто, – шутка ли, – тридцать две буквы:

Tscherednitschjonnotschetschkina! А вслух произнести мою фамилию вообще ни один из лагерных чиновников так и не смог, как ни старался, даже с третьей попытки. Дальше второго “ч” не дотягивали. Основная загвоздка, однако, была в... правописании. Немцы, как известно, народ правильный, грамотный, порядок во всём блюдут строжайший. Они бессменные чемпионы мира по бюрократизму. Так вот, напридумали они и внедрили в жизнь огромное количество всевозможных формуляров. Квитанции, бланки, анкеты и прочие хреновины бумажные впрок наготовили, с тем чтобы брата нашего – немца советского – принять надлежащим образом, но... просчитались бюрократики единокровные мои, на мне. Моя фамилия безразмерная, ну никак не вписывается в эти формуляры, хоть тресни. А сколько бланков наготовили! Сколько бумаги перевели! А деревьев-то сколько загубили почём зря! Вот и выходит, подрываю я экономику Фатерланду Великому фамилией своей, с коей впору не стыдно и в книгу рекордов Гиннесса податься – пишись она по-немецки. Вот такие дела.

Ну не могли германцы предвидеть, что бывают в природе немцы с такой фамилией нестандартной, как у меня. А я ещё по всем пунктам приёма вписываюсь в параграф “номер четыре”, что определяет кровную принадлежность к умотавшим двести лет назад в Россию “за песнями”, предкам моим далёким, – простым немецким бюргерам, которым почему-то не сиделось дома. За что я теперь им премного благодарна от всей души. Но как-то неловко я вдруг почувствовала себя с этой фамилией, и я призадумалась крепко.

А тут, как нельзя кстати, в каком-то кабинете один очень симпатичный такой начальник после очередной безуспешной попытки произнести мою фамилию спросил меня, не желаю ли я сменить её на более рациональную, как это многие мои бывшие соотечественники делают? Пообещал сделать это sofort и совершенно kostenlos (то есть сразу и бесплатно), на что я тут же и клюнула. Осталось только фамилию, достойную меня, выбрать. Мою девичью я наотрез отказалась принимать – меня с ней очень нерадостные воспоминания связывают. Сразу детство моё далёкое послевоенное всплывает. Представьте себе только, как вообще было мне тогда жить с именем Альбертина Фердинандовна Фритц? Это в метрике так стояло, а называли меня, кто как хотел: Берта, Альбертинка, но чаще всего – Альтинка-скотинка. Потому мне было приятней целыми днями просиживать за книжками, нежели играть с другими детьми. Книжками меня любезно снабжал один дядька – очень-

очень старый, даже древний, можно сказать, – бывший политкаторжанин Вадим Борисович Мамонтов, или просто – Мамонт, живший с нами по соседству.

В соседней деревне была сельская библиотека, но нам не разрешалось так далеко отлучаться от дома, потому что мы были „подкомендатурными“. А это значит, что без особого разрешения коменданта нельзя было отдаляться от нашего поселения в радиусе более одного километра, потому что нас там могли – говорили взрослые – прибить без суда и следствия, как врагов. А в деревне нас охраняла комендатура. В одну сторону от нашего села шла дорога к Разъезду – железнодорожной станции. Туда мы ходили без разрешения, потому что до Разъезда был ровно один километр. По другую сторону села настоящий сибирский лес, а за лесом тем – тайга. Про тайгу нам рассказывали всякие страшные истории. Из тайги, как и из болота, начинавшегося сразу за нашими огородами, никто не возвращался.

Вот и провела я детство своё за чтением книг, в другом, придуманном мною, мире, и только в перерывах между окончанием одной книги и началом следующей посещала я реальный мир, который встречал и провожал меня тумакami и оскорблениями до самой калитки нашего дома. Зато в школе я училась очень хорошо, и у меня даже заступник появился в третьем классе – такой же, как и я, „вражеский выродок“ с не менее позорным именем – Адик Фюрер, которого все, однако, называли просто Гитлер.

Детство моё, как, впрочем, детство любого российско-немецкого ребёнка, в силу обстоятельств, просто не могло быть безоблачным в послевоенные годы в глухом, холодном и голодном сибирском селе, где в русских семьях погибли на войне почти все отцы и старшие братья. А в семьи депортированных немцев то тут, то там возвращались из трудармии истощённые непосильным трудом, больные, замученные, но... живые, настоящие отцы семейств. Немецкие женщины, привыкшие к унижению и презрению окружающих, вдруг сделались удивительно спокойными и красивыми – они стали опять рожать детей, создавать уют в домах: на окнах появились занавески с кружевами и герань. Дома тоже преобразались: выпрямилась изгородь, не протекала больше крыша... И вскоре глухие сибирские деревушки наполнились гомоном нового поколения – маленьких немчат, – будущих поздних и настоящих переселенцев (ауэрихтеров и шпеттауэрихтеров). Но родители наши, конечно же, зная об этом не могли, они рожали тогда исключительно строителей коммунизма. В России в то время аборты были запрещены. Производство резины в те тяжёлые для страны годы специализировалось целенаправленно на выпуске автомобильных шин, ну ещё калош и сапог (фантазия изобретателей не была ещё в ту пору испорчена происками врагов, ещё от поражения своего очухаться не успевших), что также способствовало активному росту населения российских немцев. Но этим ещё больше увеличивалась ненависть к немцам со стороны русских баб, в большинстве вдов или жён немногочисленных фронтовиков, вернувшихся живыми, но, как правило, калеками, уже не пригодными для работы

физической и продолжения рода. По этой причине, должно быть, бывших вояк мучила совесть их опалённая, и им ничего не оставалось другого, как налаживать контакты с собственной совестью посредством всесильного чудотворного русского бальзама – самогонки. Так многие славные герои-фронтовики в глухих деревнях родных попадали в плен к зелёному змию. А российские немцы плодились спокойненько под зорким оком комендатуры, поставленной специально властями для охраны „недобитых шпионов“ от озлобленных вдов победителей. И ещё неизвестно, что произошло бы, не помри в 53 году Вождь всех народов и не появившись через три года какой-то там закон, позволивший сорваться многодетным немецким семьям с насиженных сибирских мест и помчаться к чёрту на его запасные кулички – в республики Средней Азии, Казахстан, в глубинку России. Разумеется, только в целях безопасности немцам не разрешалось поселяться в центральной России. Что ни говори, нам сказочно везло... И на войну не брали нашего брата, берегли для чего-то более важного, и в Сибири не дали сгинуть – поморозили трошки (для нашей же пользы), чтобы все следующие этапы раем воспринимались.

Ну вот, опять я отвлекаюсь от темы. Заметьте, так уж мы, российские немцы, устроены: о чём бы ни зашёл разговор, мы обязательно начнём вспоминать Сибирь, будто ничего лучшего в нашей прошлой жизни не было никогда. Я в своей книге ещё не раз обращусь к теме этой, далеко не простой, и безграничной во времени и пространстве. Память моя сохранила картинки детства моего далёкого, грустные и радостные, а порою просто удивительные. И я обязательно расскажу о них в моей книге, но несколько позже. А пока вернёмся к более радостным дням моей жизни, связанным с моим незабвенным мужем, – Колюшей Чередниченко-Черединым, с которым я была так счастлива, что до сих пор слов не хватает в моём русско-немецком лексиконе, дабы описать состояние моё, в котором я пребывала, не поверите, целых... десять лет, два месяца и три дня. Вот поэтому-то мне, несмотря на всё, и дорога моя фамилия. Но разве бездушный немецкий бюрократ способен понять такое?

А бюрократик этот смазливенький между тем меня всё настойчивей уговаривает сменить фамилию. Вот это патриот! Как старается экономисту страны спасти! Может, премию зарабатывает или чин какой повыше рангом, не знаю, но взялся он за меня ретиво. Я даже позволила себе пошутить, не хочет ли он сам жениться на мне, тут же заинтересовалась, на всякий случай, как его фамилия? Благозвучная ли?

Красавец нерусский вдруг странно так занервничал, стал мне про жену и детишек рассказывать, фотографию младшенького достал из ящика стола...

Я успокоила его, как могла, на моём корявом немецком, пообещала, что переживу и это, что он, вообще, не мой тип, да и фамилия его мне совершенно, ну ни капельки, не нравится. И впрямь, фамилия у него неприятная какая-то – Horntrupp. Брр... Куда ей до Чередниченко-Черединой!!! Вслушайтесь только: как ручеек или капель

звучит... Че-ре-дни-чѐ-нно-чеч-ки-на... Эта фамилия – единственное богатство моё, сокровище, можно сказать, вывезенное мною за кордон. И для меня это не только дорогая память о супруге моём непутёвом, но, если хотите, память о стране великой, взрастившей меня, о красном флаге – символе исчезнувшего на глазах моих великого государства. Могу ли я по большому счёту так легкомысленно расстаться с этой фамилией? Нет! И ещё раз нет! Правда, с другой стороны, душу мою начал легонечко так, аккуратненько, по-немецки, подтачивать червячок сомнения: „А что будет с вами, дражайшая Альбертина Фердинандовна, ежели для немцев этот “флаг” ровно тряпка красная для быка? И на кой, скажите, вам эта “Коррида” сдалась?” И в самом деле, для чего мне эти дополнительные трудности? Надо менять! Но, разумеется, не на что попало, а что-нибудь стоящее. Да-а... Я и мужика-то себе после Коленьки другого не нашла, потому что все ухажёры нынешние мои супротив него, родимого, бледны и невзрачны.

А Чередничѐнночечкин был... Ах, мерзавец!!!

А пока я приводила в порядок воспоминания о недалёком прошлом, пока решалась на очередной фокус, Негг начальник внимательно просмотрел мои документы и остановился на моей бабушке по матери.

“Вот имя, которое мы с вами ищем!” – обрадованно воскликнул он и торжественно выдохнул: – Альбертина фон Драхенберг!”. Он произнёс это имя, так симпатично проглатывая „р“, что мне оно очень-очень понравилось. Остальное уже было делом техники, мне незнакомой. Ровно через две недели я покинула первый лагерь переселенцев, называясь теперь Frau Drachenberg. По дороге во второй лагерь я думала о моей далёкой бабушке, которую я никогда не знала, потому что она умерла от тифа в возрасте сорока четырёх лет, в 1920 году, когда маме моей было всего десять лет, а её младшей сестрёнке – противной тётке Миле – всего восемь. Мне сейчас тоже сорок четыре, и у меня только начинается жизнь, а бабушка умерла, оставив одиннадцать детей, моих драгоценных тётушек и дядюшек, которых тоже уже нет в живых...

Глава 2. Я не я, или „Шпионка из позапрошлого“

Внедряюсь. Мне здесь всё нравится. Я впервые за границей, пардон, – впервые дома. А всю прошлую и позапрошлую жизни я прожила в лагере противника, выполняя программу, заложенную моей пра-пра-пра-прабабке, Аннелоре Миних, – служившей при самой Екатерине II не то гардеробицей, не то сестрой-хозяйкой. Как гласит семейное предание, она отвечала за пуговицы и крючки на одежде царицы, а по совместительству ещё собственноручно гладила Катькины носовые платочки и опрыскивала их парфюмом, духами то бишь; при этом юная Аннелора неоднократно бывала неловка и весьма неосторожна – проливала нечаянно царские благовония себе на кружевной, от души накрахмаленный, передничек, за что однажды чуть было не лишилась головы. Но её срочно выдали замуж за молодого унтер-офицера Вильгельма фон Драхенберга, которому ужасно нравился запах пра-пра-пра-пра-прабабушкиного передника. Виля восхищённо говорил своей невесте, что она пахнет царицей, и этим приводил

Аннелору в состояние крайнего смущения. Она весьма благородно краснела, что гармонично сочеталось с ярко-рыжими, собранными в высокую и замысловатую причёску, волосами Аннелоры.

Аннелора была, должно быть, основоположницей целой серии рыжеволосых бабушек – все женщины через поколение в нашем роду были рыжеволосыми. Про масть мужчин история умалчивает...

Вскоре после женитьбы милого фон Драхенберга за какие-то особые заслуги определили служить царице-матушке в Омскую губернию, куда молодая чета и отправилась накануне Рождества 1794 года.

Глава 3. Крах

И ещё были проводы. Долгие, долгие проводы – переходный период из мира реального в другой, необычный мир, в котором мне посчастливилось получить малюсенькую роль в каком-то фантастическом фильме, задуманном Её Величеством Судьбой. Мне предстояло подвести все итоги, рассчитаться с долгами, проститься со всеми любимыми друзьями и врагами.

В этой жизни я была только зрителем: смотрела, слушала, запоминала. Я и не догадывалась, что это и есть моё Главное Задание, заложенное моей пра-пра-прабабулечке ещё двести с гаком лет назад, в те самые времена, когда немцам по Закону надлежало горячо любить русских, управляемых Матушкой Катериной. А посему разрешалось воспользоваться моментом, пока на Руси ещё не придумали занавеса железного, и поселиться там во имя благороднейшей цели – поднять уровень культуры России на должную высоту, чтобы Матушке Царице не стыдно было перед Европой за облик вверенного ей бескрайнего ревира. Разумеется, при желании в то время можно было и всю малюсенькую Германию перетащить в Россию, выделив ей какую-нибудь Средне-Русскую губернию. Но Германией в ту пору правили обыкновенные немцы, сытые и инертные бюргеры, которые, в силу своих привычек, нежно любили свой порядок и вполне довольствовались любовью к России на расстоянии. Далеко не все немцы откликнулись на приглашение русской царицы, несмотря на то что оно по-немецки писано было. Многие не понимали Катерину, её страстной любви к этой дикой и необузданной стране, бразды правления которой по Воле Высшей оказались в её нежных ручках. (Пока ещё не изобрели ежовые рукавички). На приглашение откликнулись в основном несостоятельные да любопытные (фантазёры и, так сказать, первые романтики-сочинители).

Стоп! Вернёмся к проводам, а то я вас, сердешных, совсем запутаю.

Так вот, живу я себе в стране Советской, самой-самой-самой, тружусь на благо общества, кручусь, как могу, в развивающемся социализме; как все вокруг, ничем особо не выделяюсь, разве только тем, что в паспорте в графе „национальность“ стоит „немка“. Ничего для меня нового в этом нет. Я с этим клеймом, можно сказать, жизнь прожила. Но в одно прекрасное время всё перевернулось. Я стала вновь на работе Альбертиной Фердинандовной, хотя меня коллеги называли прежде Аллой Фёдоровной, а за глаза – Леди ЧАФ.

ЧАФ – понятно: Чередниченкочка Альбертина Фёдоровна, а Леди... Ах, это всё из-за Коленьки моего разлюбезного. Когда я в него впервые влюблена была, в самом начале знакомства нашего, я бабкам на работе все уши про него прожужжала о том, какой он благородный, воспитанный, какие у него манеры, и что он похож на лорда Байрона. И это было правдой, потом все это признали, когда его увидели. Вдобавок ко всему, мой Николаша ещё и хромал на ту же самую ногу, как и лорд Байрон (сейчас, хоть убей, не помню уже, на какую). Выйдя замуж за Коленьку, я поменяла свою девичью позорную фамилию на великолепную мужнину. Вдобавок я получила ещё и это ехидное прозвище: Леди Чаф.

В связи с этим не могу не рассказать вам, как кувыркнулась я с вершины счастья личного, куда взлетела впервые лет десять назад на крыльях любви и где ещё неизвестно сколько пребывала бы я в неведении. Век бы мне Родины моей исторической не видеть, когда бы не прозвище это моё проклятущее. Да и за перо я вряд ли когда б взялась, не переживи я этого могучего потрясения, перевернувшего жизнь мою праведную и счастливую. В кратчайший срок в жизни моей произошли такие резкие перемены, я пережила страшные потрясения, очухаться от которых по сей день не могу. Где-то в мире совершались какие-то странные события: развалился Советский Союз, образовались новые страны, новые столицы, новые деньги – бумажки-невидимки, президенты, новые русские, новые нерусские... короче, мир перевернулся, но я ничего вокруг не замечала, поскольку что там развал Союза, что там инфляция да какие-то там путчи кремлёвские в сравнении с тем, что мне, дурёхе блаженной, пришлось в кратчайший срок пережить. А произошло со мной вот что. В нашем управлении завскладом – рыжая Люська Егорова, с которой я частенько ругалась за то, что та не умела скрывать свою слабость к зелёному змию, в мою честь назвала щенка своего ЧАФ. Люська громко рассказывала всем, какой у неё Чафка умный, воспитанный пёс, что у него такая родословная богатая, что нам и не снилось, что манеры у него, как у настоящего лорда английского: он и на сучку-то не на всякую бросится, не то что кобели ваши двуногие. При этом Люська как-то противно скашивала свои неопохмелившиеся бесцветные гляделки в мою сторону, что мне делалось неприятно, и я обыкновенно прерывала это безобразие. Но в этот раз, сама не знаю почему, я попросила Люську рассказать нам всем, на что это она намекает, что Люська и сделала с огромнейшим удовольствием, как мне поначалу показалось. Оглохни я в тот момент или случись что-нибудь, что заставило б Егорову прикусить язык, всё было бы в моей жизни личной, как и прежде, – безоблачно и чисто. Но я не оглохла, и ни пожара, ни землетрясения не произошло. И... услышала про мужа моего любимого такое!

То, что я услышала, было так омерзительно, что просто не могло быть правдой, но Люська всенародно поклалась, что последние три года, с тех пор как Николай Петрович (Чередночённичкин мой ненаглядный!) нашёл себе ещё одну работу, посменную, он был её любовником. Но теперь

он и её бросил, и всё ради этой длинноносой курицы из Министерства строительства Соньки Заславской, – с которой они все трое в одном дет-доме выросли и встретились вновь на школьном вечере через двадцать лет после последнего звонка.

„Да ты не расстраивайся, Фердинандовна, он нас с тобой не стоит, – добавила Егорова, узрев, что я побелела. – Ты, Альбертина, счастливая, ты хоть в Германию уехать можешь, а у меня никого на свете нет, кроме щенка моего, Чафки, которого, кстати, мне эта стерва Сонька подарила. Ну знала я, что мужики жёнам изменяют, но чтоб любовницам изменяли...“ – и Люська завывала жалобно и протяжно. Размазанная по лицу тушь чёрными ручьями хлынула из пьяных глаз. Люська вскричала в сердцах: „И не смейте меня жалеть!“ – и убежала на своё рабочее место, на вверенный ей склад, чтоб никто её „жалеть не смел“.

Что было потом, уже отчётливо не помню; домой идти не хотелось, я бесцельно бродила по улицам и даже не заметила, как очутилась у дверей моей приятельницы Карлыгаш (Кари) Рюппе, жены начальника ПМК Георга Альбертовича Рюппе – друга и коллеги негодяя моего.

Глава 4. Рюппе

С Кари и Георгом (Ёриком) Рюппе мы дружили семьями уже много лет. Карлыгаш Сериковна работала одно время в нашем управлении инженером по технике безопасности, но её ревнивый муж был категорически против частых командировок, которые в нашей работе имели место быть. Он искренне полагал, что в хороших семьях женщины не должны работать (в смысле – ходить на службу), а должны заботиться о детях, муже и тепле в доме, а мужчина, если он, конечно, настоящий мужчина, должен зарабатывать деньги. А Георг был настоящий мужчина. И семья у них была образцово-показательная. И в доме у них всегда было тепло и вкусно пахло восточными блюдами. И все вокруг восхищались хозяйкой. И Ёрик был безмерно счастлив, он восторгался со всеми вместе и сам с собою наедине женой своей красивой и умной. Но в глубине души, в самых потаённых задворках он был как будто даже несколько смущён обилием счастья семейного, а также и своими невероятно головокружительными успехами в карьере, что уже давно превысило предел его скромных мечтаний. Но постепенно Георг привык быть удачливым, и ему хотелось, чтобы Фортуна никогда к нему не охладела, но появившийся к тридцати годам предательский животик вселил в него лёгкую панику; и в результате постепенно сделался с годами счастливый отец семейства замечательно ревнивым, что он, как ни старался, скрыть не мог. И в народе по этому поводу ходили легенды.

Мы с Карлыгашкой не сказать чтобы были подружками, но я ею иногда просто восхищалась. Сколько житейской мудрости, изобретательности и коварства было в этой маленькой, изящной, словно китайская статуэтка, женщине! Помимо всего она была величайшей авантюристкой и интриганкой. Я была в курсе многих её „невинных шалостей“, но никогда её не осуждала. Она искусно украшала свою

жизнь, и сама была эдаким ходячим праздником. Она себя так и называла полушутя как бы: „Не девчушка, а картинка“. Красотой подбавляет восхищаться и воспринимать как подарок природы. Карлыгаш – ласточка быстрокрылая – была украшением частых приёмов на уровне министерства, куда они с мужем по долгу службы Георга регулярно приглашались. Они были великолепной парой. Белокурый синеглазый потомок викингов (дед Георга по отцу был датчанином) и маленькая черноокая газель, не отводившая прекрасных влюблённых глаз своих от верного спутника жизни, сильного и умного, спокойно и уверенно поднимающегося по крутой служебной лестнице. Моё знакомство с этой четой произошло странно. Ёрик когда-то проходил производственную практику на участке, где мы с незабвенным Николашей моим на благо Отечества нашего трудились, в поте лица зарабатывая эти самые „длинные“ рубли, недостающие нам для полного счастья, ибо даже уже в те славные старые (до-перестроечные) времена одной лишь любовью питаться было неразумно. Николашу и Георга сдружила их необузданная, прямо-таки патологическая страсть к рыбалке и охоте. Они были, как мне казалось, на этом просто помешанными. Я, как любая нормальная женщина, в душе даже обрадовалась, когда практика Ёрика подошла к концу и он уехал доучиваться в свой техникум, потому что Коленка принадлежал всё-таки мне, и я очень скучала, когда он уезжал на рыбалку, но, разумеется, виду не подавала. Снова мы встретились через восемь лет, в городе Павлодаре, где Ёрик был начальником огромной ПМК и по долгу службы оказался моим генеральным подрядчиком, шефом, так сказать. Мы возобновили дружбу, теперь уже семьями, ибо Георг в это время был уже вторично женат, как вы догадываетесь, на этой самой „не девчушке, а картинке“. У них была уже к тому времени шестилетняя дочь красавица, в которую наш четырёхлетний наследник Алёшка без ума влюбился и тут же решил жениться. Георг был хорошим отцом и мужем, но долгое время не мог быть счастливым из-за того обстоятельства, что его родная мать не могла простить ему, что он бросил свою первую жену – буфетчицу Олю Пёрышкину и женился на „какой-то кызымке аульской“. Она ни разу за семь лет не навестила своего горячо любимого первенца Ёрика.

Но однажды в квартире Рюппе раздался междугородный телефонный звонок, и Карлыгаш впервые услышала голос свекрови, сообщившей, что завтра она прилетает в Павлодар рейсом номер Х-31, будьте любезны встретить маменьку в 17:05.

Кари мужественно подавила лёгкую панику, взяла себя в руки и позвонила мужу на работу – сообщить радостную весть. Но Георг уже всё знал: ему звонил младший брат Михаил и предупредил о приезде матери. Кари поняла, что наступил её звёздный час, и решила во что бы то ни стало покорить сердце строптивой свекрови. Она слышала, что мать Георга больна, но не расспрашивала его об этом, а сам он ничего не рассказывал. Приём свекрови был устроен на высшем уровне, мама опешила, увидев красавицу-сноху. А какой в доме порядок! А какая она мастерица! А как готовит! Очень понравилось маме в доме у любимого

сына, и она решила ещё немного погостить, чему сноха искренне обрадовалась. Через несколько дней у свекрови был день рождения, не простой день рождения, а пятидесятилетний юбилей. Вот тут-то снохе пришлось включить всю свою изобретательность, и ей это удалось. Я потому об этом знаю, что сама помогала ей в этой акции.

Карлыгаш примчалась ко мне с просьбой написать свекрови стихотворение или оду, я посоветовала ей поискать нужные слова и написать сердечное письмо. Когда она дописала последнюю строчку и дала мне прочитать и откорректировать, я была в восторге. Ни одна сноха в мире не могла соперничать с моей приятельницей в лицемерии и лести. Это был шедевр.

Вечером, на праздничном ужине, где мы с Николашей тоже имели честь присутствовать, было очень весело. Когда только Кари успела всё это приготовить! После роскошного ужина и приятной процедуры вручения гостями счастливой виновнице торжества подарков, сноха попросила слово. Она протянула свекрови от имени семьи хрустальную вазу и конверт, но взяла с юбилярши слово открыть его только по приезде домой. Мама решила, что Ёрик ей даёт деньги, но сын заверил, что не знает, что в конверте, но что там нет денег, он был уверен. Имениннице ничего другого не оставалось, как принять конверт и, сгорая от любопытства, назначить день отъезда как можно раньше.

Мама уехала к себе домой через несколько дней, счастливая и спокойная, убедившись, что её любимчик в хороших руках. А вскоре, месяца через два, она умерла – от рака... А ещё через полгода Георг Альбертович получил в наследство всё, что осталось от родителей (отец умер несколькими годами раньше) – большой двухэтажный дом в городе Алма-Ате с фруктовым садом, баней. Снохе мама завещала свою сберкнижку, на которой числилась довольно приличная сумма. Мы с мужем находились в эти трудные минуты рядом с нашими друзьями. Бедный Георг аж поседел с горя. И „девчушка“ Кари была, казалось, безутешной. Но я не очень верила её слезам, потому что была единственным читателем того юбилейного послания, сочинённого благодарной снохой.

Вот что было в этом письме:

„Дорогая Мама!

В этот замечательный день, день Вашего юбилея, позвольте мне высказать несколько слов, что уже давно прописались в моём сердце и страстно желают быть услышанными.

Во-первых, мы: Ёрик, Марианночка и я, от всей души поздравляем Вас с 50-летием и желаем крепкого здоровья, ну и, конечно, чтобы мы чаще виделись.

Мама! Вы не представляете, как я рада, что наконец познакомилась с такой удивительной женщиной, как Вы. Сегодня мне хочется поделиться с Вами той огромной радостью и счастьем, что переполняют меня, ведь источником его являетесь Вы. Вы – мама моего Ёрика.

Признаюсь Вам, что жить рядом с таким прекрасным, добрым, умным, воспитанным, удивительным человеком, как Ваш сын, это больше, чем счастье, это блаженство. Он не только добрый, ласковый и нежный муж, он – прекрасный, любящий отец и сын.

Ёрик часто цитирует своего любимого Расула Гамзатова: „Сказал пророк: нет Бога, кроме Бога. Я говорю: нет мамы, кроме мамы...“.

Ах, Мама, знали бы Вы только, как часто он рассказывал мне о Вас, о Вашем доме, где он вырос; с какой нежностью он вспоминал Вашу пушистую шаль, в которую Вы его, маленького, кутали. А Марианночке перед сном заботливый папа рассказывает те же самые сказки, что Вы ему когда-то рассказывали. Только человек с большим и добрым сердцем, как у Вас, смог воспитать такого сына. Мы с дочерью гордимся нашим папой. Мы счастливы по-человечески. И это всё – Ваша заслуга, дорогая Мама, Вы – святая! Как жаль, что мы не были раньше знакомы, но теперь, когда мы, наконец, нашли друг друга, я надеюсь, что мы сможем наверстать упущенное. Двери нашего дома всегда открыты для Вас, а будущим летом мы все вместе приедем к Вам, чтобы самим окунуться в волшебный мир детства Ёрика, который мы с дочерью по его рассказам так чётко себе представляем.

Ещё раз, Мама, спасибо Вам за тепло в нашем доме и, не побоюсь этого признать, за простое, бабское счастье, которым я вот уже восьмой год не перестаю наслаждаться. Дай Бог вам здоровья!

С любовью и уважением к Вам, Ваши Марианночка и Кари“.

Вот в этот гостеприимный дом и привели меня ноги после того ужасного откровения Люськи Егоровой. Кари была дома. Они жили сейчас в том самом родительском доме „немецкой постройки“ на окраине Алма-Аты, доставшемся им по наследству. Георг Альбертович занимал теперь очень важную должность в Министерстве строительства, а его супруга, Карлыгаш Сериковна, преподавала технику безопасности в железнодорожном техникуме. Наша семья перебралась в Алма-Ату несколько позже; Николая пригласили возглавить передвижную механизированную колонну (ПМК) по строительству и ремонту дорог, а я перевелась в родное управление, в плановый отдел. С семьёй Рюппе мы теперь встречались уже не так часто, как прежде, однако тёплые и дружеские отношения у нас сохранились.

„Маленькая хозяйка большого дома“, быстро смекнув, в чём дело, сказала, что тут без бутылки не обойтись, достала из бара коньяк, накрыла стол так быстро, словно и впрямь раскрыла скатерть-самобранку. Я даже ахнула, как ловко у неё всё получилось. Эта женщина, надо сказать, вызывает восхищение не только у мужчин. Интересно, где и когда можно всему этому научиться? В каком университете домоводства? Но мне это, пожалуй, уже не пригодится, ибо... я решила как можно скорей и бесповоротно покончить с этим кошмаром, с жизнью семейной, и уйти навсегда... в монастырь. От этой мысли дурацкой мне сделалось немножко весело, и я улыбнулась. Воображение рисовало мне весёлую картину моего грядущего, где не будет рядом этого... негодяя моего разлюбезного. Заберу-ка я с собой только хорошие воспоминания, а неприятности оставлю здесь – этого добра, сдаётся мне, во всём мире полным-полно бесплатно. Для чего, спрашивается, тащить это за тридевять земель?.. Забыть! И – точка. Да и память моя устроена так, что я запоминаю только приятное, а плохое – переживу и напроць забуду. Вот

и Люську вспомнила только из-за Леди Чаф, да и зла на неё у меня нет. Если б не она, я бы никогда не прозрела. Пожалуй, пришлю ей в благодарность „за науку“ из Германии посылочку с колготками, а для Чафки какой-нибудь собачьей тушёнки, пусть радуются.

Карлыгаш налила по четвёртой. Мы выпили „за нас несравненных“. Хозяйка, узнав, что я собираюсь уехать в Германию, весьма правдоподобно расчувствовалась, смахнула слезу и произнесла длинную речь о том, как она меня любит, как ей будет меня не хватать, и что только женская дружба настоящая, а мужики – все дерьмо и недостойны они нас, и что я правильно решила развестись и уехать.

– А ты что думаешь, мой – золото? Такое же дерьмо, а не гуляет, потому как импотент. Твой-то Николаша хоть в постели – мужик стоящий, а этот... тьфу! Облако в штанах интеллигентное!

Глава 5. Здравствуйте, я ваша тётя!

Мне посчастливилось попасть в западную зону недавно объединившейся Германии, в славную Землю Северная Рейн-Вестфалия, где уже успели пустить корни мои родственники. Для начала меня поселили в „хайме“ для переселенцев. И... началась моя интеграция в этом мире. В лагерях нас уже регистрировали во всяких „амтах“ (учреждениях). Но это было такой своеобразной репетицией. А сейчас надобно было всё это проделать уже со знанием дела. Хорошо хоть, вовремя подоспели родственники, для которых эта дорожка была уже проторенной, и помогли мне с честью преодолеть все преграды. Зато теперь меня знают всюду: и на бирже труда, и в больничной кассе, и в социал’амте, и в пенсионном, и ещё в каких-то там... чёрт их запомнит, „амтах“. Да... только я уже не знаю, кто я. Та, со своей шикарной фамилией, – осталась там, в прошлом. А тут, в Германии, мои дорогие племянницы при первой же встрече со мной меня так раскритиковали, заметив, что я не на фрау Драхенберг похожа, а на простую советскую тётку из колхоза „Красный тупик“, и срочно занялись моим этим, как его... „Аутфитом“. В итоге, посмотревшись в зеркало, мне даже „Гутен таг“ незнакомке сказать хотелось. Такие вот метаморфозы...

Вот так началась моя новая жизнь. В другой стране. Под другим именем. Я вдруг представила себе, что я не я вовсе, что только выполняю задание – внедряюсь в чужую страну под чужим именем, согласно легенде, и что я никакая не переселенка, а просто шпионка... из прошлого, нет – из позапрошлого.

Ну вот, я уже третью неделю живу в Германии. Дом, в котором мы временно обитаем, напоминает старые советские коммуналки. У каждой семьи имеется своя комната, кухня – общая, санузел – тоже. Живут здесь тринадцать семей, таких же, как и я, счастливых переселенцев, кому повезло попасть в западную часть недавно объединившейся Германии. В нашей общаге все разговаривают по-русски. Первые дни жизни в стране этой удивительной обычно замечательны тем, что необходимо в кратчайший срок встать на учёт во всевозможные „амты“. Крайне важно для нас

получить удостоверение Spdtaussiedlerausweis (паспорт позднего переселенца), что подтверждает принадлежность к немецкой нации. Для этого мне надо было ответить на вопросы, довольно-таки несложные, задаваемые одной очень строгой и бесстрастной дамой. Дама эта представляла собой, на мой взгляд, классический вариант старой девы с фанатическим „партийным“ выражением лица, такие типы железных дам встречаются в любой партии, в любом обществе и предназначены отнюдь не для того, чтобы делать окружающих счастливыми. Видимо, они, дамы эти классные, и созданы специально „для порядка“, так, что мимо них не пройдёшь: они словно знаки препинания или дорожные знаки. Вот и приходится ждать в приёмной своей очереди, чтобы попасть к этой самой „людоедке“ на собеседование.

Вся приёмная забита такими же, как и я, переселенцами, готовыми доказать свою принадлежность к немецкой нации, что и делают при помощи всемогущего русского языка или посредством сурдоперевода, но немцы, похоже, нам не очень верят. Они-то сами липовые немцы – вон и фамилии у всех польские. Просто они проворнее нас, советских, затюканных, оказались – раньше нас приехали, когда мы ещё не могли или не были к этому готовы. А настоящие, коренные немцы – аборигены от нас, похоже, прячутся. Полагаю, что они существуют где-то в параллельном мире, но наши дороги пока не пересекаются. Местные немцы, так называемые хозяева, и без нас, бедных родственников, счастливы, а посему не очень спешат с нами знакомиться. А может, им просто неудобно перед нами за то, что по-русски ни шиша не понимают и не хотят нас, и так судьбой обиженных, ещё более ранить, кто знает... Они, немцы эти тутошние, странные какие-то, нет у них вот этой нашей безразмерной бытовой пролетарской простоты. И не потому ли не торопятся они собственноручно заключить нас в объятия свои, а посылают нам приветы горячие и помощь гуманитарную в красивой упаковке через посредников – служащих всяких там благотворительных организаций, а сами носа не кажут. Честно говоря, я от любопытства тоже не сгораю, поэтому оставляю-ка я пока при себе свои чувства к местным родственникам. Когда поймут, какая хорошая тётка к ним приехала, сами меня найдут. Пока я самоутешалась такими мыслями, дверь в кабинет приоткрылась, и все мы услышали несколько слов из диалога вошедшей передо мной бабульки и строгой дамы.

„Sprechen Sie deutsch?“ – спросила бесчувственная Frau, на что бабулька, никак не ожидавшая такого бессовестного вопроса, с возмущением выпалила по-русски: „Ну конечно!“.

Мы все стали от души хохотать, бабулька покраснела, а строгая фрау холодно процедила: „Ruhe!“ (тише!) и добавила что-то ещё, что по-русски могло означать: „Посмотрите на себя“ или... „Чья бы корова мычала...“.

Я, можно сказать, с честью выдержала экзамен людоедки, ответила на её ехидные вопросы: „С какой целью вы приехали сюда?“ и „Знаете ли вы немецкие обычаи и праздники?“.

Ещё бы мне не знать! Знала бы эта фрау, как бишь, её, Fleischwolf (Мясорубкина – дословно: мясной волк – по-нашему), сколько у меня было

немецких, чистокровных тётушек и дядюшек, которые всю жизнь разговаривали между собой по-немецки; и тихо-тихо, когда не было чужих, говорили мне, что не надо стесняться того, что я немка, что немцы и фашисты не одно и то же, что надо учить немецкий, кто знает, может, это и пригодится, но вреда, уж точно, не принесёт. Откуда-то из лабиринтов памяти неожиданно выпорхнули слова из песни, которую пел папа, а мама и тётки ругали его, чтобы при детях неприличных песен не пел.

„Они всё равно не понимают“, – отмахивался отец, продолжая петь. Вот эту песню, про старую деву, я вдруг вспомнила и один куплет пропела фрау Мясорубкиной–Fleischwolf. Она сразу всё про меня поняла, смахнула слезу, выпавшую из бесстрастных глаз от хохота, обнажив этим своё сентиментальное нутро. Однако быстро опомнилась, надела свою обыкновенно строго-вежливую маску и попросила пригласить следующего, пожелав мне успеха в интеграции. Честно говоря, поначалу мне хотелось сразу, как на духу, рассказать ей про мою историческую миссию, которую я выполняла с честью в тылу противника на протяжении 200 лет, а теперь вот вернулась и готова отчитаться за проделанную работу, но что-то удержало меня от этого шага. Вероятно, сказалось моё советское воспитание. А может, просто постеснялась моего ужасного немецкого. Побоялась, что вдруг неверно поймут меня и вместо желаемого рая определят в этот, как бишь его по-ихнему? – Иррэнхаус (сумасшедший дом). А возможно, я просто поскромничала, выпендриваться перед земляками не захотела. У них-то, поди, у каждого тоже своя личная трагикомедия за плечами. И, право, чего мне первой высовываться, потерплю ещё. Неспроста же в документах моих, в характеристике на меня с последнего места работы стояло: „в быту скромна“.

Как бы то ни было, я подтвердила присвоенный мне параграф номер четыре и была счастлива. К этому времени я уже знала, что § четыре лучше, чем § семь или восемь, но углубляться в тонкости эти мне не хотелось, потому что на меня обрушился такой поток информации, что мне просто стало жаль себя. Не перегрузиться бы, не дай Бог, не свихнуться бы на старости лет, на радость врагам моим. И друзьям – тоже.

Ну вот, дорогие читатели, что вы думаете, после моего удачного приземления в Будущем, после мыканий по обязательной программе в двух лагерях переселенцев и после признания меня пригодной для проживания на моей исторической родине согласно параграфу номер четыре, закончились мои „хождения по мукам“? Отнюдь. Они только начались. И даже моя новая, славная фамилия фон Драхенберг не смогла меня от них застраховать. Но всё по порядку.

После того как меня прописали во всех этих бюрократических „ам-тах“, родственники потащили меня в банк открывать счёт – по-немецки жирно-контно называется. И, представьте себе, на этой самой жирно-контэ стали появляться невесть откуда самые настоящие немецкие марки. И это было приятно. Да. Но, говоря честно, меня это трошки смущало – не привыкла я получать деньги просто так, не работая. Размышляя на эту тему, я нашла-таки способ успокоить захворавшую было совесть. Ведь

если представить, что пособие по безработице – это не какая-то там подачка бедным родственникам, а вполне заслуженный гонорар за проделанную мной работу там, в прошлом, за мой личный вклад в историческую миссию российских немцев, тогда... С этой позиции денежки обрели сразу для меня совсем другой смысл, и я стала их получать не только без угрызения совести, а даже с удовольствием. Дело осталось совсем за малым – взять и написать отчёт о проделанной работе, и всё. И появилась у меня жгучая потребность рассказать немцам тутошним о том, кто мы, откуда появились... И вообще, где мы веками пропадали, чем занимались и почему возвращение домой так надолго затянулось?

Итак, дорогая фрау Драхенберг, – сказала я себе, – за работу! Времени, благодаря процветающей в Германии безработице, навалом, идей – полно, память у меня отличная, бумаги и перьев – просто изобилие; в конце концов, для такого дела и компьютером не грех обзавестись. Всё складывалось для меня как нельзя лучше. Ведь я ещё в детстве знала наверняка, что когда-нибудь напишу книгу. И ведь начинала писать, и не однажды. Иначе не набрался бы целый чемодан рукописей. Но в этих прошлой и позапрошлой жизнях моих всегда имел место такой мешающий фактор, как дефицит времени, а нынче по наличию свободного времени я просто миллионерша. Отчёт писать придётся порусски, ибо мои познания немецкого языка оставляют желать лучшего, хотя до приезда в Германию я нахально считала, что владею им в совершенстве. Но даже такое обстоятельство уже неспособно было изменить мои благородные намерения.

Одержимая этой идеей, я всё время, свободное от обязательной программы (курсы немецкого), посвятила Отчёту. И... работа закипела. На мою бедную голову, словно татаро-монгольское иго на Русь, обрушилось нашествие воспоминаний. Эти воспоминания запрягли меня и стали погонять, заставляя писать, писать, писать... Уже вскоре был готов и первый сборник стихов. Я на радостях помчалась в социал'амт, потом в арбайтс'амт (на биржу), показать свои труды, но... меня попросили не мешать людям работать, идти и учить немецкий и поискать себе настоящую работу, а писаниной, тем более стихами, на хлеб не заработаешь...

В „амтах“ этих всё равно неправильные немцы работают. Не может быть, чтобы немцев-аборигенов совсем не интересовала история их российских родственников. Ничего не поделаешь, поищу родственные души где-нибудь ещё, может, повезёт – встречу настоящих аборигенов, немцев чистой воды, и они меня поймут...

Сюда везла себя родне в подарок,
А вот теперь совсем я растерялась.
Никто не хочет брать меня задаром
(За деньги же я просто постеснялась).

Я поняла в хождении по „амтам“,
Что здесь таких „подарков“ очень много.
Все говорят: „Мы были немцы там-то,
Любите нас“. А нас понять не могут.

В последний раз прошу я вас, германцы,
В подарок от меня – меня примите.
Другого вам уже не будет шанса...
Но коль меня признать вы не хотите,
Я попрошусь в родню к американцам,
А вы так без подарка и живите.

На посошок

Рассказ

Чемоданное настроение.

Ура! Разрешение из ОВИР'а получено. Чемодан давно собран, вон стоит в углу пузатенький, на колёсиках; важный такой – чай, за границу едет. Представляю, как он на своих роликах впереди хозяйки вихлять-то будет, когда по европейским вокзалам дефилировать станем. Ох, не лопнул бы от важности, толстопузый, из искусственной кожи, друг мой. Ведь ему я доверила все сокровища души моей – рукописи мои да дюжину любимых книг, с которыми расстаться не в силах, да ещё фотографии. Всё моё прошлое и настоящее. Всё поместилось в одном чемодане. Такой он у меня – Чемодан-Чемодан-Чемоданище! Нам теперь одна дорога – в будущее. Через недельку мы с ним, дружно взявшись за ручки, покинем этот мир. Словно Тристан и Изольда (или там Козы-Корпеш и Баян-Сулу) – в пропасть! В неизвестное! В будущее!

Как тут не вспомнить, глядя на это раздутое чудовище, как мужики шутят: мол, жена – она вроде чемодана: и тащить тяжело, и бросить жалко. Придурки!

Похлопала чемодан по брюху, он-то ни при чём. Разве виноват он, что мужского рода? Не с авоськами же за кордон отбывать. Не втихаря ведь драпаем, а как полагается, по закону уезжаем, возвращаемся на круги своя. Своя – не своя, уж скоро известно станет, самой интересно даже. А мужики пушай шутят, а то ведь и дошутиться могут, что потом не то что жены-чемодана, а и вообще „ни кола ни двора“. Вспомнила Николашу, „душегуба“ родненького, всплакнула мимоходом, но вовремя опомнилась – увидела себя в зеркале. – Не пристало тебе реветь, дурёха. Было бы из-за чего! Из-за чемодана, которого кому-то жалко (или не жалко) выбросить. Чихать хочу на вас, шутников. У меня, вон, разрешение из ОВИР'а. Через неделю приземлюсь в Европе, в граде нерусском Ганновере. А там всё трын-трава!

Конечно же, никакой трын-травы в Германии нет, там это называется таким вонючим словом „Шайс-Эгаль“. Я почему об этом знаю, так этому меня научила соседкина племянница Наталья Копейкина, гостья из моего будущего, с которой мы сегодня вечером опять встречаемся за „чаем“. Наталья уже четыре года живёт в Германии, а сейчас гостит у тётки – ностальгию лечит. Правда, она уже через неделю совсем здоровехонькой стала, назад просится. А Эрих Кох – муж её законный (немец чистокровный, советский) – специально билет обратный только через три месяца оформил, чтобы больше ныть не смела: „Домой хочу! Хочу домой!“.

Побыла Наталья два дня в селе родном, на могилку родителей сходила и укатила к тётке в город. Но и тут ей уже не сидится. Бегаёт по три раза на день на переговорный – в Германию звонить. „Нах Хаузе“ просится.

Я вот у Натальи всё расспрашиваю, как да что, записываю крылатые выражения. Это я исключительно в целях самозащиты, чтобы, не дай Бог, „не ударить в грязь лицом“ при случае... Перед тем как решиться уехать, я ведь всерьёз подумывала о том, не податься ли мне в монастырь. Но внутренний голос подсказал мне не спешить – туда можно ещё всегда успеть, а то, что калитка на Запад навсегда открытой останется, никакой гарантии нет. Так почему бы не испытать судьбу, не прислушаться к зову далёких предков, чьи сигналы, выбравшись из подсознания наружу, так замечательно запутали моё сознание, что я решилась: будь что будет – уеду! А так как отъезд в Германию для меня равносителен уходу в монастырь, то, заметьте, у меня и в мыслях нет вести там аморальный или паразитический образ жизни. А пикантные выражения заучиваю только с целью быть поближе к народу нерусскому. Чтобы меня побыстрее за свою приняли. На что Наталья от души хохочет: „Не знаю, что под словом „аморальный“ понимаешь, одно тебе скажу, забудь про „Моральный кодекс строителей коммунизма“. Там другой мир. Своей ты там ни в жисть не станешь, а паразитический образ жизни вести всё-таки придётся, потому что работы ты там не найдёшь, а кормить они тебя всё равно будут, так и знай. Это по конституции положено, и ты там не вздумай революций устраивать, – говорит гостя из моего будущего. – И совесть, если она имеется, мучить будет. Это уж точно. Через это все проходят. Вначале неудобно жить на халяву, но постепенно привыкаешь. А что до народных выражений, на кой они тебе сдались? Там на каждом шагу можно русский мат услышать. А немцы в народном творчестве бездари, дальше задницы своей не видят. Только и слышишь: „шайзе, арш, аршлох – дерьмо, задница, дырка в заднице. Фи!“

Всё это мне Наталья поведала за „чаем“. После пятой рюмашечки я уже не боялась, что потеряюсь в чужой стране, которая не ведаёт ещё, что через пару деньков она для меня самой что ни на есть родненькой станет. Моим последним пристанищем, светом в конце туннеля, мысом Забвения. И сдаётся мне, что эта Германия и есть тот самый Тот Свет. Тот Свет, где, по словам Натальи, приезжающие все, кто отсюда – будь то уборщица или профессор, вор-рецидивист, главный бухгалтер, или банщица, врач, клоун, милиционер или проститутка – все равны. А какое там изобилие товаров и продуктов! И цветы круглый год цветут. И птички поют. Совсем как в раю – есть всё! И – с присыпкой. Такое бывает только при коммунизме или на том свете. Так что надо распрощаться с настоящим, будь что будет. А мне помимо чемодана и терять-то нечего. Вон он, сердешный, как от дум-то моих, записанных на бумагу, раздулся. Снаружи страшный такой, толстый, рыжий, а нутро у него... тонкое и нежное.

Перелистывала недавно тетради старые и сама удивлялась, когда это я всё написать успела. Слова-то хорошие какие! А чувства, чувства! Всё от сердца написано, и придумывать ничего не надо было. А ведь я тогда верила во всё это. А сейчас так получается, что мысли мои и чувства, в слова одетые и на бумагу выплеснутые, там и остались такими, как были, а в жизни-то всамделишной всё совсем не так на поверку вышло. И где здесь правда, где ложь, одному Богу, если он есть, известно. Разобраться ни сил, ни желания пока нет, а выбросить жалко. Будто себя предаёшь. Вот и решила я увести эти рукописи в Германию. Может, время выдастся, переберу, доработаю и дам кому-нибудь почитать.

„Миленький ты мой, возьми меня с собой! Там, в стране далёкой, я буду тебе женой...“ – заливается соседка тётя Варя. Одной рукой она обнимает племянницу, другой подливает из заварочного чайничка мне в рюмку самогонки. Самогонку подавать в чайничках стало у нас традицией ещё со времён Перестройки, когда при Михаиле Сергеевиче сухой закон был. Мне уже хватит пить, не лезет эта гадость в рот, а тётя Варя, допев куплет, начинает плакать и уговаривать меня не обижать хозяйку, ведь от чистого сердца налила. «Там, – говорит она, – у Германии, тебе никто от чистого сердца не то что самогоночки, а и шнапсу ихнего не подаст, так и знай; и неведомо тебе, какие соседи-то попадутся, а тебя я ещё аж чуть ли не с рожденья знаю, и родителей твоих, царство им небесное, уважала. Давай выпьем, помянем наших стариков сперва. А как же, так полагается. Ну вот и чудненько, за-ку-си, – по складам еле выговаривает она, – грибочком. А теперь дружненько, по предпоследней – за соседей, а потом уж, как водится, за любовь, и спать пойдём.»

Выпили, но расходиться уже не хочется. После тоста „за любовь“ само собой напрашивается „за любимых мужчин“, но я не хочу за них пить. Голосуем и решаемся выпить за нас, за баб! „Верно, девоньки, – подала голос Клавка Шевченко, незаметно примкнувшая к нам в темноте соседка Варвары. – За нас с вами и – хрен с ними!“.

Я ухожу в глубь сада и сама себе рассуждаю, что если дорожка направо ведёт к туалету, то мне домой – в противоположную сторону. Но в темнотище этой не сообразишь сразу, где право, где лево.

– А на посошок, тётя Варь? – слышу голос Натальи, но я уже отсутствую.

Не помню, как у себя дома очутилась, – должно быть, автопилот сработал. Бросила подушку на пол, ткнула в бок чемодан: ну ты, подвинься, ишь развалился, нахал, всё место занял! – и заснула тяжёлым сном преуспевающей алкашки.

Сон мне приснился очень странный. Я всё куда-то убежать намереваюсь, спрятаться от чемодана, а он гонится за мной, словно разъярённый бык. Бегу, задыхаясь, через какой-то забор перелезаю, а он и там меня встречает.

„Мы, – говорит, – теперь с тобой пожизненно связаны, никуда ты от меня не денешься, потому что я и есть ты, только настоящая, а от себя не убежишь. Ты кто такая? Что из себя представляешь? Мужика бросила, простить ему не смогла измены. А не ты ли сама виновата в том, что он у других участия искал? Понимала ли ты его? Ты же только собой, своей работой, своими переживалочками занималась, носилась со своим раненым эгоизмом, как дура с писаной торбой. Ну, мужика ты, положим, бросила, а от меня тебе избавиться не удастся, запомни это. Так что приготовься век со мной, любимым, куковать. Ты теперь без меня – никто и ничто. Отныне я душой твоей заведу. Во мне (похлопал себя по пузу) работы для тебя на всю твою оставшуюся жизнь припасено. Так что читай и перечитывай, пиши и переписывай, только не ври себе. И не забывай, что тетрадки эти не тобой теперешней – злой и глупой бабой написаны, а хорошей, умной и доброй девочкой из твоего прошлого. До которой тебе ещё дорасти требуется, потому что ты не уберегла, потеряла, растранижила то прекрасное, что было даровано тебе. А теперь тебе придётся потрудиться, попотеть, чтобы вернуться к себе, к тому роднику“.

Проснулась распластанной на полу, голова трещит, кости болят, перегаром изо рта прёт. И, представьте, не муж пьяный рядышком, а Чемодан мой, ублюдок рыжий, развалился хозяином. Ухмыляется, подлец. Зайчики солнечные от застёжек по стене так и прыгают, дразнят меня.

Скорее зубы чистить да чего-нибудь солёненького съесть, а то ведь так и помереть ещё можно, светлого будущего не увидевши. Сон из головы не выходит. Мужа бывшего вспомнила. И задумалась. Действительно, мне бы по-хорошему Николая благодарить надо за то, что отпустил меня на волю. При таком муже уж точно в чемодан с черновиками не заглянула бы. Ведь стоял же он так, нераспакованным, почти десять лет. Всё времени у меня не было заняться им. Думала, доживу до пенсии, вот тогда и начну детские глупости перечитывать – выбросить как-то всё рука не поднималась. Вот и получается, что освободил Николаша меня от забот о себе, стало быть, благополучием своим пожертвовал, чтобы мне руки развязать для чего-то более важного в жизни, чем борщи варить да носки стирать. Молодец он у меня, выходит. И никакой он не душегуб, а как раз даже наоборот – мне возможность дал заняться делом для души. И, опять-таки, при оформлении документов в связи с выездом моим за границу, препятствий мне не чинил, денег не вымогал, как другие, разрешение на выезд подписал и у нотариуса заверил с первого запроса. Вот какого порядочного мужика оставляю тут, бросаю, можно сказать, вдовушкам безутешным на радость. И нет уже у меня на сердце ни тени обиды бабской на него, родимого. „Миленький ты мо-о-ой! Там, в краю далёком, не нужен ты мне чужой!..“.

Да, а Чемодан увожу с собой. Ибо, как сказал классик: „Мне очень жаль, что твоя гнедая сломала ногу, но Боливар не вынесет двоих“.

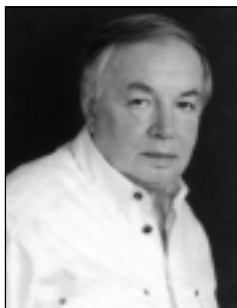
1994.

80-летию Андрея Вознесенского

В 1996 году газета «Нувель Обсерватор» назвала Андрея Андреевича Вознесенского «самым великим поэтом современности». Творчество А.А. Вознесенского, лауреата Государственной премии СССР (1976 г.), универсально во всех измерениях. Тематически и лексически это энциклопедизм, полнота обзора, отсутствие в художественной системе запретных тем и слов. Философски – сочетание диалектичности мышления с метафизикой, религиозным исканием, соотносением конкретного и вневременного. По обращенности и темпераменту – от интимности и исповеди до проповеди и вечерного набата. Метафорическое изобилие, корневая система всей предшествующей литературы, питающая творчество Вознесенского, – всё это подтверждает приведённую оценку. Публикация в нашем журнале поэмы «Россия, воскресе!..» посвящена 80-летию со дня рождения великого русского поэта.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Россия воскресе

Поэма

*Слава Тебе за указание тайного голоса,
слава Тебе за откровение во сне и наяву...*

Икос 10 Акафист Благодарственный

*Слава Тебе за то, что Ты окружил нас
тысячами Твоих созданий.*

Икос 3

I

Предначертательный Псалом

Я Пасху пишу на дощатом навесе –
«Россия воскресе!»
Над чёрной дырою на том самом месте,
где мы провалились, где жили в острейшей
тоске неземного, поверивши дезде.
Мы – нищие Крезы.
Всемирною нищенкой на протезе
Россия воскресе!

Я ползаю по скорлупе из асбеста,
стелю под подошвы некрологи в прессе.
Мы, ставя антенны, сломали скворешни,
но только в скворчатах Россия воскресе!

Ты помнишь, как мы заблудились в Залесье?
 За что нам возмездье?
 Мы разве живём? В многоразовом презе-
 рвативе экрана уносят нас «Вести»,
 в края, где Калашников ценится в песо,
 где пулей черкеса из «мерседеса»
 подрезали геза-головореза,
 рязанского, может. Всем без интереса.
 Осколки России — диагноз болезни.
За что нам возмездие?

Мы — в мире без нас. Где бурнусы и пейсы
 в тоске Боба Дилана по Одессе,
 в сиротском, врага потерявшем конгрессе.
 Как теза тоскует по антитезе!
 Пропавшее слово в глобальном контексте —
«Россия воскресе!».

За что нам возмездье? Диванчику в репсе,
 где спишь ты, свернувшись в калачик,
 как скрепка,
 а утром встречаешь меня с первым рейсом,
 любовью воскресе...

Чем мы провинились? Что пьём варенец мы?
 Иль тем, что в глазах твоих плыли от леса
 вспышки зелёного веронезе?

Тебе обещаю: «Россия воскресе»,
 хоть сам я не верю в чудеси-нездеси.
 Нас нету согласно законам Паскаля.
 Я предпочитаю законы пасхальные.
Россия воскресе.

В следах от помады зардела скворешня.
 Светают домов золотые обрезы.
 И может быть, в этом стихотворенье
Россия воскресе.
 А вдруг её нету, как чудища Несси?

Псалом совести

Мой прадед-священник явился из скверны.
 Сказал: «Вы страну загубили в скабрезе.
 Отныне в словах твоих — хоть упейся! —
 появится эхо — *«Россия воскресе».*

Пропавшую рифму ишу в поднебесье.

Гипсовый Псалом

По куполу глобуса, вспомнив профессию,
пишу синим флейцем,
на гиндукушском рисую эфесе,
на эйфелевом корсете,
на бунинском мстительном ирокезе, —
слова подбираю, как шифры на кейсе,
дал поле-чудесный церемониймейстер
четыренадцать клеток —

		С	С					С				С	
--	--	---	---	--	--	--	--	---	--	--	--	---	--

на камнях Катыни — приветик Валенсе! —
на Плаче стены, как на белой дискете,
на русской церковке Марии, всё крепче
стопы Гефсимана обнявшей при въезде,
и где твой нью-йоркский поблескивал крестик,
пишу Твоё имя с приставкой «воскресе»

и не замечаю, как в мрак ноги свеся,
боль бомжа пишу я на вилле Боргезе,
и стоны старухи о райсобесе,
десяток яиц стоит тысячу двести,
и нищие взгляды вцепились, как клещи, —
вдруг с помощью Божьей и правда воскресе?
За что нам возмездье? По Маросейке
бежали ненависти отсеки.
Из стойла рабсилы, из ваксы бесчестья
небесной апсидой Россия воскресе!

И кто-то добавил — «Мария воскресе».

Псалом первого слова

Из Яффы летит апельсин над апрельской
Марией. Досель понимавшая в чреслах,
она поняла Его сутью безгрешной.
Воскресший к ней первой явился. И перси
прикрыв, первой в мире сказала: «Воскресе».

Приехал Есерков, из южных эсеров,
в руке его тикал букет эдельвейсов.
А я на останках империи Ксеркса
писал знаки Пасхи. И танки, как пресс-па-
пье, кровь промокали единоверцев.
Она побежала к Петру. Ее версии
никто не поверил. Для денег на ксероксе
не хватит бумаги. В Империи скверно.
Туманны созвездия Троице-Сергиевские.

Твои телевизоры, вдетые в серьги,
транслируют Сербию. И Anne Вески.
Но смысл мироздания был в маленьком скверике,
где миндалевидная Магдалина
вглядывалась в Неизвестного.
Оставив границы, из тела и Текста,
как из Плащаницы, прощение воскресе!

А вдруг я убил её с вами вместе?

Умресе твои упыри в кариесе!
Грехи умозрительные умресе!
Не Урмас, Господь призывает ответственность,
Ты, Господи, — гений или злодейство?
Не по-христиански творить возмездье!

Я в Курске до света с пацанкой беседовал,
что ищет скелеты в лесу бересклетовом,
пропавшие без вести, с пулею «мессера».
Ты их воскресишь, двадцатилетних.
Скелеты умресе, взор синий воскресе.
Ей-то за что возмездье?

Скелеты по факсу общаются весело.
Скелеты меня обнимают при встрече.
Скелетик воды акварелью повесили.
Скелеты умресе — искусство воскресе!
Читатель, умаялись? Извинесе.

Псалом второго слова

Матфей стоял в очереди за гречкой,
она закричала ему «воскресе!».
«Воистину», — им милицейский отвечивал,
яичку кокардой цветной соответствуя.

Потом она пасхи месила и кексы,
цукаты, засахаренные орехи,
закаты народов, надежды, огрехи,
Москве недоступные деликатесы, —
за католической Пасхой, еврейской,
идёт православное благовестье,
мы Слово ее повторяем безгрешное.
И проституток расстреливал крейсер,
чтобы не промолвили это «воскресе...»

Под степью башкирской я чувствую рези.
(Мне виделось золото купола Невского.
Его отражение — как рюмочка хереса.
А как его выпить, увы, неизвестно...)
Крихели с артелью внимательным рейсфе-
дером корректировал мои ереси.

У Криса поехала крыша. Но если
я явственно слышу — «Россия воскресе!» —
в распадах Булеза, в снежинке Плисецкой,
в астафьевских «затесях» или «затесях»?!
И в шёпоте леса,
где белые с чёрным берёз диезы
кричат безответно: «Россия воскресе!».

В лесу раздавался топор дровосека.
Раскольников тренировался на секции.
Мозги старушки хранили генсека
и музыку Пресли.

Как ты ненавидишь мои курослепы!

Салонный Псалом

Пишу я, дыша эпоксидною смесью,
скелет скорлупы покрываю словесно.
Уйдя в видеомы, художеств наперсник,
я истосковался по рифмам, по перлам
Твоих выражений. Твоим фельдеперсам,
по прошлому, сброшенному на кресла,
по ненормативной беспамятной лексике,
что пахнет кофе и ломтиком персика...

Не первым я был у тебя, но я первый
Тебя воскресил из хрустального стресса.
Красиво исчезла — красиво воскресе,
заместительница возмездья!
Претензии женщины чисто имперские.
Империалистка, налей-ка искрейшего:
«За упокой Империи!»

Мария из косм выдирала репейники.
Как плавник акулий, сверкнул волнорезы,
ростральной колонной Россия воскресе.

Псалом слома

Что в нас воскресает? Народное зверство
над одиночкой? Народное сердце,
простившее адские муки репрессий?
Зачем Он доверился женщине бездны?
А может, не надо, чтоб это воскресло?
Зачем Достоевская эпилепсия?

Планета теряет без нас равновесье.
Возмездьем несло из могилы отверстой.
Пяту ампутировали Ахиллосу.
Бессмертие было. Совсем охеревши,
полкурицы мчалось. Вернулся Вольф Мессе.

С «НГ» было плохо. Рашидов воскрес.
Урезали пеней. Все взбеси депресси.
«Гомер я», — аппендикс выл, требуя секса.
Мы — дыры сознания в безумном процессе!
Как тёрка, толпа состоит из отверстий.
В них ненависть хлещет — святили АЭСы —
в дырявое время. За что нам возмездье?

Операция без анестезии...
И дыры без труб завывают в оркестре.

За что нам возмездье? Не мы же помещья
сжигали? Плевали на столик принцессы!
За что нам повестка? За грёзы прогресса
России возмездье? Россия воскресе.
«Господа, вам нужны великие потрясе...»
Россия — возмездье. Оборвана пьеса.

Вербный Псалом

Напротив шла служба. Метельной завесой
плыл храм Воскресенья. Господни невесты
Цветную Триодь выносили для песни.
В неждановском скверике было тесно
от прелестей бездны и женщин небесных.
Товарки Марии кадрили полпредства.
И ненависть била, как газ из отверстий.

Я думал, как Он изменился, воскресши!
Мария Его не узнала. У склепа
садовник ей виделся в затрапезе.
— Мария, узнай меня поскорее!
Россия, узнай мои руки, колени!
Омой мои муки слезами ослепшими.
Вдруг мы не узнаем России воскресшей?
Узнай нас, Господи, в талом клейстере!

Есерксов настраивал эдельвейсы.
И смысл неизбежный клубился над месивом.

Тебя ещё больше люблю в эти месяцы.
Обнимемся крепче под ветром возмездья.
При свете экрана — любовью воскресе! —
похристосуемся при Съезде.

Похристосуемся, Неизвестное!
 Похристосуемся, дыры бездны.
 Похристосуемся, буревестник,
 отставной провокатор бедствий.
 Похристосуемся, бесы,
 друг, предавший меня из спеси,
 вера, всех предавшая вместе,
 похристосуемся, критикесса.
 За Марию вслед — Каренина
 похристосовалась с рельсами.
 Похристосуемся, крестники.
 Скорлупа треснула.
 Вылупились песни.
 Не уехал я в край сиесты,
 чтоб Тебе прошептать «Воскресе».

Многогласный Псалом

— Русь, ты вся поцелуй на морозе.
 — СССР поцелуй на Мавзолее.
 — Похристосовались бы в Форосе, в Меласе,
 — В Сухуми, милаша...
 — Улисс, не засовывай в уши воск лести!
 — не псалом, а Шолом-Алейхем...
 — Я отколупнул скорлупку, а там коленка.
 — Керенки воскресе!

Две молнии в туче взвились как «эсэсы».
 За ней кто-то шёл. «Блядоходный повеса», —
 решила Мария. Но кто глыбу гнейса
 снёс с входа в пещеру, грунта не соскребши?
 Был свет незнакомый знакомым донельзя.

Мы въехали в Ерус — трансляция кнессета
 с роком мешалась — алима предместье.
 Ты в жизнь мою въелась, как уголь древесный.
 Щекочут ресничек тычинки и пестики.
 Нам Бог открывается лишь через грешницу.
 Таились мессии в садовых насестах.

А что говорили другие Марии?
 — А кто вы такие ? — спросила Мария.
 — Слова-то какие, — сказала Мария.,
 Сказала Мария: «Россия воскресе».

Псалом солнца

Кесарю кесарево —
Воскресшему воскресово.

Скворцы прилетели. Россия воскресе.
Сквозь тучи прорезался месяц консервный.
Фарца в важных креслах. Разруха. Но если
скворцы прилетели — Россия воскресе.
В отеле «Россия» наряд милицейский
сменили ангелы милосердные.
Прощенье! Прощенье! Отец, мать воскресе.
Воскресе стрекозы, как тень от двуперстия.
И крестик серийный в сирени персейшей,
и в вязаной шапке Твоих происшествий.
Ксерксов обёртывается: «воскресе!»
Воскресе, враг. Гирей противовеса
нас взвей в поднебесье!
Воскресе стихи на страницах «Известий».
И в каждой из женщин Мария воскресе.

Я слово «прощенье» пишу на возмездье
в масс-медиа мессе.
Любовь — это ненависти конверсия.

.....
РОССИЯ ВОСКРЕСЕ. ЛЮБОВЬЮ ВОСКРЕСЕ.

Стереопсалом

*Россию хоронят. Некрологи в прессе.
Но я повторяю — Россия воскресе.
Помолимся вместе за тех, кто в отъезде,
за ближних и дальних помолимся вместе,
за тех, кто страдает и кто в «мерседесе»,
за бомжа, что спит, не на вилле Боргезе,
пусть с помощью Божьей Россия воскресе!
Хоть кровь ежедневная вносит коррекцию
в надежды на воскрешенье скорейшее,
помолимся вместе за песни из пепла,
за то поколение, что выбрало пепси.
Мы, ставя антенны, сломали скворешни,
но только в скворчатах Россия воскресе.
Целуйтесь на сквере, рифмуйтесь*

в подъезде!

*Обряд многократный любви повтори.
Тебя я люблю. Ай лав ю. Ай эм крейзи.
И нет демократии, кроме любви.
Тебя ещё больше люблю в эти месяцы.
Нам, храм Воскресенья, врата отвори.
Стоят на балконе людей эдельвейсы.
Россия воскресе, воскресе в любви.*

II

Псалом второго дыхания

Судьбой, принимаемой за инсталляцию,
на третью ночь после 18-го
я крикнул «Воскресе!» с помоста,
как с пристани.

«Воистину!» —
мне дух, за толпу принимаемый издали,
ответил в неждановском сквере
безлиственном.
«Воскресе» рифмуется только с «воистину».
«Я выстону, —
думалось, — боль вашу выстрою
дырою, орущей, разинувшей гипсину».
И нищенки пели под свечку актрисину:
«Воистину...»

Быть страшно орущей дырою в России,
когда все орут сквозь тебя, воя истину.
До крови исповедью разинув.
Потом все орут на тебя. Так же искренне.
Но в криках «вались ты!» я слышу «воистину!»
И дух, за бомжа принимаемый издали,
дыру трактовал: «Чудотворную спиндили».

«Брависсимо», — наши вопили вориссимы,
и пахли канистры ценой независимой.
Хотелось, вернувшись в Ижевск из Устинова
воскреснуть воистину.
И яйца над храмом окраски матиссиной
молились юродивому Василию.
Как нам разгадал бы кроссворд по Листьеву?

Но всё это было, увы, невоистину.
А кто виновники ненавистные?
Судья просит срок, а поэт — амнистию.

Не ведали рифмы Овидия «Tristia».
В сближении слов есть предчувствие христиан-
ского поцелуя. Но первую дистан-
ционную рифму, в тоске палестинской,
вдохнула в нас женщина группы риска.

Псалом Сольвейг

С утра холодило. Подобно ватину,
шли мокрые хлопья. Вдруг небо расчистилось.

Презрев институты, забыв магазины,
стояла всеобщая Магдалина —
душа, принимаемая за туристку,
за дурь принимаемая фрейдистскую,
за бабу с редиской, за отроковицу,
за шелест имени Селестина.
Стояли, измучась дороговизною.
И было радостно, хоть и выстраданно.
И ты, за свечу принимаема истемна,
стоишь, согреваясь движением твиста,
переминаясь в ботинках — прости меня!..
Стояли, спасая страну ивасиную.
Шептали: «Воистину», — слово Пречистое
Святой проститутки из Палестины.

Видеопсалом

Не белую чашу с полночного выступа —
я родину на осмеяние выставил.
Освистана,
стояла она, матерщиной надписана,
её пьедесталы мочою описаны,
но лица светлели от отсвета гипсины,
и лазали дети на радость Фонвизину,
из дырок торчали чумазые физии —
Россия в скворчатах воскресе воистину.
«Списписпис...» — им пишут вкруг
глобуса кисти.
Пусть спится Вселенной под дождик
таинственный.

Бог — тёзка Гребенщикова Бориса —
БГ признаётся (штанины впятнистину!),
чтоб я оклемался, на трассе разбившись, —
он свечку поставил. С тех пор фаталиствую.

Но чёрною чашею тень исполинская
проплыла по зрителям и исполнителям.

Да минет нас чаша сия, Россия!
За что твои беженцы во поле стынут?

Ужель Севастополь, хрущёвский гостинец,
Толстым защищённый и флота любимец,
войной в нас заложен? И наши баллисти-
ческие ракеты на нас же с присвистом
из дыр преисподней вернутся сегодня,
взяв курс на Пречистенку вместо Принстона?!

Дай Бог, чтобы это всё невоистину.

Автопсалом

Молюсь Ти глоссолалией формалиста.
Не понимающий, что записываю,
России последний евангелист я —
Голгоф, принимаемых за Пречистенки.
В Москве, принимаемой за столицу, —
верхом на метелях летят ангелицы —
пишу Твои мысли, обмолвки, Мытищи,
смерть, принимаемую за велосипедиста,
в траве, принимаемой шинами лысыми,
Твои смутившиеся аметисты —
молюсь Ти: «продлись Ти, не запропасти Ти»,
молю Те разлуки, Те избы, Те пристани,
сквозь политическую апокалиптисину
впишу от себя Тебе слово «Воистину» —
душой, принимаемой за стилистику.

Спустишь Ти
шина Как с глушителем выстрел.

Псалом 2

Зачем запретил Он коснуться молитвенно
Марии, к нему простирающей кисти?
Чтоб не облучить её? Тень кипарисную
напоминал Он. Сияя, струился.
Потом растворился в рассвете малиновом.

Кем камень отвален? Отвальная. Иска-
риота искать уже было бессмысленно.
«Учитель, — подумала с укоризною, —
зачем, не коснувшись, расстаться
предписано?»

«Воистину страшно, мне страшно воистину,
что я не увижу мою воспитанницу.
Увижу иную, но неземную.
Отец наказал твою землю дурную.
Мы расстаёмся без поцелуя.

.....

Псалом благодати

А после любви он чихает. В гостинице
смеются: «Во время? Нет, после взаимности!
Гость после мэйк-лавки чихать ка-ак
примется!».

На что аллергия? на чью-то душистину?
Подруги меняют сорта Диориссимо.
А он всё чихает, хохочет всластистину,
в слезах очищенья! А может, в интимностях
у ей табакерка? Заявка на Гиннесса?

Она, значит, в ванну, а он — в апчихистину?!
Как там у Апчехова? Ему б чаепитье!..
Обчистили номер. А он в сладком приступе.
Чихает в Чикаго, в Саратове, в Виннице!
Шатаются стены. Летит черепица.
Апчественность в шоке. Закрывать визу
свинтусу!

Ах, чёрт, всё чихает, в минуту Пречистую..
По-русски «апчихи» означает «воистину».

Музыкальный Псалом

— К чему бы, Таисия?
Мне снится, что я выступаю арфисткою
в какой-то пустой Сальвадора Далине,
и кто-то вошёл. Не видать за софитами.
Но свет воскрешённый, как струны, струится.
И Он мне сказал: «Прикоснись,
Магдалина».

А я в своих джинсах под пряжкой армейской,
я белое платье не смоделировала.
Я не понимаю по-арамейски.
Но Он мне сказал: «Прикоснись,
Магдалина».
Пошло пианиссимо, знаешь, Таисия...

Псалом грёз

— Что снится нам в яви? Я сонник
выписываю.
«Дерьмо снится к деньгам». Скажу
без хвастистины:
Дерьма у нас много. Дерьмо растёт систе-
матически. Тесно ему в Отечестве.
Денежная масса растёт соответственно.

Псалом мод

Попса ломится на спуск Васильевский
 попсаломиться Я тоже выступаю
 (конечно, мысленно — сквозь гип-гипсину):
 «Живите по сердцу, а не по Гибсону!
 Эпоху винтиков сменили видики.

Я за деятельность интенсивну-
 ю-ю», — подхватили, трезвы несильно,
 пацан и мужик, десять лет в отсидине,
 заевши ситным с репринта Сытина.
 И я разорвал выступлснье стильное:
 «.....орическую шестерню?
 ...ню, принимаемое за «Three sislers'ню».

.....вободу
 транзисторную,
лови струю!
иск Ассизск
явись, Ты!
лимонов за триста, ну?
воистину».
 флейта, принимаемая за клистир,
 звучала мукой авангардиста.
 Ряженных, ряженных! Простим Бастилию.
 Хохоту! Каялись б. властители.

Весна хохотала, плясали школьники,
 подняв двуперстия, как раскольники.
 И голубь чихал — к Благовещенью
 чистился.

Вий телевийствовал.
 И, отделённая от действительности,
 мёртвой головы сюрреалистина
 счихивала витязя.
 И всё это тоже были истины.

Псалом 3

Примите бесалол, Абессаломы
 воинственные.
 Против псалома нету приёма.
 Воистину.

Профессиональный

— Ну, какая я дум властительница?
 Мы все — гостиничные Магдалины.
 Повсюду кающиеся мордины!

Страна берёт — от Кремля до Диксона.
Дай шефу, дай приставу, дай водителю.
И все в тебя лезут без вазелина.

Россия даёт осетину и Иштвану.
Оизденевшая от безденежья,
в толпе принимаемая за Нездешнюю,
я тело снимаю, как прозодежду
от Валентино.

Я подрабатываю дырою, как Вы душою, —
прости за исповедь.
Попробуйте жизнь за зеленью выстоять:
в колготках, примёрзших к первопричине!
Я паспорт сменила — ещё серпистее.
Пойду проповедовать у Вестминстера
основы нашего профессионализма.
Ораторов наших заткнуть бы сиською!
Все брешут!
НУ, ГДЕ ЖЕ ФРАНЦИСК
РОССИЙСКИЙ?!

Мне снится, что я выступаю арфисткой.
Пошло охурительное пианиссимо!
И я поняла, что попала аистино...
Сама я рожу для себя Спасителя.
Шампунем ноженьки ему выстираю.
Мне снится — с коляской иду батистовой.
И хурь подойдёте ко мне на выстрел!
Вы все — Магдалины, но без воистину.

Псаломничник

Ветрено!
Сбивает головы, как пулей вестерна.
Морозоустойчивые истицы,
интеллигентки мороз сволочистили.
Как с фрески софийской их лица (офици-
альных лиц не было) или с Уффици.
Кто в нашем кругу? В ореоле софитов
в псаломный подсолнечник судьбы притиснуты.
Ты — тёмное семечко с мыслью дитяти,
вдоль тела с каёмочкой адидаса,
куда ты, истенок, сбежавшая из дому?
Откуда ты молнию помнишь вольтистую?

И камень пещеры, как вытянутый из стены?
И как ты впервые сказала: «Воистину».
Никто не поверит в твою спиритистину.

Псалом детсада

Я — малолетняя Магдалина.
Живу в подвалах. Добавь на виски.
Кошка, беременная, как мандолина, —
мой друг единственный.

Псалом эпсилон

Он пробовал в ванной. Всё зеркало в брызгах.
Соседские дети за стенкою прыскают.
«Совистенно!» — ветры свистали вотместину.
На кладбище гипса всё те же статисты
топтали осколки генералиссим-
уов, впав в постмистику. Грызлись взавистину.

Вострастину гнали абстрактную глистиму.
Спешили — кто в уни — тс! Иов... —
Витийствовали.
А он всё чихает себе независимо.

Как выжила ты в этом юморе висельном?
Но кто независимый, тот независтливый.
А что он читает? Похоже, не Ибсена.
А он всё чихает, чихает неистово.
Медали чеканят. Честят теннисиста.
А он всё чихает, чихает неистово.

Глуха философская фаустыня.
Учусь у мистических атомистов
духовным синицам и грядкам редиса,
не диспутам — маслу для М. В. Фетисовой,
которой на пенсию не прокормиться.
«Живых воскресить бы» — сейчас моя
истина.

«ЖИВЫЕ ВОСКРЕСЕ», — шепчу
неуместно, —
от горя, от вируса ненавистины
ЖИВЫЕ ВОСКРЕСЕ, ВОСКРЕСЕ
ВОИСТИНУ!

А вдруг приживётся нижегороднее
Явлинское Христа народу?
Но поздно. В руинах социализма
с вас снимут пальто патрули альтруизма.
Моим Магдалинам пора отрулиться.
А он всё чихает, поклонник «Улисса».
Спасибо за лярное время вестибу,
забывшее рифму. Глухо.

Постный Псалом

Мы слушаем брюхом, а не ухом.
 Я слушаю клавесин — слышу «колбаса»,
 слушаю Шостаковича — слышу рубятся
 бифштексы,
 слушаю «готовится путч» — слышу
 «сосиски с капустой»,
 слушаю «приватизация» — слышу
 «заяц по-домашнему»,
 слушаю сессию — слышу «съесть бы кого»,
 пока слушаю «1000 ре» — слышу «3000»,
 слушаю «Мальборо» — слышу «малютку
 кормить не на что»,
 слушаю «кормить не на что» — слышу
 «стерлядь по-министерски»,
 слушаю «по-монастырски» — слышу «блин!»
 «Блин!..» — твои блинчики подгорели.

А в животах стеклянных у женщин,
 как в новых круглых пузырях-автоматах,
 висят сгорбившиеся красные
 телефонные трубки
 на пружинках пуповин.
 Они соединяются с тем, что было, —
 и с тем, что будет.
 По генетическому коду.

Не суйте в женщин гнутые монеты.

А доктор с прямыми ногтями
 кладёт на них слушающие руки.
 «Что за чёрт там чихает без маски?
 Ну, слушаю. Не надо кесарева.
 Насчёт мастита выясню».
Слушайте духом, а не ухом.

Осенний Псалом

Люблю нашу действитель- —
 ность. Вечер над Истрою
 люблю. Городишки дыру неказистую
 люблю. Биллиардное поле озимое,
 как позднюю страсть меж мешков увозимых,
 люблю. С рыбачками приютствую в диспутах.
 Закинувши голову в тёмную высину,
 я — только дистанционный смотритель,
 как падают рифмы путями хвостистыми.
 Впоьюсь в отражение кометы под пирсами.
 Вампирствую.

Уж осень? Ах, осень... Темнеет стремительно.
Лес пахнет анисовкой.
Лес пахнет, как страсть Пастернака семи-
десятилетнего: «Простимся...».
Неужто и это всё невоистину?

Империя тонет. Открыть дыры кингстонов!
Мы — Фирсы истории, а не крысы.
Набрать воздух в инстру...
Ну, за какую, скажите мне, истину
летят Сорок дней, вопрошая нас пристально,
летят, на полслова оборваны, жизни
тюльпанами чёрными из Таджикиста..?

А ЧЁРТ ВСЁ ЧИХАЕТ, ХОХОЧЕТ
НАД ТРИЗНОЮ.

Но если и правда Апокалиптисина —
зачем так рифмуется нынче неммыслимо?

И в мальчике с пальчиками вслед Кисину,
баховской мессой почти превративши
консерваторские зубочистки
в гусиные перья евангелистов,
с листа проиграет мою писанину
его паническое пианиссимо...

Сомнабулический

Шли в институ
ты так рифмуешься со всем Плыли инстинк
ты так рифмуешься со всем единственно
сквозь всех подойдёшь на ходу снявши клипсы
Пасхальную истину
таят твои губы по-местному «липсины».

Ты свитер
снимаешь через голову как тюльпан
делая йогу ты так же снимаешь с себя тело

С тобою рифмуясь, с ночного пиона
скользнёт лепесток по стеблям заголённым,
когда ты умыться бежишь полусонно
в рубашке моей, где края закруглённые.
Вернёшься, дрожа холодрыгой знобисто, —
А сад чем ознобнее, тем соловьиственнее! —
Уткнувшись в отросшую щёку ворсистую,
ответишь мне выдохом с привкусом
«Винстона»:

«Воистину».

III

Замковый Псалом

С окружной к Покровскому-Стрешневу
слышу шёпот сквозь Времени трещину:
«Я воскрестину, я воскрестину...

Мне свои не узнать окрестности!
Сквозь твою, поэт, манускриптину
я воскрестину

по крупицам, по кругу, по гривеннику,
жизнь по кругу идёт, по Гринвичу...»
За углом стоит Византийщина.

И синоптики палестинские
пишут мыслящими тростинками
непонятный глагол «воскрестину».

Что гадаешь нам, сербиянка?
Не скобянку едим — скорбянку.
Все бессребреники Сбербанка.

Воскрешает, кто камень кресит.
Наше кредо слетает искрами.
Мы в порядке. В порядке бреда.

В Назарет летят аспирантки,
презрев гегелевские предо-
хранительные спирали.

Жизнь проходит круговоротно,
повторяя венок сонетный.
Снова войны из-за Тавриды?

Заплетаю венок сомнений.
Строю арочные ворота.
Круг молитвенный сотворился.

Не концовки сонетной калька,
в центре арки — замковый Камень,
тот, что Ангелом отвалился.

Пусть отвергнут камень филистеры,
в камне плачущем перст оттиснутый...
«Я воскрестину слышу — воскрестину...»
Мне не надо кристальной истины.

Прощальный Псалом

Судьба, принимаемся за инсталляцию,
простимся. Кран дышит соляркою.
И белая пешка, внизу притализованная
рукою невидимой шахматиста

с доски подымается. К новым экзистен-
циальным ходам? К измерениям
таинственным?

Тобой москвичи изгалялись талантливо.
Ты рот разевала для ингаляции.

Постпсалом

Зачем Ты нам, Господи, инсталлировал
иерусалимскую инсталляцию?

Гора. И дыра опустевшей гробницы.
На Плащанице следы радиации.
И первая зрительница, молящаяся,
в сравнении с космосом Божьим — малявочка,
уже не блудница, ещё не пустынноца,
с неповторимой интонацией —
под шорох пустыни, как шифер волнистый, —
себе повторяя:
«Воскресе? Воистину».

Зачем Ты внушил мне в Москве её выставить
под крики: «Во инста!»?
Затем ли, чтоб души воскресли из мглыстины?

ВОИСТИНУ
ВОСКРЕСЕ

Я Пасху пишу на дощатом навесе...

27-IV-94

Наверно, не гунны и не черкесы.
У Дома кино, в понедельник, на Брестской,
с земли подымаю, сжимая до рези,
два грязных осколка... оссия ...оскресе...
За веру в любо... и ...овече... прогресси...
прости раба Божья, Андрея Вознесе...

1994

Досжан НУРГАЛИЕВ

Ловец космической пыли

Рассказ

1

В условиях вечного противоборства электромагнитных и социальных полюсов всякому телу, если оно не астральное, требуется компенсация за все физические и метафизические издержки жизнедеятельности. И в этом смысле, всякой прихоти – своя юдоль, а голове – боль. Натруженное тело молодого каменщика Сарсена предпочитало всем прочим утехам неистовый жар банной парилки. И потому запустило под кожу лёгкий озноб, когда его обладатель собирался отсалютовать на только что заработанные двадцать тысяч тенге свой дебют в качестве кладчика печи.

С работой парень справился гораздо раньше, чем предполагал, и образовавшуюся паузу до вечера, когда предстояла тусовка с приятелями, решил заполнить маленькими удовольствиями. Можно было с беззаботным видом посылаться по городу, потолкаться в торговых рядах вещевого базара. А проще было бы скоротать время за кружкой пива в баре, проживая тем самым не только звёздные часы человечества, но и скудные финансовые ресурсы вместе с их водяными знаками. Однако печных дел мастер, видя, как зимний морозец на пару с дерзким ветерком заставили горожан срочно переобуться в сапоги-скороходы, недолго раздумывая, сделал выбор в пользу банной парилки с веником. Укрывая лицо от жгучего дыхания стужи, он живо направился в сторону близлежащего частного сектора, густо окутивавшего атмосферу целым арсеналом дымоходных труб.

Владелица ничем не примечательной усадебной баньки, припираемая с одной стороны конкурентами, с другой – участковым инспектором, а с третьей – инфляцией и монополистами, в отличие от прочих предприимчивых соседей старалась не забывать о круговороте клиентуры в природе. Поэтому за то время, что ушло у неё на отсчитывание положенной сдачи от крупной купюры, она успела рассказать печнику Сарсену обо всех преимуществах своего заведения, с виду, как сарая, а внутри – рая. Сделав это, она кивнула в сторону бани и негромко заметила:

– Слушай, касатик, моется там один любитель пара из города Сыктывкара. Так ты или дождись, пока смоется лорд, или ныряй, коль не горд...

В предбаннике на вешалке висела пухлая курточка, ворот которой был оторочен мехом какого-то экзотического зверька, убиенного во имя меркантильных амбиций человечества. Рядом с ней покоилось остальное оперение того селезня, который после очередной ходки в парилку сидел на лавочке да побрякивал в своё удовольствие. На приветствие он никак не отреагировал, хотя его пионерская зорька отпылала заревом ещё до освоения целины.

Сарсен живо скинул с себя одежду и, торопясь поскорее насладиться неистовым жаром парилки, стал доставать из полиэтиленового пакета новый банный веник, купленный полчаса назад на вещевом базаре.

– А веничек-то у тебя шибко хиленький, – заметил тот, кто, потягивая пиво из бутылки, наблюдал за ним сквозь жиденькую гирлянду ниспадавшей на лоб шевелюры.

– Да, но других не было, – ответил парень, на что сосед, не вынимая из рта горлышко бутылки, настойчиво булькнул:

– Не было чего, выбора или принципа? Вон, погляди на мой веничек и на свой. Видишь разницу, чудик?

Паренёк бросил торопливый взгляд на мокрый пучок дубовых веточек, отсыхавших после изнурительной работы в адском пекле, и поспешил согласиться:

– Веник не хилый. Вижу, знаете в этом толк...

– Учителя толково объясняли, – пояснил мужик и, постучав указательным пальцем по влажному черепу, продолжал назидательно: – В этой коробочке, как в канцелярии комиссариата, всё разложено по полочкам, пронумеровано и прошнуровано. А в твоей базе данных, я уверен, один голимый трёп, да и то виртуальный. Эх, молодёжь-балдёж! Что делать-то будете с эхом в башке, если вдруг отрубят электричество?

– Буду делать то, что умею...

– Я тоже умею, да только денег не имею. А про ваше умение и у кошки сомнение.

– Ну, зачем вы так, – обиделся парень. – Я только что печку выложил. Тяга – что надо. Дымок над трубой – будто линейкой выровняли...

Знаток банных веников засосал содержимое бутылки, как «чёрная дыра» материю, кашлянул пару раз и оскалился в ухмылке:

– Линейкой, говоришь? Да хоть молотком! Всё равно ведь горбатого лепишь, мурзилка. Знаю я вас! Тусуетесь-рисуетесь по дискотекам. А продолжать дело предков, кому? Канадскому комбайну? Да после его молотилки не только травы, но и соломы в поле не остаётся для поддержки коровьих хвостов в верном положении...

Пареньку от подобного недовеса его персоны стало вдруг зябко, и он поспешил скорее исчезнуть за обшитой чёрным дерматином дверью парилки.

– Печку сложил. А в штаны при этом не наложил? – не унимался мужик, глядя недовольным взглядом на облупившуюся местами стену предбанника.

Говорят, ворон чёрен от того, что его карканье никому не доставляет удовольствия. Но счастье ворона в том, что он не гогочет и не кукарекает. Иначе вместо трёхсот лет дуракаваляния в верхних слоях атмосферы, ему бы выписали лимит всего на одну ночь переосмысления ценностей в нижних ярусах социального инкубатора. Причём, под пристальным надзором опекунов с ярко выраженными физиономиями мясоедов.

Ворчун, затеявший прения в предбаннике, ещё пару лет назад был охранником в городском медвытрезвителе, где вконец уверился в том, что нетрезвое состояние одних преумножает благосостояние других.

Систематическая очистка карманов пьяных пациентов от личности была для охранника не только прибыльным, но и не менее увлекательным делом, чем кладоискательство. И, как всякий практик, он пережил на этом поприще немало эволюционных этапов роста, начиная от примитивной инфузории, до матёрого осьминога-щипача. При этом он подметил, что хроническая часть перенасыщенной алкалоидами публики гораздо легче переносит пустоту своих карманов, нежели подопечные из числа случайных залётных. Но у хроников ничего, кроме перегара, за душой не водится. Другое дело – трудяги, попадающие в итоге форсированного набора этиловой массы в пятый угол невероятной, но вполне очевидной ситуации. Однако и на старуху бывает проруха.

Ловкий экспроприатор однажды не устоял перед искушением изъять содержимое кожаного бумажника, принадлежавшего некоему горлопану в тибетейке. А утром при выдаче личных вещей владелец пустого бумажника, глядя на охранника, хрипло произнёс:

– Ну что, лапа, думаешь, сорвал большой куш?

Охранник с невозмутимым видом пригрозил ему:

– Слушай, алкозавр, сваливал бы ты отсюда крупными прыжками, иначе камер для белой горячки у нас хватает...

Через пару часов он сидел в машине сотрудников отдела по борьбе с коррупцией и с пропащим видом смотрел на помеченные купюры, изъятые у него при задержании...

Из органов его живо удалили, как больной зуб, поражённый кариесом. Но за милость борцов с коррупцией ему пришлось выложить на бочку все дивиденды, что извлёк он некогда из тёмного омуты хронической морали. При этом лукавая фортуна дала знать прежнему фавориту, мол, деньги, не пахнущие трудовым потом, недолго залёживаются на дне сундука. И суть их наличия в природе состоит в бесконечной кочёвке из рук в руки.

2

Сегодня далеко не всякий обитатель биосферы задумывается о том, почему долгий век терпения заканчивается рабской привычкой. А если мимолётом и задумывается, то вразумительного ответа от собственного «аналитического центра», расположенного поверх шеи, он не слышит. Разум спит и видит сны, вероятно, эротические, поскольку чаще всего лепечет о сексуальной революции, гей-парадах, диких пляжах и прочей порномании, но только не о деле. А оно на сей раз, требовало внимания к себе, иначе грозило принять неожиданный оборот...

Пиво быстро усвоилось в недрах организма бывшего охранника, расщепившись в процессе химической реакции на полезные и бесполезные составные элементы. Но жидкость, полученная местными технологами по неправильной формуле брожения, только раздражила алчущее сознание потребителя. И он, потянувшись рукой к банной авоське, достал оттуда тяжёлую артиллерию – поллитровку с соответствующим закусочным боекомплектom. Первый залп этого орудия по глухой

скорлупе обескураженности живо пробил брешь в иное измерение, где солнце светит ярко и жизнь обещаниями полнится. И потому при виде разгорячённой фигуры печника Сарсена, возникшей на фоне серой штукатурки, как инвестиционная тучка на периферии глобального рынка, экс-охранник без всякого прежнего высокомерия воскликнул:

– В парилке мы тоже, как в барском ложе!

Паренёк, тяжело дыша, плюхнулся рядышком на скамеечку, а подобревший сосед протянул ему заботливо бутылочку «Карагандинского» и пояснил:

– Пиво после парной расширяет не только сосуды, но и кругозор, поскольку располагает к беседе с бывалыми людьми. Один из них – перед тобой...

Для пущей убедительности он добавил:

– И мне, бывало, звёзд сулили черти, когда от зноя плавилась мозги...
Усёк?

– Звучит прикольно, – улыбнулся парень и залпом осушил продукцию пивоваров угольного бассейна.

Обладатель «базы данных» одобрительно кивнул и заметил:

– Тара должна быть пустой, чтобы снова наполниться реальным содержанием, хотя в жизни всё бывает наоборот. К тому же, реалии, как дражные сандалии, китайскими нитками не заштопаешь, а зверушку, что – внутри, сухими глаголами не проймёшь.

С этими словами гроза вытрезвителя ловко наполнил водкой пластиковый стаканчик и, придвинув его к Сарсену, настойчиво произнёс:

– Ну, джигит – вира!

Это было предложение, от которого в мокром виде отказываться было неловко. И парень, опорожнив тару, ответил собутыльнику:

– Майне...

Спустя час после этого, утомлённая клиентура медленно проследовала мимо хозяйки заведения в сторону калитки. Парнишка, «зазвездешивший» до чёртиков, висел на дюжих плечах своего более устойчивого товарища, который явно знал, почему рабская привычка и принцип круговорота денег в природе – понятия взаимозависимые друг от друга. Знал он, видимо, и то, что в ближайшем переулке есть «пяточок», где вечно пребывают в состоянии вариативного ожидания «акулы» частного извоза. Один из них легко согласится доставить «клиента» в нужный пункт назначения, получив предварительно за все физические и метафизические издержки предприятия свой кусок материальной компенсации.

Вернувшись назад к бане, экс-охранник «отстегнул» деловой партнёрше её долю и удручённо заметил:

– В этом ярусе социального инкубатора вращается лишь космическая пыль мирового капитала. И трудовые будни никаких плюсов, кроме аллергии, в наше состояние не привносят.

– Слушай, касатик, – молвила ему партнёрша, – горы состоят из пыли, а море – из капель. И потому иди-ка в баню...

г. Астана

Людмила БАРЛАМОВА

“Звучат дождей сентябрьских сонаты...”

Бабье лето

Уходит лето, сняв покосы дружно,
На небе кучевые облака.
Сентябрьский дождь, не торопись, не нужно
Дарить жемчужных капель мне пока.

Ах, бабье лето, паутин метели,
Горят рябины алые уста,
Но что-то рано птицы улетели,
А небо цветом серого листа.

Октябрь и ночи стали холоднее
В тоске по лету скрипка и свирель.
Всё дни короче, ночи всё длиннее,
Природы стала тусклой акварель.

Закат как факел, тротуар — стежлярус,
Я к осени отдам свои долги.
Моей надежды окровавлен парус.
Она меня полюбит, ты не лги.

Ах, бабье лето, паутин метели,
Горят рябины алые уста,
Но что-то рано птицы улетели,
А небо цветом серого листа.

Яблоки

Спелые яблоки, сочные груши,
Словно из воска — янтарные души
Светятся, пламенем алым горя.
Это не яблоки, это — заря.

Яблоки, груши — земли самородки,
Всласть насладиться в срок их короткий,
Смотрите жёлто-оранжевым оком.
Не искушайте, сорву ненароком!

Зрейте зарёй — золотисты и златы,
Шкура тонка, как на рыцарях латы.
Плод — он доступен и ночи, и свету.
Веткой махнут проходящему лету.

Зимний колорит

Простор весь белизной горит,
Всё это — зимний колорит,
Мороз сегодня фаворит.

Я день зимы люблю любой,
А снег лежит, аж голубой,
И небо — как морской прибой.

И облака, как будто в пене,
В какой-то безысходной лени,
Что встать хочу я на колени.

Снег серебрится

Снег серебрится, будто из акрила,
Не солнце мне в глаза, заря искрила.
Сухая ветка сломлена. Щелчок.
Заря влияет на румянность щёк.

Нет тупика, всё в жизни поправимо
И музыка звучит чуть уловимо.
Ни боли в сердце, ни печали. Тихо.
И входит в сердце жалость, словно лихо.

Окутает тоска сердечко змейкой,
Что закружилась осень над скамейкой.
О том лишь только ветры умолчали,
А грусть мою развеяли, умчали.

Качели

Скрипят качели в тишине двора,
Движение замедлив еле-еле.
Под монотонный скрип их: “Спать пора!”
Бураны затихали и метели.

Меня качели уносили вверх,
Я в облаках парила и над бездной,
Но неизменно верила в успех
И в то, что людям буду я полезной.

Соната дождя

Звучат дождей сентябрьских сонаты:
Даёт концерт сегодня осень сольный.
А мы, как меломаны и фанаты,
Поём мотив её произвольный.

А счастье в дом на цыпочках прокралось —
Не до рассвета, до весны осталось.

Стекает дождь по пламени заката,
В камине угли прикорнули сонно.
Слышны лишь грома редкие раскаты,
Да кот мурлычет мягко, монотонно.

А счастье в дом на цыпочках прокралось —
Не до рассвета, до зимы осталось.

Тоска в мой дом пожаловала в гости.
Седое небо — в луже на крылечке.
Деревья, как обглоданные кости,
И облака, как серые овечки.

А счастье в дом на цыпочках прокралось —
Не до рассвета, навсегда осталось.

Каблучками осень цокала.
Ночь. Откашлялась гроза,
И дожди вокруг да около,
Смотрят в окна, как в глаза

Полоснула небо молния,
Степь поднялась на дыбы.
Ту картину я запомнила,
Сидя у речной воды.

Саксаул, ветрами сломанный,
Страж степей — сухой жантак.
Месяц, степью зачарованный
Смотрит, где и что не так.

Отражение зорек раннее
Блекло утром в берегах.
Осень знала всё заранее:
«Ветер будет спать в лугах».

Бремя лет

Улеглась тоска по лету,
Осень я вчера встречала
И лазурному рассвету
«До свидания!» — кричала.

Осень с запахом ромашки.
Непогода хрипло стонет.
Листьев жёлтые рубашки
По асфальту ветер гонит.

Окна в юность распахнуть бы
Опустить в рассвет ладони.
Бремя лет с себя стряхнуть бы,
От его уйти погони.

Осень закружилась на пуантах,
Под дождём всех красок слился колер.
Ночью небо в крупных бриллиантах,
Днём сыночек задержался в школе.

И с шафранно-жёлтой мостовой
Ветры листья вихрем подхватили,
Будто им за это заплатили.
И стоит под ливнем постовой.

Но сменилось всё в одно мгновенье:
За спиной то всхлипы, то рыдания,
И зима, как будто привидение,
В белом вся явилась на свиданье.

Ветра тенор ли сладкоголосый,
Иль колоратурное сопрано
Буре тон задаст такой хороший.
Удивлюсь зиме, пришедшей рано.

Дождь в своём репертуаре

Ветер мечется в агонии
Брошу я тоску, в огонь её.
Листья задымились, сыро.
Осень, это уже было.

Виноградная лоза,
В ней и солнце, и гроза.
Листьев реденькие пряди
Сушит ветер на ограде.

Дождь в окно стучится дробно,
Ветер воет, но беззлобно.
Может быть, из озорства
Не признал со мной родства?

Над землёй стальные тучи.
Холод. Дождь сечёт колючий.
Заблестели жемчугами
В ночь снежинки под ногами.

Диск луны какой-то бледный
Не янтарный и не медный.
Я ловлю дождя слюдинки,
Как шероховаты льдинки!

Дождь в своём репертуаре,
Я играю на гитаре.

г. Жезказган.

Алексей КУРГАНОВ

Апокалипсис местного значения

Рассказ

Пятого июля две тысячи девятого года в шесть часов тридцать минут утра жительница деревни Могилово Тамара Сергеевна Мячкина, жизнерадостная сорокапятилетняя женщина приятных взгляду телесных форм, выведя на выпас корову Милку и покормив борова Броньку, шестерых безымянных овец и безымянных кур во главе с петухом Филимоном, отправилась в близ расположенный берёзовый перелесок за земляникой. Ягод было в этом году так себе, скромней скромного, пока полбидона наберёшь – от души накланяешься. Но в прошлые годы было ещё хуже, поэтому Мячкина всё же решила сходить, чтобы набрать хоть на пол-литровую банку варенья, которое ей и мужу хорошо помогает при разных простудных заболеваниях, да и просто чаю попить.

Дойдя до первых берёзок, она услышала впереди неясный подозрительный гул, тут же забыла про землянику и, влекомая естественным женским любопытством, пошла на звук. Могуче и неотвратимо, словно боевой танк, она продралась через стоявшие непроходимой стеной заросли двухметровой крапивы и, весьма при этом поострекавшись, вылезла на оперативный простор, где чуть было не свалилась в не то чтобы очень глубокую, но всё-таки приличной глубины свежевырытую длинную канаву. На другом конце канавы, в окружении двух самосвалов и одного трактора со здоровенным совком впереди, стояли пятеро мужиков и, дымя сигаретами, смотрели на экскаватор, выбиравший грунт.

– И чегой-та здесь копаете? – подойдя поближе, вежливо поинтересовалась Мячкина.

– Ниченгой-та, – передразнил её высокий мужик с хмурой мордой и короткой бородкой. – А кто здороваться будет, село?

– У нас деревня, – поправила бородача Мячкина (очень она любила это дело – поправлять, даже когда её об этом никто не просил). – Называется Могилово. Двадцать дворов. Здравствуйте.

– Здоровей видали, – буркнул бородач, не отрывая взгляда от экскаватора. – Чего надо?

– Интересуюсь, – сказала Мячкина, робея и смущаясь, и одновременным движением носа, глаз и бровей показала на экскаватор. – Строить, что ли, чего собираетесь?

**Алексей
Николаевич
КУРГАНОВ**

родился в 1958 году, образование – высшее медицинское. Публиковался в журналах «Молодая гвардия», «Воин России», «Сенатор», «Голос эпохи». В «Ниве» выступает впервые.

Живёт в г. Коломне Московской области.

– Какая ещё стройка! – вмешался в разговор молодой розовощёкий бугай с бычьей шеей и бедовыми глазами. Он внимательно и с нескрываемым удовольствием оглядел её шикарные формы и плотоядно цыкнул языком. Мячкина смутилась ещё больше.

– Муж послал, – предупредила она на всякий случай (дескать, мы не какие-нибудь там. Мы замужем). – Посмотреть, что за шум.

– Ах, муж! – игриво сощурился бугай. – Муж, который объелся груш... Свалка здесь будет.

– А нам говорили – в Прохорове, – показала свою осведомлённость Мячкина (нет, всё она знала! Всё, что ни спроси! Одно слово – Тамара Мячкина!).

– Там тесно, – пояснил бородач, который, в отличие от бугая, к её формам отнёсся обидно равнодушно. – И народу много. Так что решили здесь. Самое место. Простор!

– Могли бы и нас предупредить, – и она недовольно поджала губы. – Местных, то есть, жителей.

– Да кому вы... – начал было бугай.

– Колька! – рывкнул на него бородач (он был здесь, похоже, главный). – Ты язык-то свой... Нас это, гражданка, не касается, – повернулся он к Мячкиной, и хотя больше ничего не сказал, но построил такую непрístupную физиономию, что и без слов было ясно: и она сама, и эти самые местные жители лично ему и всей его бригаде, а также и трактору с экскаватором, глубоко по барабану.

– И чего же здесь сваливать собираются? – спросила Мячкина с робкой надеждой услышать, что просроченные пищевые продукты. Ей её свояченица Дуська, она в продмаге у вокзала уборщицей работает, на прошлой неделе рассказала, что где-то в районе будут организовывать большую свалку, на которую станут возить со всего города просроченные пищевые продукты. «Сейчас с этим строго, – назидательно сказала Дуська. – Потребнадзор, торгинспекция, милиция, ещё какие-то жирные из Москвы... Проверяют каждую неделю. И если срок у продукта просрочен – сразу составляют акт просрачивания. Вон, в прошлом месяце, пятьдесят кило «Докторской», сто двадцать рублей килограмм, только вчера срок закончился, даже из холодильника не успели вытащить, а эти, жирные – тут как тут. Мигом нарисовались, и сразу кинулись свои бумажки писать. А колбасу – целых сто двадцать кэгэ! – тут же на помойку. А она ж ещё свежая вся с виду! Но только им, жирным, всё равно: срок вышел – получите по шее. Зато к контейнерам тем помоечным с окрестных домов народу сразу сбежалось, как мух на это самое! Ничего не оставили! Ни кусочка! И даже интересовались – когда ещё выбрасывать будете? Дескать, мы всё смолотим. Только пожалуйста, побыстрее! Ишь ты, как у них аппетит-то разыгрался! Да и чего не разыграться на халяву-то!».

Мячкина досадливо наморщила лоб. Хорошо живут городские, сытно, ничего не скажешь. Это надо же – колбасу на помойку! У них вон в селпо ничего не выбрасывают. Хоть сгниёт там всё подряд вместе с обёртками – всё равно норовят всучить! Совсем совесть потеряли! В торгинспекцию, что ли, про них, оглоедов, написать? А чего?

Пусть тоже просрачивают и тоже выбрасывают! Чем они лучше городских? И ей, Тамаре, тоже будет удобно. Она же тоже от сельпо недалеко живёт.

– Это чего ж, только колбасу на помойку-то? – спросила она Дуську.

– Не только, – многозначительно ответила Дуська. – И сыр бывает, и консервы. Я ж тебе говорю: у которых срок.

– А я вот печень тресковую очень люблю, – призналась Мячкина. – В таких, знаешь, красивых консервных баночках. Архангельский рыбзавод. Банку прям одна за один присест могу съесть прям за минуту.

– Тресковая, говоришь? – задумалась Дуська, вспоминая.

– Ага, – подтвердила Мячкина и даже облизнулась. – Шестьдесят пять рублей банка.

– В первых числах была, – «обрадовала» её свояченица. – Два картонных ящика.

– А сколько в каждом? – быстро спросила Мячкина.

– Двадцать банок. (Мячкина досадливо поджала губы. Нет, надо всё-таки про сельпо написать!). А уж бомжи обрадовались! Ха! Да у них от нашей помойки морды во какие стали! – и Дуська щедро распахнула руки, показывая размеры бомжовских морд.

– Да... Живут же люди... – завистливо вздохнула Мячкина. – А тут колготисся с утра до ночи, а зарплату на месяц задерживают. Говорят – кризис. Дусь, а макароны выбрасывают?

– Я ж тебе уже какой раз говорю – всё! Если срок!

– Да. Срок – это хорошо... У меня Васька макароны любит. Лучше с колбасой. Особенно когда выпимши. Первый, говорит, закусон. Гад. Картошку, говорю, жри, ведь двадцать два мешка накопили, куда нам! А он, гад, кочевряжится. Твоя, говорит, картошка у меня уже во где! – и она провела ребром ладони по горлу. – Сам ведь копал – а жрать теперь кто, Пушкин будет? Ух, так и врезала бы ему! Гад. Алкоголик. Макароны ему подавай! И колбасы... Дуська, а водку, случаем, не выбрасывают?

– Дура совсем? Какой же дурак её будет выбрасывать? Она ж без срока!

– Это конечно... – вздохнула Мячкина. – Я бы тоже не выбросила... Ваське хоть со сроком она, хоть без срока... Гад. И когда только её досыта нажрётся?

– И чего же здесь, интересно, сваливать будут? – спросила она бородатого.

– Чего... – хмыкнул бородатый. – Чего на свалки сваливают? Известно чего. Отходы.

– Может, продуктовые? – поинтересовалась она с тайной надеждой.

– Ага. Колбасу с ананасами. И хрен с горы. Держи в обе руки, – безжалостно разрушил все её пищевые иллюзии бородатый и зло сплюнул себе под ноги. – «Продуктовые...». Надо же придумать... А ядерные не хошь?

– Нет, не хочу, – сказала Мячкина и на всякий случай быстро перекрестилась.

– А кто тебя спрашивать-то собирается? – резонно возразил собеседник. – Ты чего, депутат, что ли, чтоб тебя спрашивать?

Мячкина отрицательно мотнула головой: нет, не депутат. Но всё равно не хочу. И на всякий случай дурашливо хихикнула. Дескать, понимаю, не такая уж дура, какой кажусь на первый взгляд. Про ядерные – это, конечно, шутка. Это я понимаю. Не совсем уж такая. И телевизор регулярно смотрю. Разных там Петросянов с «аншлангами».

Она шагнула к бородатому поближе и, подхалимски улыбаясь, заглянула ему в лицо. Лицо было очень серьёзным. Шуткой от такого лица даже и не пахло. У Мячкиной тревожно заныли зубы и защипало в носу.

– Значит, какие, говорите? – повторила она свой вопрос, всё равно не веря бородатому.

– Я же сказал, – поморщился тот, явно тяготясь тупостью своей случайной собеседницы.

– А зачем? Почему к нам-то?

– А куда? – вопросом на вопрос ответил он. – На улице их, что ли, оставлять? Дураки, что ли, совсем?

– На самом деле ядерные? (Вот вцепилась! Как репей! Она всю жизнь такая! Если вцепится – не оторвёшь! Хуже репья! Прямо лишай!).

Бородатый терпеливо вздохнул.

– А мы как же? – не унималась Мячкина (не, ну чистый репей! Вперемешку с лишаем!).

– Кто?

– Мы. Местные проживающие.

– Ну и чего?

– Нам-то куда?

Бородатый неожиданно развеселился.

– Что? Страшно? – ощерился он в зловещей усмешке. Зубы у него были жёлтые, длинные и широкие. – Да не бойся! Может, всё ещё и обойдётся! Вон, в Чернобыле, недавно по телевизору показывали, люди до сих пор живут. И ничего. Некоторые даже до сорока годов доживают. Которые рекордсмены.

Мячкина, услышав про такие чернобыльские рекорды долголетия, ахнула и закаменела лицом. Экскаватор взревел. Трактор пыхнул ядовитым сизым дымом и бросился в атаку на здоровенную кучу свежевырытой земли. Работяги похватили лопаты. На кривой берёзе громко каркнула ворона. Из облаков вырвалось ослепительно сияющее солнце.

– Караул, – прошептала Мячкина.

В шесть часов сорок пять минут, то есть ровно через пятнадцать минут после выхода Мячкиной из дома за земляницей и через две с половиной минуты после окончания её разговора с умным бородатым бригадиром, о нависшей смертельной опасности знала уже вся деревня. Кто спросонья, кто с испугу, кто просто так, до кучи, но орал все, даже абсолютно глухонемой с самого рождения дед Никодим, который никогда сроду не орал и вообще всегда только дурашливо всем улыбался.

– Ратуйте, православные! – визжала старуха Поликарпова. – Наша смертушка пришла! Иконы доставайте!

– Ну, раскудахталась... – досадливо буркнул дед Степан Серёгин, ветеран войны, бывший знатный тракторист, деревенское прозвище – Турок. – Все там будем. Как говорится, гробы на каждого с самого младенчества заготовлены. Надо только знать, когда их с чердаков вынуть.

– Тамарка, тебе чего, этот начальник так прямо и сказал? – наседала на Мячкину соседка Клавка Воропаева, многодетная мать-одиночка. – Ты ничего не напутала?

– Во те крест! – и Мячкина размашисто перекрестилась. – Бородатый так прямо и сказал: устроим, мол, вам второй Чернобыль! Ни один до зимы не доживёт!

– Ратуйте, православные! – по новой завела свою бодягу Поликарпиха. – Надо попа звать! Чтоб молебен отслужил от такой напасти!

– Х...ня это всё, – легкомысленно потягиваясь, заявил Витька Токарев, бесшабашный красномордый верзила с постоянно насмешливым взглядом. – С ней, дурой, пошутили, а она уши и развесила. Ещё всех подняла по самой утрянке. Дура.

– Не дурней тебя! – огрызнулась Мячкина. – А не веришь – сам сходи спроси. Они уже и яму вырыли.

– Это для нас, что ли? – заржал Витька. Ему всё нипочём. Совершенно несерьёзная личность. Одно слово – шалапут.

– ... а с другой стороны, всё может быть, – словно разговаривая сам с собой, задумчиво пожал плечами Василий Иванович Гаврилов. Народ сразу притих и повернулся к нему. Гаврилова в деревне уважали. Солидный, неторопливый, обстоятельный в суждениях. Газеты читает регулярно. И работал не где-нибудь, а в городском комитете государственной безопасности. А туда, понятно, дураков не брали. Правда, там, в гэбэ, он служил всего лишь простым шофёром, но это нисколько не умаляло его личности в народных глазах. Некоторые из которых (не глаза, а люди), например, та же полоумная Поликарпиха, ещё застали те теперь уже далёкие времена коллективизации и раскулачивания, и помнили, какой шорох наводили в здешних деревнях и сёлах наши славные чекисты.

– Всё может быть, – неторопливо повторил Гаврилов. – Деревня наша – бесперспективная, это вы все сами распрекрасно знаете, одни старики со старухами, и всего-то двадцать домов. Так что для свалки – самое место.

– Чего это «самое место»? – взъерилась на него Клавка Воропаева. Для неё единственной Гаврилов не представлял никакого авторитета. Ей, Клавке, вообще всё равно кто перед ней – сотрудник безопасных органов или конь в пальто. Пользуется тем, что многодетная, и с ней по этой причине довольно стрёмно собачиться. Один хрен – переорёт. Она такая горластая, прям куда там! Вот от неё мужики и бегут, потому что нет никакой возможности.

– «Самое место»... – передразнила она Гаврилова, уперев свои мощные многодетные руки в свои тоже очень нехилые боки. – А я, может, на этом самом месте проживать желаю! Может, мне больше деваться некуда! Да и Тамарка всё врёт! Правильно Витька говорит: набрехали ей эти, с

лопатами. Скучно им было, а тут нате вам – эта грудастая. У нас же рядом ничего такого ядерного нету!

– Было бы кладбище, а покойники найдутся, – резонно возразил Гаврилов. Витька опять неприлично заржал...

Короче, решили ехать за разъяснениями в районную администрацию. Представителями единодушно выбрали Гаврилова, Тамарку, как непосредственную очевидицу, и Витьку, у которого единственного в деревне были исправные «Жигули». Витька предлагал взять ещё и Поликарпиху. В качестве группы поддержки, для усиления и создания общего фона, и вообще для смеху. Она, Поликарпиха-то, как заорёт своё истошное «ратуйте, православные!», городской народ мигом сбежится. Вот тогда только и успевай ловить момент, заручайся всенародной поддержкой. Но Витькино предложение в могиловских народных массах поддержки не встретило. Хорошего – понемножку, строго сказал Гаврилов (что он этим самым хотел сказать – совершенно непонятно). Скромнее надо быть (опять туман). Иди домой! (это уже конкретно Поликарпихе, которая опять было распахнула свой чудесный ротик). Устроили, понимаешь, цирк! (это уже всем).

Вообще, народ от его властных распоряжений сразу присмирел. Почувствовал, что дело в надёжных ежовых рукавицах бывшего многолетнего шофёрского комитетчика.

Сначала разлетелись идти прямо к главе района, но его секретарша сказала, что Никита Сергеевич на два дня уехал в Москву.

– А вы по какому вопросу? – спросила она.

Ей объяснили по какому.

– На месте Слюняев Григорий Григорьевич, – сказала секретарша. – Заведующий отделом экологии. Вас устроит?

– Устроит, – согласился Гаврилов.

– Нам один болт, – развязно заявил Витька.

– Какой болт? – не поняла секретарша. Она, похоже, была культурной женщиной и не знала всех этих простонародных выражений.

– Оловянный, – как ни в чём не бывало, продолжил глумиться над её эстетически культурным воспитанием этот недалёкий трепач-балагур.

Гаврилов свирепо посмотрел на Витьку. Тот тут же придал лицу невинное выражение. Если эта фифа шуток не понимает, то я-то тут при чём, говорили его бесстыжие глаза.

– Нас устроит, – повторил Гаврилов секретарше. – Вы не слушайте.

Женщина непонимающе и почему-то испуганно кивнула, покосилась на Витьку и, подняв телефонную трубку, с кем-то поговорила. Похоже, с этим самым слюнявым.

– Сейчас Григорий Григорьевич занят. Освободится через десять минут. Двести десятый кабинет.

Гаврилов кивнул: поняли, спасибо. Делать нечего. Слюнявый так слюнявый.

Слюняев оказался крепко сбитым, но уже начинающим расплываться мужиком лет пятидесяти с колючим фельдфебельским взглядом и физиономией, похожей на солдатскую подушку.

– Слюняев Григорий Григорьевич, – представился он всем троим, но руку пожал только Гаврилову, сразу почувствовав в нём старшего. – Подполковник в отставке. Сейчас волею, так сказать, судьбы брошен на экологию.

И опять посмотрел только на Гаврилова, словно давая понять, что разговаривать намерен только с ним, а эти двое, с первого же взгляда видно, что совершенно несерьёзные существа, пусть сидят себе смирно вот за этим столиком и помалкивают согласно субординации. Гаврилов понятиливо кивнул и пожалел, что не взял на встречу старуху Поликарпову.

Недалёкая Мячкина распахнула было рот, но главный районный эколог вовремя предупреждающе поднял руку.

– В основных деталях я в курсе. Прошу подробности, – и, многозначительно взглянув на часы, добавил строго-казённым тоном, что у него очень мало времени. Гаврилов снова пожалел о Поликарпихе.

– Значит, так... – изложил он сложившуюся ситуацию как можно подробнее. Мячкина, от волнения перебивая саму себя, дополнила сообщение совершенно не нужными с точки зрения Гаврилова подробностями. Эколог в отставке многозначительно поджал губы и с этими губами стал похож на подававшего жизнь и уставшего от дураков-посетителей пожилого поросёнка.

– И чего же вы хотите? – изогнув губы в дежурной улыбке, спросил он.

– Как... – опешила Мячкина. – Запретить! Конечно! А то – ядерная! Ещё чего придумали! Кому ж понравится! Нам же там жить!

– А деревня в плане переселения записана? – задал Слюняев неожиданный вопрос. Мячкина вытаращила глаза: какой план? Куда записана? Никуда она не записана! Ещё и план какой-то есть? И какое ещё переселение? Она лично ничего не знает. Куда переселять, зачем? Почему? По какому праву?

– Так точно, записана, – по-военному спокойно подтвердил Гаврилов. – Ещё в первом варианте.

– А тогда чего же волнуетесь? – удивился экологический подполковник. Точнее, сделал вид, что удивился. Чему чему, а удивляться он уже давно и прочно разучился. Ещё с удивительных армейских времён. – Вас же всех переселят согласно плану, – сказал он успокаивающим тоном. И тут же поправился. – Нет, тех, конечно, кто доживёт. Потому что процесс этот весьма длительный, не на один год. Так что кто доживёт, тот будет жить на новом, экологически безопасном месте. У нас в районе они пока есть. Вот и все дела.

– Нет, интересно получается! – нахально влез в этот очень серьёзный разговор очень несерьёзный Витька. – Свалку копают – не предупреждают. Переселяться – тоже молчок. Без меня меня женили! Чего за дела ваще? Как со скотиной!

Лицо господина Слюняева приобрело каменно-кислое выражение.

– А вы кто? – спросил он Витьку таким тоном, что сразу было понятно: хочет унижить.

– Член делегации! – нагло выпятил грудь Витька. Но всё же сразу почувствовалось – малость оробел.

– Ах, член! – иезуитски улыбнулся-усмехнулся Слюняев. Дескать, видал я эти самые члены и посолиднее. – Ну, если член... А вы тоже, как я понимаю, член? – неожиданно спросил он Мячкину, и даже не спросил, а как будто утвердил её в этом почётном звании. Мячкина в ответ кивнула и почему-то покраснела.

– Ну если вы все здесь... – и сделал умышленно-насмешливую паузу, – ... члены, то будем, конечно, рассматривать. Конечно. Вы заявление у секретаря уже зарегистрировали?

– Какое заявление? – непонимающе спросил Витька. – Это ещё и заявление надо писать?

– Ну, товарищи... – Слюняев развёл стороны свои короткие пухленькие руки. Дескать, он весьма удивлён такой их дремучей невежественностью в подобных делах.

– Вы же сами сказали, что вы – члены. Правильно?

– Правильно, – сказал, сцепив зубы, Гаврилов. Он уже понял, что этот розовощёкий пирожок над ними просто потешается. Что он здесь, в этом своём кабинете, просто помирает от скуки и от этой своей, ему совершенно безразличной экологии, и никто из здешних действительно серьёзных начальников его серьёзным человеком совершенно не считает. И что он действительно сидит, в общем-то, на весьма серьёзной, но только на самом деле никому не нужной должности, и никаких серьёзных вопросов не решает и решить не может, потому что никто ему этого не разрешит. Его просто зачихнули сюда после отставки, потому что куда-то его надо же было пристроить. Ведь не какой-нибудь прапор занюханный, а, как ни крути, самый настоящий подполковник. Всю жизнь на командирской должности. Может, в своей курсантской юности мечтал стать выдающимся полководцем. И вот теперь, с этой деревенской делегацией, выпал ему редчайший случай – показать, что и он в этой районной иерархии хоть чего-то, но значит. Ну как тут не воспользоваться такой редкой возможностью и не потешить своё убогое слащавое самолюбие?

– Значит, вы что-то вроде штаба, – заключил Слюняев. – В таком случае дело приобретает очень солидный оборот. Вопрос принципиальный. Почти как у Шекспира: быть или не быть? Для таких случаев существуют определённые правила, и не я их заводел. Нужно написать заявление, зарегистрировать его в секретариате, там рассмотрят, передадут в соответствующую инстанцию, которая и даст компетентный ответ. Всё очень просто, но, конечно, потребует определённого времени.

– Так сейчас-то чего нашим деревенским говорить? – словно бы и не слыша всей этой дежурной бюрократической нудятины, спросил Витька. – Народ волнуется. Запросто может перейти к активным действиям.

– Это к каким же? – сощурился Слюняев.

– Да пожгут все эти тракторы с бульдозерами к чёртовой матери – и все дела.

– В милицию попадут.

– Не-а, – нахально возразил Витька. – Никто же никого не продаст. Круговая порука. Деревенская мафия.

– Это не порука, – фыркнул Слюняев презрительно. – Это пугачёвщина какая-то. Анархия. Произвол. Повторяю: вопрос серьёзный. С кондачка его решить не могу, – и выжидающе посмотрел на Гаврилова. Тот кивнул. То ли спорить не хотел, то ли по старой служебной привычке привык кивать.

– Как писать-то, господин полковник? – спросил Гаврилов.

Господин подполковник дружелюбно ему улыбнулся, оценив таким образом тонкую лесть, и широким хозяйственным жестом подвинул Гаврилову бумагу и ручку...

– Такая морда... – возмущённо сказал Витька, когда они вышли на улицу. – Эколог! Об его лоб только поросят долбить! Насмотрелся я на таких... экологов, когда в армии служил. Каждый день после своей экологии домой на карачках приползали. На нас орали, чтобы мы соляру экономили, а сами её гражданским втихаря толкали. Чтоб на горло.

– Чего ты прицепился к человеку? – нахмурился Гаврилов. – Он же тебе, бестолковому, всё по полочкам разложил. Какие к нему претензии?

– А какие были, такие и остались! (Нет, нашего Витюшку просто так не обманешь и не успокоишь. Он в корень зрит. Ему конкретика нужна, а не эти самые полочки). Чего мы сюда ездили-то? Зачем? Чего выяснили?

– Выяснили, что как был ты шалапутом, таким и остался! – прорвало, наконец, Гаврилова. – Не мужик – кипяток! Подать ему прямо сюда и прямо сейчас! Разрешите бегом? Ты не в бане – в учреждении! Где люди к своим словам ответственно относятся! Не то что некоторые... – и почему-то с неприязнью посмотрел на Мячкину.

– А чего я-то? – тут же всполошилась она. – Чего я?

– А кто? Кто всю эту... – и, не находя нужного определения, Гаврилов закрутил перед ней пальцами, – ... заварил?

– Чего эту-то? (Да... Одно слово – Мячкина. Простая, как вся моя жизнь. В том смысле, что никакого соображения. Одни вопросы).

– Апокалипсис, – ответил за Гаврилова Витька. – Фильм такой есть, американский. Про конец света. Очень смешной. Прямо весь ухочешься. Скоро он и у нас будет. Только без всякой Америки. И хохотать будет некому. И хоронить тоже.

Через две недели на адрес Гаврилова из районной администрации пришёл ответ. Уважаемые жители деревни Могилово, говорилось в нём, согласно перспективного плана развития нашего района на период 2009-2012 годов строительство полигона для захоронения ядерных отходов на обозначенной в вашем заявлении от пятого июля текущего года, номер триста шестьдесят пять дробь три, территории в текущем году не планируется. Подтверждаем, что согласно вышеназванного плана развития

района ваша деревня признана бесперспективной в дальнейшем существовании, и при благоприятном разрешении вашего жилищного устройства запланирована к ликвидации. Число. Подпись (Неразборчиво. Какая-то Бричкина). Согласовано. Подпись – Слюняев. Точка.

– Ну, все поняли, бесперспективные? – спросил собравшихся перед магазином Витька, которому общим собранием и было доверено зачитать этот административный ответ в виду его громкого голоса и лужёной глотки. – Так что не сомневайтесь! Этот год можете доживать спокойно! Никто вас травить ядером не собирается! Чем другим – пожалуйста, только скажите, а ядером – нет! Документ... – и он потряс в воздухе документом. – ... ясно определил ваше конституционное право на жизнь в этом текущем году!

«Ну балабол, – подумал Гаврилов, выслушивая это Витькино кривляние. – Трепач чёртов. Одно слово – баламут! Нет, распустился народ без крепкой руки, факт. В тюрьму сажать за такое балабольство – это, конечно, перебор. А вот припугнуть, чтоб в штаны от страха наделал, чтоб маму дорогую тысячу раз вспомнил, вот это было бы самый раз. Кому это не знать, как не ему, Гаврилову. Повидал таких вот... балаболов. Повозил их по закрытым судам да спецпсихушкам».

– В старинных писаниях как говорится? – просипела Поликарпиха, которая сорвала голос, когда ещё на первом собрании орала своё «ратуйте». – «О смерти думай, а гроб всякому готов!».

– Шурик, убери бабушку, – застонав, попросил-приказал Гаврилов её внуку Шурику. – Иди её щами накорми. И чтоб она больше из дома не выходила! Никогда!

– Это конечно... – согласился старик Серёгин-Турок и, язва такая, ехидно прищурился. – А они, между прочим, всё копают и копают. Копают и копают... Чего, спрашивается, копают, если в вашей бумаге написано, что ничего копать не будут?

– Тебе же, дед, русским языком написано: не планируется! – строгим командирским голосом сказал Гаврилов. – Понял?

– Понял, – согласно кивнул дед. – А чего ж они тогда копают?

Фу ты, ну ты! Ну как можно с такими вот... динозаврами по-людски разговаривать?

– А чего тебе-то? Твоя, что ли, земля? Хотят и копают! Может, даже и под свалку. Будущую, конечно! – тут же, чтобы опять не заводить этот удивительный народ, поправился Гаврилов. – Давайте уж по-людски рассуждать. Да, может, даже и под свалку. И ничего удивительного в этом нет. Её всё равно в районе надо где-нигде копать. У нас – самое место. Потому как Витька вам ясно прочитал: мы – бесперспективные. Вот дадут всем жильё, и деревню – под бульдозер. И нечего здесь сейчас слезами хрюкать, нечего! Сами ноете – вода из колодца, уборная во дворе, топить – дров не напасёшься. А вот дадут квартиры, там и отопление централизованное, и вода из крана, и тёплый толчок. Хоть неделю на нём сиди – не слезай, погремушки свои всё равно не отморозишь. А то, что ещё, может, пару годков придется до ветру в скворечники бегать, то это – из-за экономических трудностей. Вы же сами кризис по телевизору смотрите, чего ж тогда удивляетесь? А свалка – дело в масштабах района необходимое. Отходы в космос

не запустишь. Их хоть куда, а надо сваливать. Ну, дед, с этим-то ты, надеюсь, согласен?

– Согласен, – качнул белой и пушистой, как дымящийся пух, головой старик Серёгин. – Как автобус к нам пустить – это нельзя, невыгодно. Как новый фершалский пункт – тоже. А как дерьмо везть – давайте, робяты, к нам! У всех возьмём, нам не жалко! Хорошая справедливость. Справедливая.

– А вот с такими разговорами мы все очень далеко зайдём, – тихо, но даже как-то зловеще предупредил не только Степана, но и всех собравшихся Гаврилов.

– Куда уж дальше! – опять раздухарился этот белобрысый пенёк-одуванчик. – Переморюют всех здесь как мух, а мы и знать-то ничего не будем!

– Мух надо дихлофосом, – авторитетно заявил восьмилетний гавриловский внук Павлик. У него были летние каникулы, родители хотели взять с собой, на море, но он упёрся – ни в какую: в деревне лучше, хочу к деду! Он, Павлик, умный. Он теперь во второй класс пойдёт. С английским углублением изучения языка.

– Устами младенца грохочет истина, – сказал Витька насмешливо и погладил Павлика по голове.

– Значит, вы больше ничего в администрации спрашивать не хотите, – констатировал дед Серёгин. – А? Не хотите? Я так понимаю?

– Дед, ты успокоишься когда-нибудь? – еле сдерживаясь, спросил Гаврилов. Вот уж действительно, своей долбологией этот настырный чудила кого хочешь может из себя вывести!

– Я-то успокоюсь... – пообещал тот и, привычно согнувшись, сделал пару шагов в сторону. Гаврилов незаметно перевёл дух. Серёгин, словно услышав его отдувание, остановился, повернулся.

– А они всё копают... – сказал, как выстрелил. – И завтра будут. Вы эт все подумайте. А то и в самом деле... – и не договорил, надвинул поглубже на голову свою доисторическую шляпу и, ковыляя, пошёл домой.

Гаврилов свернул вчетверо ответ из администрации, сунул его в конверт и сошёл с магазинного крыльца. Странно, но именно сейчас у него как-то подозрительно потеплело на душе. Надо бы завтра на огороде новую мусорную яму выкопать, а то пока этой свалки-то дождётся... Победно светило солнце, по краям дороги торжественно зеленели великаны-лопухи и нежно перешёптывались о чём-то своём, о девичьем молоденькие заневестившиеся берёзки... Мячковский петух Филимон, распушив гребень, отважно гнался за серёгинским кабыздохом Тузиком, который летел по улице, поджав хвост и пронзительно визжа. На далёком острове в Тихом океане американские империалисты провели очередной ядерный взрыв, провоцируя новую гонку вооружений. На старой ветле у оврага задумчиво дремала здоровенная ворона. Жизнь, несмотря ни на какие кризисы и ядерные отходы, продолжала оставаться прекрасной и удивительной.

Борис ЮДИН

“Остывает расплывшийся след...”

Август в Латгалии

По утрам тяжелеют туманы.
Остывает расплывшийся след
Там, где рамы открытая рана,
Беззащитно распахнута в свет.

У порога обшарпанный веник,
Колокольчика тёмная медь,
Терпеливость скрипучих ступенек,
И паучья липучая сеть.

Астры в кринке — на крышке комода,
Кот свернулся в клубок под столом,
И моё чёрно-белое фото
На стене под разбитым стеклом.

Послевоенный вальс

Сгорала музыка дотла,
Дышала страстью и пороком.
И подменяли зеркала
Пространства потемневших окон.

И поиск эrogenных зон
Шёл интенсивней под сурдинку,
И хрип от страсти патефон,
Иглою щекоча пластинку.

И всё потом, потом, потом...
И пахло потом, шипром, ваксой,
Чтоб не грустить о прожитом
В плену пластиночного вальса.

**Борис
ЮДИН**

– поэт и прозаик. Родился в Латвии в 1949 году. Учился на филфаке Даугавпилсского университета.

Автор нескольких книг.

Стихи и проза публиковались в журналах и альманахах: “Крещатик”, “Зарубежные записки”, “Стетоскоп”, “Побережье”, “Слово”, “Встречи”, “Футурум арт”, “Дети Ра”, “Зинзивер”, “Время и место”, “Ковчег”, “Edita”, “Век XXI”, “Связь времён”, “Северная Аврора”, “Нива”.

С 1995 года живёт в США.

Как нежен за окошком снег!
Ночь. И луна висит нагая,
Чтоб охнул двадцать первый век,
Себя в объятиях сжимая.

Марш

Барабан задрожит: “Просто страм!”,
Следом рывкнет большой: “Бах, бах, бах!”.
Чтобы легче шагало ветрам
С алой песней на бледных губах.

Значит, флейте от боли стонать,
Значит, вскрикнет простудно труба:
“Встать! Готовится ворог и тать
Удобрять яровые хлеба”.

Ах, поплачь мне, валторна, навзрыд!
Шепелявь, саксофон, о былом!
Пусть дорога от стука копыт
Окровавленным взмахнет крылом.

А тарелки — безумное: “Дзынь!” —,
Геликон перепугано: “Ах!”.
И седеет небесная синь,
Оседая на куполах.

Сиринга*

Так хочется сиреней торжество
Вдыхать, вздыхать и, отыскав на счастье
Чуть горьковатый вкус деепричастий,
Забыть своё юродство и родство.

Сирень и парк. Российская глубинка.
Сирень и май, и шмель, и птичья трель...
И нимфа, быстроногая Сиринга,
Прилюдно превращается в свирель,

Чтобы очнуться в прелестях сонат,
Цветасто разукрасив щёки полдня.
И знать, что Пан сиреневил и полнил
Любовным ароматом майский сад.

*Сиринга – одна из нимф, превратившаяся в тростник, из которого Пан сделал флейту.

Штабс-капитан

Мело, мело по всей земле...

Б. Пастернак

Метёт, метёт и мерзко на душе,
Хоть редок русский снег в таких широтах.
Подрагивает в блюде бланманже
И граммофон заходится в фокстротах.

Налить вина, поставить про пажей
Вертинского. Чтоб по душе со всхлипом!
Какая гадость это бланманже.
Куда ни глянь — повсюду гадость, ибо

Метель, как конь, несётся во всю прыть,
И не услышать боле посвист шашек.
И страшно понимать, что не дожить
До дня, когда их всех Господь накажет.

Летний вечер

Мерцают светлячки над травостоем,
Спел перепел в хлебах про “Спать-пора”.
Играет свет от дальнего костра
И пахнет вечерницей и левкоем.

Осколки звёзд летят в речную студию,
Течёт в лесок заросшая дорога.
И ощутить, что ты — частица Бога,
Как в детстве в глубь колодца заглянуть.

Следы

Следы — это не слепок со ступни,
Не параллельность ниточек лыжни,
Не патина на туше монумента,
Не дактилоскопия прошлых дней,
И не кресты кладбищ и расстаней,
И не тугие пряди перманента.

А удивленье позднего звонка.
И хорошо, что след от каблучка,
Как отпечаток утра, не обречь.
И ночь лежит в предложном падеже,
И в зеркале фигурка в неглиже
Бледнеет фотографией на память.

«В веснушках черёмух...»

Меня всегда искренне восхищал дар Владимира Романовича Гундарева образно мыслить. Как вы думаете, чем отличается настоящий поэт от сочинителя, умеющего писать в ритм и с рифмами? Помоему, способностью, подмечая в повседневном необычное, находить нужные слова для выражения своих чувств и мыслей через понятные, порой неожиданные образы и сравнения. У поэта Гундарева «море морщинится», а «руки радостно раскрылены», и «солнце в лужах остывает», но «жгут небо огоньки рябины», пусть «уже истлело лето», «а дорога обнимает поля». И этих чудных, образных сравнений у него множество, и запоминаются они сразу, как «зелёная улыбка лета», или как «веснушки черёмухи», или как «пахнут молоком земли туманы».

Художнику слова Владимиру Гундареву были удивительно доступны пределы высокого творчества. Это когда простой читатель узнаёт в его стихах себя, находит выражение своих чувств через слова автора. Не потому ли и песни, рождённые из-под его карандаша, становились поистине народными, как это случилось с его «Деревенькой». Простые, ясные строки, искренние чувства и преданная родине любовь – всё это вместе сплелось в трёх четверостишиях, и через удивительно совпавшую с текстом мелодию разлилось по необъятным просторам бывшего Союза. И вот уже почти сорок лет эта добрая, душевная песня согревает нас своим теплом.

*Деревня моя, деревянная, дальняя,
Смотрю на тебя я, прикрывшись рукой,
Ты в лёгком платочке июльского облака,
В веснушках черёмух стоишь над рекой.*

Как и многие из моих знакомых, я был в своё время ошарашен открытием, узнав, что автором слов этой песни, исполняемой и Л. Зыкиной, и О. Воронец, и многими академическими хорами, а, главное, звучащей в каждом селе и за каждым застольем в городе, является наш Романыч (так обращались к нему те, кто входил в его близкий круг общения). В своё время и меня он допустил в этот круг. Сколько было доверительных разговоров о жизни, творчестве, поэзии. И тогда-то я не преминул спросить, почему не рифмуется у него первая и третья строки в первом куплете его легендарной песни. Ответ был таков. Стихотворение это было написано им не для музыки. Судьбой была дарована случайность, что композитор Николай Кудрин на гастролях по Новосибирской области случайно на одной из железнодорожных станций завернул в районную газетку пирожки, а уж потом в вагоне из любопытства прочитал опубликованные в этой газете стихи Владимира Гундарева. Мелодия родилась почти сразу же, а вот

стихи он подсократил и вместо шести четверостиший взял для песни всего три, при этом совместив строки из разных куплетов. Владимир Романович спустя годы, если публиковал своё стихотворение, то рядом для сравнения помещал и песенный вариант. И в полном произведении у него «облако» рифмуется с «обликом», а «дальняя» – со словом «данные».

История эта, уже ставшая легендой, никак не умоляет ни достоинства, ни прелести поистине народной песни, которая запоминается, как говорится, «слёту» и ложится прямо в сердце точной фразой, милым образом: «деревня... в лёгком платочке июльского облака», «деревенька-колхозница смущённой улыбкой меня обожгла», «тебя называю по имени-отчеству, святая как хлеб, деревенька моя».

Вот так же и строки других его стихотворений из тринадцати поэтических сборников навсегда останутся в читательских сердцах. А значение творчества Владимира Романовича Гундарева ещё предстоит осознать потомкам. И настоящая, достойная оценка его таланта тоже впереди. В память же о нём ещё при жизни была названа улица в сибирском городке, на родине поэта в далёкой Кыштовке. Вот так они, поэт и село, увековечили друг друга «в веснушках черёмух» над Тарой-рекой.

Василий КОНОПЛЁВ.

Райс ТУЛЕБАЕВ

Штрихи к портрету хирурга

Ещё с глубокой древности идут споры о профессии хирурга и хирургической специальности. Одни считают работу хирурга искусством врачевания, другие эту профессию относят к разряду рукоделия. По-видимому, истина в сочетании искусства и рукоделия.

Сегодня хирургия достигла небывалых высот, благодаря современным достижениям научной мысли, прежде всего, в области медицины, а также естествознания, биологии, физики, химии, и всеобщего технического прогресса.

В настоящее время хирурги применяют в своей практической деятельности новые высокие технологии. Весь мир восхищается успехами хирургов в области трансплантации органов и тканей, пересадки сердца, печени и почек. Колоссальные достижения получены сердечно-сосудистыми хирургами и нейрохирургами, выполняющими сложнейшие операции на сердце и головном мозге.

Следовательно, тезис древних ученых об искусстве врачевания или рукоделии полностью можно отнести к врачам хирургам.

Настоящим и высокоодаренным хирургам присущи перечисленные свойства в сочетании со святой любовью к своей профессии и, конечно, огромным трудолюбием. К сожалению, этими качествами обладают не все хирурги и когда среди больших хирургов встречаются таланты, это является для людей, страдающих недугами, большим счастьем.

Мне в своей полувековой деятельности врача и учёного приходилось общаться с целым рядом талантливых хирургов, их называют ещё «хирургами от бога».

**Райс
Кажкенович
ТУЛЕБАЕВ**

— доктор медицинских наук, профессор, действительный член Национальной академии наук РК, заслуженный деятель РК, единственный из медиков в Казахстане почётный профессор Кембриджского университета (Великобритания).

Родился в 1941 г. в Восточно-Казахстанской области, окончил Семипалатинский медицинский институт, трудовую деятельность начал районным оториноларингологом в Жамбылской области.

Окончил очную аспирантуру на кафедре ЛОР-болезней Алма-атинского мединститута. Защитил кандидатскую диссертацию в Алма-Ате, а докторскую — в Ленинграде. Прошёл путь от младшего научного сотрудника до руководителя филиала НИИ краевой патологии, работал начальником отдела науки Казминздрава, главным специалистом управления, заведующим медико-биологическим отделом ВАК Республики Казахстан, ректором Южно-Казахстанской и Акмолинской государственных медицинских академий.

Автор более четырёхсот научных работ, десяти монографий, двух учебников на государственном языке, имеет десятки авторских свидетельств и патентов на изобретения, подготовил более 40 кандидатов и докторов медицинских наук.

Регулярно публикуется в «Ниве».

Об одном из таких людей, живущих днем и ночью с мыслью о хирургии, мне хотелось поделиться с Вами и рассказать об известном не только в Республике Казахстан, но далеко за его пределами талантливым хирурге и профессоре Сексенбаеве Дербисалы Сексенбаевиче.

О знаменитых хирургах написано много книг и различных трактатов. В этом повествовании я хотел показать некоторые особые черты и штрихи к портрету хирурга, являющегося неординарной личностью.

К своей вершине славы хирург и ученый Дербисалы Сексенбаев шёл тернистым путём, преодолевая жизненные невзгоды, трудную юность после военного лихолетья.

Родился Дербисалы Сексенбаев за два года до начала Великой Отечественной войны 5 января 1939 года в отдаленном от Аральского моря аульном посёлке Кызыл-Ординской области.

Благодаря природной одарённости (он с шести лет пошёл в школу), Дербисалы не достигнув семнадцати лет, стал студентом лечебного факультета Алма-Атинского государственного медицинского института, в то время носившего имя В.М. Молотова. Он приехал на учёбу из далёкого аула, расположенного за сотни километров от областного центра.

В первые годы учёба в институте давалась ему с трудом, сказывалось плохое знание русского языка, но через полгода он уже догнал своих сверстников по учебе и даже находил время для занятия спортом. Он страстно увлекся бегом на коньках и сделал в этом спорте большие успехи. На старших курсах уже выступая в соревнованиях за студенческую сборную команду Республики Казахстан выполнил норму кандидата в мастера спорта среди конькобежцев на всесоюзных соревнованиях в городе Ленинграде.

Как говорят, талантливый человек талантлив во всём. Студент Дербисалы получил также разряд по пулевой стрельбе, в последующем он стал страстным охотником и любителем рыбалки.

Хирургией Дербисалы увлёкся ещё с четвёртого курса медицинского института, активно посещал студенческий научный кружок, которым руководил известный хирург Казахстана профессор Михаил Иванович Брякин.

Требования к постижению медицинских дисциплин, особенно хирургии, в период его обучения были намного строже, чем теперь. Обучались все по учебникам, объём которых был намного больше. Студентам приходилось запоминать все термины только на латинском языке.

Дербисалы твёрдо решил стать хирургом и после окончания учебы в институте попросил распределительную комиссию, чтобы его направили в любой отдалённый район, где он мог бы работать хирургом. Его мечта стать хирургом, наконец, сбылась. Он днями и ночами проводил время в условиях амбулатория и больницы.

Сегодня, оглядываясь назад, можно сказать, что самым ярким, созидательным и насыщенным периодом в трудовой деятельности многих врачей, начавших свою работу на селе, являются именно годы, проведенные в трудных условиях сельской местности.

Дербисалы, работая в этих трудных условиях, научился самостоятельно думать, принимать быстрые и жизненно важные решения. И такого рода не предвиденных ситуаций было множество, и они закалили молодого хирурга. На селе он проработал несколько лет, и хотя с точки зрения истории это не большой отрезок времени, однако на всю оставшуюся жизнь он благодарен судьбе, что ему как первоцелиннику пришлось создавать в отдаленном районе первым хирургическую службу. За всем этим благородным трудом стояли его коллеги врачи и средний медицинский персонал – простые труженики, за плечами которых была не одна сотня спасённых жизней.

В этих условиях перед хирургом Сексенбаевым Дербисалы стояла нелёгкая задача. Во-первых, больница была расположена в старом ветхом заведении, не хватало инструментария. Ему приходилось работать с плохим освещением операционного стола, поскольку над столом висела старая операционная лампа ещё дореволюционного периода.

Во-вторых, перед работниками сельской больницы стояла сложная задача в неблагоприятных условиях Аральского климата, отсутствия элементарных удобств, водопровода, электричества и жилья для медиков, плохих бытовых условий, высокой заболеваемости населения, развивать безотлагательную первичную и скорую неотложную помощь, принимать тяжелые роды беременных.

Хирургу Сексенбаеву порой приходилось оказывать женщинам также и акушерско-гинекологическую помощь, проводить операции при внематочной беременности!

Санитарно-гигиенические условия труда и быта в условиях отдалённого Аральского региона были весьма тяжёлыми, поэтому население болело желудочно-кишечными заболеваниями, много было гнойничковых поражений кожи. Часто встречались пациенты с запущенными грыжами, пупочными и паховыми, которые нуждались в оказании квалифицированной хирургической помощи. Всем этим людям хирург Дербисалы Сексенбаев оказывал своевременную и квалифицированную помощь. Он оперировал почти круглые сутки, находясь как в условиях боевого прифронтового госпиталя.

Работа любого хирурга связана, конечно, с долей определённого риска, который с годами доводится до минимума. Безусловно, многое зависит от личных качеств хирурга. Если посмотреть на деятельность врача-хирурга глубже, то в этой профессии должна быть представлена квинтэссенция всего человеческого, сочетания профессионального опыта и огромной преданности своему делу, любимой работе, стремлению оказать людям бескорыстную помощь.

Дербисалы Сексенбаева вполне можно отнести к такой категории людей. Выросший в далёком ауле, рано познавший трудности и невзгоды человеческого бытия, он как честный труженик закалился в нелёгкой борьбе с чиновниками и завистливыми недругами. Многим не нравился его прямой, непокорный характер. Он не мог терпеть явного подхалимства, особенно перед высоким начальством и требовал такого же поведения и от своих коллег. Добиваясь всего упорным трудом, он заставил чиновников здравоохранения областного масштаба признать его труд и талант. Вскоре его перевели в областную больницу города Шымкента и назначили заведующим хирургическим отделением. В те далекие 60-годы, будучи ещё молодым, но вполне созревшим опытным хирургом, Дербисалы решил заняться большой научной работой и стал скрупулёзно собирать интересный клинический материал по краевой патологии Южно-Казахстанского региона, в частности, стал изучать распространённость эхинококкоза у жителей сельской местности, способы раннего выявления данного заболевания и оказания своевременного хирургического лечения.

Однако этот практически важный клинический материал был впоследствии использован его коллегой Онласбеком Кулакеевым в его диссертационной работе. Между тем соискатель Дербисалы Сексенбаев с присущей ему скрупулёзностью собрал другой интереснейший научно-клинический материал по каловому перитониту. Он описал эпидемиологическую распространённость данной патологии в южном регионе, особенности клинического течения. Итогом явились операции, проведённые лично им у более трёхсот больных с осложнённым перитонитом. В результате этой кропотливой работы Дербисалы блестяще защитил кандидатскую диссертацию под руководством профессора Никиты Федоровича Хохлова в 1972 году в городе Караганде.

На учёном совете Карагандинского государственного медицинского института высокую оценку этой научной работе дал известный профессор Сергей Забозлаев, приехавший на защиту из города Винницы Украинской ССР.

Забозлаев был талантливым хирургом и крупным учёным, уже в те годы получившим известность среди союзных светил хирургии. Выступая на учёном совете Карагандинского медицинского института в качестве первого официального оппонента, он в своём отзыве охарактеризовал научную работу Сексенбаева, как важное направление в абдоминальной хирургии и посоветовал молодому ученому не останавливаться на достигнутом и продолжить научные изыскания. Окрылённый такой высокой оценкой своего научного труда, Дербисалы вернулся в родной Шымкент и с головой окунулся в научные поиски и практическую работу. Вскоре его назначили на ответственную должность – главного штатного хирурга при областном отделе здравоохранения, сохранив совместительство заведующего хирургическим отделением.

Работая главным штатным хирургом Южно-Казахстанской области, Дербисалы налетал на санитарной авиации сотни часов и побывал почти во всех отдалённых районах и аулах. Везде жители встречали его с большой радостью, поскольку молва о блестящем хирурге облетела все уголки Южного Казахстана.

Дербисалы начал создавать свою школу хирургов и подготовил десятки молодых специалистов. Его имя стало известно в медицинских кругах нашей Республики. Он овладел практически всеми видами сложнейших хирургических вмешательств.

В Казахстане Дербисалы уже в 80-ые годы стал признанным и уважаемым мэтром хирургии, как профессор Гилен Васильевич Цой в Целинограде, кардиохирург Борис Эрихович Рейш в Усть-Каменогорске, профессор Сергей Викторович Лохвицкий в Караганде и академик Намаз Изимбергенев в городе Актюбинске.

Мне посчастливилось познакомиться с этим обаятельным незаурядным человеком в начале 90-х годов прошлого столетия, когда приехал работать в город Шымкент ректором Южно-Казахстанского фармацевтического института. Через полгода в этом вузе мною были открыты два факультета: лечебный и педиатрический. Институт получил статус Южно-Казахстанской государственной медицинской академии.

Меня в первую очередь заинтересовали клинические базы в городе Шымкенте. Конечно, гордостью медиков южного края была крупная многопрофильная областная клиническая больница, которую в то время возглавлял уже известный ученый профессор Сексенбаев Дербисалы Сексенбаевич. О нем я был слышан от моих коллег в Алма-Ате и ведущих сотрудников Министерства здравоохранения нашей Республики. Примерно через неделю, после вступления мною на должность ректора ко мне на прием с поздравлением пришел профессор Сексенбаев Дербисалы. Он быстрой походкой подошел ко мне, крепко пожал мою руку и, улыбнувшись, сказал: «Реке, теперь мы должны вместе готовить достойных врачей».

Этими словами он меня сразу покори, и впоследствии мы стали большими друзьями.

Уже в то время Шымкентская областная больница была хорошо оснащена новейшим медицинским оборудованием и техникой. Больница считалась одной из лучших в Республике, в этом была огромная заслуга его главного врача Дербисалы Сексенбаева.

За самоотверженный труд он получил в конце восьмидесятых годов высокое звание заслуженного врача Казахской ССР.

В конце 80-х и начале 90-х годов он одним из первых в Республике внедрил эндоскопическую хирургию и широко проводил эндоскопические операции на желчном пузыре, удаляя камни эндоскопическим доступом, широко используя эндоскопическую видеотехнику. Такие же оперативные вмешательства проводились при урологических заболеваниях и даже при аппендиците.

Дербисалы оперировал легко, в его руках скальпель или другой хирургический инструмент виртуозно выполняли свою функцию.

В народе ему дали прозвище «золотой скальпель», а его коллеги к его семидесятилетнему юбилею подарили на память макет хирургического скальпеля, изготовленный из чистого золота.

Профессор Сексенбаев действительно считается «хирургом от бога» оперируя виртуозно и смело. Вспоминаю очень интересный эпизод. Мы жили по соседству в одном доме, только в разных подъездах.

Дружили семьями и всегда вместе отмечали наши дни рождения. Все мы являлись по гороскопу «козерогами», т.е. родились в январе. Моя супруга Мария Турысбековна и сын Дербисалы Сексенбаевича Бахытжан, доктор медицинских наук, в настоящее время работает ректором Южно-Казахстанской фармацевтической академии, родились 1 января, Дербисалы отмечал свой день рождения 5 января, а я родился 15 января, мой младший сын Олжас родился 19 января, а супруга профессора Сексенбаева, обаятельная Турсын, мать троих детей, родилась 25 января.

В знаменательный день 25 января мы с супругой, взяв букет цветов пришли вечером на квартиру Дербисалы поздравить с днём рождения его супругу Турсын. Дверь открыл Дербисалы и сказал, что его жена, к сожалению, лежит в хирургическом отделении областной больницы.

Дербисалы решил сделать ей «подарок» в день рождения и утром её прооперировал, сделав эндоскопическую холецистэктомию. Он удалил большие камни из желчного пузыря, которые были обнаружены накануне при ультразвуковом обследовании.

Через три дня после операции Турсын была уже дома. Мы с восхищением признавали смелость хирурга Дербисалы. Как правило, оперировать своих родных и близких многие медики не решаются.

Вскоре оказалось, что профессор Сексенбаев не только превосходный специалист в области хирургии, но и человек, проявляющий творческие наклонности. В частности, он увлекается историей, хорошо знает казахский эпос, он любит дружить и общаться с творческими людьми. Ему как талантливому учёному, прекрасному хирургу посвятила стихи его пациентка – известная казахская поэтесса Ханбиби Есенгараева.

Всё вышесказанное позволяет мне с особой гордостью изложить некоторые штрихи к портрету честного и добропорядочного человека, блестящего хирурга и маститого ученого Дербисалы Сексенбаева, теперь уже имеющего сотни печатных работ, ряд монографий и изобретений, а также множество учеников, ставших кандидатами и докторами наук.

Владислав ВЛАДИМИРОВ

ОГЛЯНИСЬ НЕ В ДОСАДЕ

Ещё раз о том, что такое Целина

Из прошлого – близкого и далёкого

(Продолжение. Начало в № № 1-5 за 2013 г.)

Из песни слов не выкинешь, а если и выкинешь,
то это уже совсем не та песня

Да, тогда все мы, как один, гордились Целиной дружно.

Но капиталистический Запад, точнее, его идеологические службы всегда смотрели на неё иными глазами. Когда возникали совершенно реальные виды на очередной казахстанский миллиард, эти службы немедленно, как по команде, сбавляли регистр, и все печатные издания сообщали о событиях на Целине короче короткого и самым мелким шрифтом. Но как только ситуация с Большим Хлебом осложнялась, сразу же, и тоже, как по команде, в западной прессе суматошно поднимались волны погребальных голосов и самых мрачных пророчеств, иным из которых в исторической перспективе, как бы нам того не хотелось, но, в конечном итоге, всё-таки было суждено сбыться.

Осенью 1982 года я положил на стол перед Кунаевым несколько переводов с английского и немецкого под привычным грифом «*секретно*» и с пометкой в правом углу «Экз. № 1».

Это были публикации иностранных корреспондентов, участвовавших в очередной летней поездке по Казахстану. С годами я перезнакомился со многими из них. На память остались не только визитные карточки, а ещё и примечательный учебник русского языка, который я настойчиво попросил подарить мне, и эта моя просьба после довольно-таки длительных колебаний была уважена.

В своем романе «Закон Бернулли» я процитировал фрагмент из этой любопытной книжки.

Вот сей фрагмент, предлагаемый авторами учебника для выразительного чтения вслух.

Итак, читаем вместе, нараспев, с выражением: «Токарь Иван Иванович Иванов встаёт очень рано. В тесной комнатёнке – ёнк, онк – русские суффиксы уменьшительного характера, – он выпивает стакан рассолу, кладёт в карман партийный билет, запекает «Интернационал» и быстро идёт на завод, чтобы успеть раньше других дать свою производственную норму. Пояснительные сноски: рассол – национальный напиток, «Интернационал» – партийный гимн у большевиков. На углу он видит нищего старика, просящего подавание за день до выборов в Верховный Совет...».

Ну и так далее. Примерно такого же колера и остальные практические тексты.

Смешно? Нам – да. Потому что мы себя знали.

Но вся эта туфта внушалась *там* на полном серьёзе, прежде всего школьникам, мальчикам.

Мало кто из нас и прежде был влюблён в так называемый капитализм задолго до его нашествия в наши пенаты. Но ведь, говоря о его пороках (а с годами они никуда не исчезали), мы никогда не опускались до подобной чепухистики.

Впрочем, таковой её считал и прежний владелец этого пособия.

Он полагал себя весьма знающим специалистом по проблемам межнациональных отношений в СССР. И его опытного коллегу, сотрудника британского агентства Рейтер Марка Вуда они тоже занимали вплотную. В его материале, отправленном в агентство 20 июля 1982 года из города Джамбула (тогда ещё не писали *Жамбыл*, потому как в паспорте, а также в наградных документах у великого казахского акына значилось *Джамбул*), а потом распечатанном в ряде солидных европейских газет, главной стала судьба немецкой диаспоры в Казахстане. Сиятельными перспективы этой диаспоры назвать было никак нельзя.

«Как и многие другие областные центры огромной республики Казахстан, Джамбул во многом является воплощением сильных и слабых сторон многонационального общества, которое возникло в быстроразвивающейся южной части Советского Союза... На местных рынках за цветочными и овощными прилавками бок о бок торгуют казахские, немецкие и русские женщины, обслуживая покупателя, среда которых ещё более многонациональна, и никаких языковых трудностей. Все говорят по-русски... Единственная реальная угроза для различных наций – это опасность потерять своё национальное лицо... Первыми, вероятнее всего, потеряют свои национальные черты 900 тысяч немцев, половина всех советских немцев, которые так широко расселены, что у них остаётся мало шансов для сохранения своего языка и культуры... Старшие поколения немцев жалуются, что их дети отказываются от родного языка и предпочитают говорить по-русски даже дома», – сообщил Марк Вуд и продолжал: «Страх перед ассимиляцией уже заставил 100 тысяч советских немцев эмигрировать за последние два десятилетия и, согласно западногерманским данным, ещё более 100 тысяч немцев пытаются покинуть страну... Местные музыкальные и художественные традиции сохраняются только в музеях и государственных народных центрах и в большей степени, чтобы развлечь увеличивающийся поток туристов».

Радости Кунаеву от чтения таких констатаций, конечно же, не было никакой.

Представитель североамериканского журнала «Ю.С. Ньюс энд Уорлд Рипорт» обнародовал свой материал 30 августа 1982 года под длинноватым, но весьма выразительным заголовком: «РЕПОРТАЖ ИЗ ПЕРВЫХ РУК. РОССИЯ: ЧАХЛЫЕ УРОЖАИ, ЧАХЛЫЕ НАДЕЖДЫ».

В нём он сетовал: «Приняты все меры предосторожности, чтобы оградить руководителей одной из основных областей – Целиноградской – от домогательств иностранных корреспондентов».

Далее писал: «Погода не единственная проблема, беспокоящая Москву. Одни из самых лучших тружеников Казахстана – потомки германских и швейцарских немцев, переселённых в Россию Екатериной Второй в XVIII-м веке, – хотят сняться с обжитых мест и покинуть страну. Их отъезд явился бы сокрушительным ударом для сельскохозяйственной системы, которая остро нуждается в знающих работников... Казахстан сегодня – это хлебная корзина России, существенно важная для советской экономики».

Фамилия заметно обозлённого, слегка злорадного, но по-своему тоже проницательного журналиста была почти русская – Данилофф.

Его спутник по маршруту Алма-Ата – Джамбул – Чимкент корреспондент западногерманского журнала «Шпигель» Лоренс в номере за 2 августа иронизировал над бумажными фикциями московских плановиков, над отвечающим за сельское хозяйство СССР Горбачёвым и самим Брежневым, их Продовольственной программой, говорил о «халтурной работе на полях и фермах, которые принадлежат не крестьянину, а анонимному государству – работодателю», цитировал слова первого секретаря Целиноградского обкома партии из его статьи в «Правде» о том, что на Целине не хватает комбайнов.

Многосзнающий Данилофф сообщал, что во всех республиках СССР заранее отпечатаны продовольственные карточки на случай острого кризиса в снабжении.

Дождавшись, когда Кунаев внимательно прочитает это место, я спросил: «Неужели такие карточки отпечатаны и у нас?».

Д.А. отозвался коротко: «Бред сивой кобылы».

Как бы ни поливали всячески Целину пропагандистские службы Запада («Целина – небоскрёб у оврага», «Советы загоняют свою экономику в тупик» и т.д. и т.п.), мы в своём любезном, насквозь проанекдоченном Отечестве так и не услышали ни одной скабрёзной байки о ней.

Однако уже спустя 10 лет (всё-таки прав великий кормчий Мао, называя именно этот срок для контрастно-кардинальной смены оценок и вех в подлунном мире) всем предлагались уже совершенно другие критерии и выводы.

По всему Союзу, истощно покрываемому шахсейвахсейскими воплями народных депутатов, всюю раскачиваемому ими в разрыв и на растяжку, уже почти необратимо предрасположенному сойти с мировой арены в Историю, массово тиражировались аршинно-крикливые заголовки типа «ЦЕЛИНА: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ», «ЦЕЛИНА: ПОДВИГ ИЛИ АВАНТЮРА?», «БЕЗУМИЕ ЦЕЛИНЫ».

Однажды зашёл я в то время в редакцию хорошо знакомого мне журнала и застал там шумный разговор на эту тему. Один из публицистов, прежде писавших на темы Целины преимущественно только лишь хвалебные оды и акафисты, готов был прыгать до потолка от нахлынувшей на него радости: наконец-то появилась никем не стеснённая возможность высказаться об этой гигантской авантюре, вскрыть её язвы и т.д. и т.п.

Его осадил другой журналист: «Ладно, Евгений Николаевич. Положим, изладишь ты свою пламенную байку и даже напечатаешь. Но скажи мне, пожалуйста, кто её читать будет, кто её услышит, коль тираж наш катится под гору, как тарантас без лошади и кучера?».

Вопрос прозвучал резонно.

Но тем не менее, если не в этом журнале, так во многих других периодических изданиях вне Казахстана в степень окончательно сбывшихся пророчеств возводились былые предсказания наших давних заокеанских *доброжелателей*, радостно воспринимавших грядущее крушение могучей советской сверхдержавы: «Целина останется непереваренным куском в желудке России!».

В ту пору мы с Д.А. усиленно работали над его, увы, оказавшейся последней книгой «От Сталина до Горбачёва», и он с нескрываемой брезгливостью коллекционировал такие публикации, совершенно неколебимо уверенный в том, что непременно придёт день, когда все их авторы будут посрамлены точно так же, как (его слова) *сели в калошу* те никудышные оракулы-скандалисты, которые во время его продолжительной поездки по Соединённым Штатам Америки (1960) шумно выходили к трапу самолёта или входу в отель с большими плакатами, смысл и содержание коих сводились к сакраментальной формуле: «Советская целина лопнула!».

Обычно мы встречались у него дома на городской квартире в первой половине дня, часов с 10-ти или 11-ти. В этом двухэтажном доме – сейчас в нём музей Д.А., заходите! – по улице имени казахского композитора Мукана Тулебаева (бывшей когда-то улицей Абая, а в городе Верном – Фонтанной) с небольшим внутренним двориком и приоткрытыми чугунными воротами, напоминающими в миниатюре ворота Зимнего дворца, вместе с Кунаевым тогда жили его помощник Дуйсетай Бекежанов, начальник охраны Анатолий Иванович Горяйнов, а в соседних подъездах – второй секретарь ЦК, командующий КСАВО и первый секретарь Алма-Атинского обкома партии.

Дверь открывал сам Д.А. Как и много лет назад, с чуть усмешливым радушием здоровался, сразу же обеспечивал меня какими-то импортными тапочками и приглашал проследовать за ним в кабинет. В тёмной прихожей по-прежнему за стёклами объёмистого шкафа мерцали воронёной сталью и затейливой инкрустацией охотничьи ружья, кинжалы, ножи. Ружей поубавилось до самого минимума. А максимум выгребли молодцы из МВД в период иезуитских встрясок широко поставленной Горбачёвым и Колбиным кампании по глобальному ошельмованию Кунаева и его близкого окружения в центральной, республиканской, областной печати, по телевидению и радио.

Располагались в светлом, тесноватом от превеликого множества книг кабинете. По его северной и западной стенам сплошь русская и зарубежная классика, а также дарственные книги современников. Где-то и мои тоже там. Кресла на турьих рогах. Тахта под тигровую шкуру – желта и полосато-пятниста.

Большой портрет молодой и красивой Зухры Шариповны.

Всякий раз, когда взгляд Кунаева касался его, глаза Д.А. невольно грустнели – жена скончалась 30 апреля 1990 года. Назарбаев тогда сразу же посетил их дом с самым искренним глубоким соболезнованием. А уж далее за Президентом с ходу примчались в деланных печалях все те, кто накануне не подходил к этому дому на пушечный выстрел.

Всё оставалось в светлом кабинете как прежде. Разве что исчез табун разноцветных телефонов – с золочёным гербом СССР аппарат безотказной ВЧ-связи (по Союзу и соцстранам), междугородный, два правительственных и т.д. – остался только лишь городской.

И раньше, и теперь, когда наступала пора уходить, Кунаев провожал до двери. Сам тоже выходил на неширокую площадку второго этажа. Прежде на её стене ветвились огромные рога оленя и жёлто светилась стеклянными, но очень похожими на живые, глазами его голова.

«Кокчетавский трофей!» – как-то похвалился Д.А.

Не столь уж и часто, но когда позволяли обстоятельства, завершив объезд целинных областей, он позволял себе отвести душу на охоте. В его компаньонах близ Кокчетава и Алма-Аты, в подмосковном Завидово бывали Брежнев, Гречко, Назарбаев, Морозов, всегда – Бекежанов, Горяйнов. И мне доводилось, но Д.А. сразу же зорко заприметил, скажу так, моё пристрастие к стрельбе, однако не по живым мишеням, и потому всегда с желанием отпускал меня на разного рода боевые учения.

Мне стало жаль убитого оленя, и я напомнил Кунаеву правдивый рассказ, как охотились Хрущёв с маршалом Тито – оленя для них егеря привязывали за верёвку, а потом Тито, её не видевший, стрелял.

Это не очень понравилось Д.А.

«За верёвку, говоришь? – уточнил он тоном сомневающегося экзаменатора. И помолчав, напутствовал сумрачно: – Ну ладно, иди! Счастливо!» – и быстрее, чем обычно, подал на прощанье смуглую ладонь.

С кем он тогда был рядом в мыслях, – не знаю.

Но Д.А. всегда метко выпучивал тех охотников до целинной тематики, которые плохо спали, коль им не удавалось накачать в ней острого драматизма хотя бы по известному принципу: *семь вёрст до небес и все лесом*.

Как-то даже меня, несговорчивого, намеренно избегавшего долгих бесед с представителями и представительницами второй древнейшей профессии (поскольку, говоря словами отца советской ядерной бомбы, академика Курчатова, *все равно так переврут, что сам себя не узнаешь*), уломали поведать перед авторитетной московской телекамерой о Д.А.

Начал.

Однако стоило им убедиться, что никакой *чернухи* не будет, долго организуемую беседу аккуратно и вежливо придушили.

В другой раз сами же попросили дать материал о Д.А.

Дал, и причём очень охотно.

Но в Москве повторилась та же самая история, что и раньше.

Ну да Аллах с ними, с этими флюгерными деловарами печатной строки и цветного телеэкрана.

Я о другом – о том, что вспомнить Кунаеву можно было действительно про очень многое.

И Д.А. вспоминал под настроение.

Прежде всего про то, что не просто экономической целесообразностью диктовалось освоение Целины, но и самой исторической необходимостью.

Что же её обуславливало?

А вот что.

После двух Великих Побед – над нацистской Германией и милитаристской Японией – реальной помощи от вчерашних союзников нашей державе, предельно истерзанной невиданной Большой Войной, никак не просматривалось на все 360 градусов земного горизонта.

Заведомо кабальный план госсекретаря США Маршалла (1947), укреплявший гегемонию Соединённых Штатов Америки в Западной Европе, – не в счёт. Как известно, все 17 государств, которые им воспользовались, попали в долговременную и всестороннюю зависимость от доброго дядюшки Сэма.

Тут Д.А. саркастически усмехался: «Всё-таки очень жаль, не было тогда близ Сталина наших великих реформаторов вроде Яковлева, Гайдара, Явлинского. Он непременно нашёл бы им подобающее место».

Что это было бы за *место* – Кунаев не расшифровывал.

А я, понимая это *место* по-своему, не уточнял, дабы не сбивать Д.А. с мысли.

По его глубокому убеждению, разумно-вынужденная (исподволь нарождавшийся голод не тётка!) инициатива Кремля стала заманчивым вызовом и позитивной альтернативой уже безумно (бездумно!) располыхавшейся по всем земным континентам (исключая Антарктиду) жаркой ядерной горячке, в которой можно было бы всего лишь за полтора часа активных боевых действий спалить всё и вся обречённое человечеством, ничуть не поумневшим после Московских, Тегеранских, Ялтинских, Потсдамских соглашений, Стокгольмского воззвания и т.п.

Да, воистину велика была отрезвляющая и оптимистичная радиация необъятной Целины Казахстана, Алтая, Урала, Поволжья, Северного Кавказа, Сибири, Дальнего Востока... По примеру СССР за освоение своих залежных земель принялись в Монголии, Индии, Китае, Новой Зеландии...

А ещё вспоминал Д.А., с нажимом, про то, что с освоением Целины никаких катастроф с животноводством Казахстана и всей страны не приключилось.

Неофеодальные страшилки об этих мнимых катастрофах подбросили из-за «бугра» народившимся горбачёвским, ельцинским и прочим демократам постаревшие недобитки из числа тех, кто с началом Второй мировой войны мечтал явиться в СССР вместе с Гитлером, чтобы с его благословения править русскими, украинцами, белорусами, казахами, киргизами, узбеками, таджиками, туркменами, татарами, башкирами...

Кунаева предельно возмущала беззастенчивая ложь горбачёвцев и колбинцев о том кошмарном положении, при коем в Казахстане якобы проводилась и владычила лингвистическая, номенклатурно-кадровая и прочая русификация – тогда как всё было далеко не так: не пресловутая анкетная графа пятая (национальность) определяла кадровую политику, а деловые качества людей. И главным начальником в том или ином случае мог быть и казах, и русский, и немец, еврей, узбек, украинец, татарин, кореец, уйгур, башкир, осетин, курд – не даром Казахстан и Целину называли «*планетой ста языков*».

Д.А. риторически вопрошал: зачем морочить голову самим себе самой дешёвой демагогией, заведомо вводить московского (и всякого другого, не-казахстанского читателя) в заблуждение, скоропалительными утверждениями о глобальном, безгранично-русском языковом господстве, которого-то даже во времена императоров Александра Третьего и Николая Второго (сама История тому неопровержимый свидетель) никогда в казахстанских краях не было?

Да неужто только лишь на русском языке велось преподавание на казахских отделениях и факультетах КазПИ – Казахского женского педагогического института или же КазГУ – Казахского государственного университета?

Неужто на русском, а не на родном казахском языке творили Иса Байзаков и Нурпеис Байганин, Джамбул Джабаев и Кенен Азербаетов, Ильяс Джансугуров и Сакен Сейфуллин, Гали Орманов и Дихан Абилов, Сапаргали Бегалин и Аскар Токмагамбетов, Абдильда Тажибаев и Таир Жароков, Абу Сарсенбаев и Халижан Бекхожин, Азильхан Нуршаихов и Саурбек Бакбергенов, Зеин Шашкин и Хамит Ергалиев, Калтай Мухамеджанов и Туманбай Молдагалиев, Саин Муратбеков, Бекежан Тлегенов, многие-многие другие истинные, а не дутые мастера *Казахского Слова*?

Да и в республиканских издательствах «Казахстан», «Жазушы» («Писатель»), «Жалын» («Пламя»), Онер («Искусство») и других книги на казахском языке превалировали всегда, при любой погоде, а уж потом шла печатная продукция на русском, уйгурском, корейском, немецком языках.

И про многострадальные судьбы Ауэзова и Сатпаева тоже вспомнил Кунаев. И попросил включить фрагменты об этом в свою книгу. Бесспорно, говорил он, их судьбы не были прочерчены по некоей ровной линейке. Планида любого подлинного гения, как правило, глубоко драматична. Примеров тому миллион. Между тем Сатпаев с Ауэзовым никогда великими страдальцами себя не считали.

И это действительно так. Сам Мухтар Омарханович Ауэзов, чьи блестящие лекции и выступления и мне посчастливилось слушать под сводами КазГУ и республиканской Академии наук, относился к псевдосочувственным пересудам о себе с нескрываемым скепсисом и даже отвращением, прилюдно всегда подчёркивая с присущей ему иронией, что сам он *настрадался* так, что стал академиком с мировым именем, что его замечательный роман «Путь Абая» сначала был в пух и прах разгромлен, потом отмечен Сталинской премией (1949), а затем удостоен самой престижной в СССР премии – Ленинской (1959) и в самых лучших переводах издан во многих странах Старого и Нового Света.

Примерно такие же *страдания* выпали и на долю лично знакомого моей семье академика Каныша Имантаевича Сатпаева – Сталинская (1942) и Ленинская (1958) премии, президентство в республиканской Академии наук, депутатство в Верховном Совете Союза ССР, всепланетное признание научных открытий и трудов.

Отмечая золотой юбилей Целины, вспоминалось и про то, что накануне её интенсивного освоения ЦК КПСС провёл фронтальный учёт мнений с мест по СССР – по всем его республикам, краям, областям.

Только на основе этого было разработано и принято февральско-мартовским Пленумом ЦК (1954) соответствующее постановление – «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель».

Так что ни для кого, и в первую очередь для местного населения весть о начале Целинной Эпопеи не упала с Луны или Марса. Но, видимо, уж так все мы так пока устроены, что никак не можем даже в своих оглядах на давно минувшее – без долгоиграющего конформистски угодливого *чего изволите*.

И, право, не на очень великое расстояние от этой постыдной формулы удалились в минувший полувек юбилей Целины – из тех, кто тащил на себя одежду с чужого плеча, бесстыдно вырывал свершённое из живого контекста Истории, заново и шулерски перелицовывал общеизвестное и неопровержимое, а в публикуемых материалах старательно занимался широкорядной прополкой по усердному изгнанию из них многих примет той эпохи, таких слов и сочетаний, как *партия, Советы депутатов трудящихся, комсомол* и т.д.

А и зря.

Ибо правильно говорится: из песни слов не выкинешь, а если и выкинешь, то это уже совсем не та песня.

Поэтому все истинные целинники с благодарностью восприняли чёткую позицию нашего Первого Президента, открыто подчеркнувшую в дни Золотого Юбилея Казахской Целины: не надо нам даже в самой малой степени ретушировать Прошлое в угоду Настоящему и, стало быть, Будущему.

Надо брать Прошлое таким, каким оно было на самом деле.

Далеко не всё в нём худо и мерзко.

Пантелеймон Кондратьевич

Как только началось освоение Целины, Первому секретарю ЦК Компартии Казахстана Пантелеймону Кондратьевичу Пономаренко (Брежнев тогда был вторым секретарём, а Кунаев – президентом республиканской Академии наук) пришлось *выписать* из Москвы в Казахстан *почти всех союзных министров с их заместителями*.

А для чего?

А для того, чтобы они не по телефону, не по газетам, не по киножурналам «Новости дня», а на местах видели что к чему на Казахской Целине и принимали бы потом наиболее оптимальные решения. Хрущёв поддерживал это *десантирование*, которое самому Пономаренко продиктовал его бесценный боевой опыт.

В ту пору Хрущёву шёл 62-й год, Пономаренко было 53 года, а Брежневу – 49 лет. За плечами каждого была разносторонняя партийная и армейская деятельность (какая по результатам – это другой разговор). По воле Вождя и Политбюро ЦК каждый успел побывать в ранге первого руководителя той или иной республики.

Хрущёв – на Украине.

Пономаренко – в Белоруссии.

Брежнев – в Молдавии.

Каждый (при Сталине) перебивал в секретарях *большого ЦК*.

Каждый прошёл Великую Отечественную войну.

Да, всем выпало нелегко.

Но особенно трудна и ответственна была она для Пономаренко.

С 1942 по 1944 год он возглавлял Центральный Штаб ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ при Ставке Верховного Главнокомандования.

Мощное партизанское движение и безустальная деятельность партийно-советского, чекистского и комсомольского подполья фактически стали единым *ВТОРЫМ ФРОНТОМ*, той огромной, в самой значительной степени лично Пономаренко в тесном союзе с Берией и руководством ГРУ – Главного разведывательного управления Красной (Советской) Армии стратегически умело *соорганизованной* силой, без которой была бы весьма проблематична Великая Победа над нацистской Германией и её вассалами-подельниками. И вовсе не оккупанты Гитлера, Муссолини, Антонеску, Хорти, царя Бориса, а люди Сталина, Пономаренко, Берии были на территориях, временно занятых врагом, носителями *законной* власти и во многих случаях полноправными хозяевами.

В глазах Верховного, всей Ставки, Государственного Комитета Оборона, командующих фронтами Великой Отечественной войны любой авторитет Пономаренко – военно-административный, партийно-государственный, чисто человеческий – всегда был на должной, для многих других совершенно недостижимой высоте, что никак и никогда не умаляло ему личной скромности, огромного благородства и всегдашнего непоказного внимания к честным людям, каких бы постов и должностей они ни были. И люди всегда и везде платили ему той же монетой.

К тому располагала уже сама внушительная внешность Пантелеймона Кондратьевича – натуры во всех смыслах обаятельной, поистине незаурядных интеллектуальных и моральных качеств, немалого личного мужества и достоинства.

Признавая это, Брежнев якобы в свою «Целину» – и уж я-то точно знаю: по настоятельному совету Кунаева – согласился вписать несколько фраз о том, что работал с Пономаренко «рука об руку, добиваясь одной цели, забот и дел хватало обоим». От имени Леонида Ильича так и было сказано: «Что касается меня, то я всегда ценил и уважал Пантелеймона Кондратьевича и как Главного Партизана, руководившего всю войну народным сопротивлением в тылу врага, и как умелого организатора, надёжного товарища».

См.: Л.И. Брежнев. «Целина». – Политиздат, М., 1978, с. 7.

Однако Хрущёв был о Пономаренко совсем иного мнения.

Всё дело заключалось в том, что наш дорогой Никита Сергеевич с его умело наигранными радушием и простодушием, природными юмором и смекалкой – натура очень хваткая, самонадеянная, хитрая и при том неимоверно властолюбивая, весьма мнительная и мстительная – никогда не любил держать вблизи себя никаких сильных личностей. В отличие от Сталина, Молотова, Берии он их панически боялся. Ему, моментально расправившемуся в 1953 году с *маршалом* Берией, предстояло скрутить в бараний рог всех остальных с ним не согласных из достопочтенной когорты Сталина – прежде всего Молотова, Маленкова, Кагановича, Булганина...

Вышибать их по одиночке не стал – сей процесс был бы очень долг и бесперспективен, а потому Никита Сергеевич срочно свёл их оптом в т.н. антипартийную группу, добавив ещё кое-кого из неугодных ему персонажей более поздней формации и – покарал при общепартийном и всенародном одобрям-се. Чрезвычайно струхнувших Ворошилова и Булганина милостиво индальгировал за их почти что собачью преданность.

С Пономаренко же после ликвидации Берии Хрущёв сразу расправиться не решился, поскольку за Главным Партизаном маячили самые внушительные фигуры в золотых погонах и красных лампасах. Пантелеймон Кондратьевич обладал сильнейшим влиянием на многих полководцев и военачальников, ещё с Великой Отечественной войны и задолго до неё, будучи членом Военных советов (попросту говоря, доверенным лицом Сталина) Белорусского Особого военного округа (а затем и фронта), Третьей Ударной Армии, Западного, Центрального, Брянского, Первого Белорусского фронтов... Четырежды Герой Советского Союза, Главный Кузнец Великой Победы Георгий Константинович Жуков, его вечный соперник и друг-враг, Маршал Советского Союза Иван Степанович Конев, тоже дважды Герой Советского Союза, Маршал Константин Константинович Рокоссовский, легендарный генерал-полковник, Герой Советского Союза Никандр Евлампиевич Чибисов, начальник Военной академии Генштаба, генерал-полковник Фёдор Исидорович Кузнецов – всё это были влиятельнейшие люди круга Пономаренко. Они не только симпатизировали ему, но и, несмотря на иные чересчур усложнённые личные отношения меж собой, его, можно сказать, любили каждый по-своему, по-братски. Никиту Сергеевича это очень страшило. Он неспроста остерегался, что его кремлёвским конкурентам Пантелеймон Кондратьевич в самой Москве может стать сильнейшей опорой, и потому он, Хрущёв, долго за булаву высшей власти не подержится.

Такая перспектива Хрущёва никак не устраивала, и хитроумный Никита Сергеевич сразу же после принудительной (к слову, об этом 16 января 2012 года на главном российском ТВ-канале напомнил миллионам телезрителей известный наш земляк, мой старший однокашник по 25-й алма-атинской средней школе, неоднократно кандидат в Президенты РФ Владимир Вольфович Жириновский) кончины Вождя не преминул немедленно освободить Пантелеймона Кондратьевича от всех ключевых должностей, на которые Пономаренко был назначен самим Сталиным.

А таковых – ещё раз напомню – было несколько.

На посту заместителя Сталина в Совете Министров СССР Пономаренко курировал многоотраслевую индустрию державы, в том числе оборонную промышленность, фундаментальные и прикладные науки. Одновременно он возглавлял самое сложное и трудоёмкое Министерство заготовок СССР. Много неотложной работы выпадало ему и как секретарю ЦК КПСС. Поразительно, но со всеми порученными ему архиответственными сферами Пантелеймон Кондратьевич справлялся всегда успешно, можно сказать, блистательно, что радовало Сталина, но втайне (а подчас и въявь) бесило завистливого Хрущёва.

Да, Сталин всегда очень благоволил Пантелеймону Кондратьевичу. БОЛЕЕ ТОГО – ВИДЕЛ В НЁМ СЕБЕ ЗАМЕНУ и ничуть не скрывал этого.

В Белоруссии Пономаренко открыто признавали (и признают) своим национальным героем, хотя он никогда не был белорусом, а, как и Брежнев, писался в документах украинцем.

И родился он вовсе не в Белоруссии, как считают многие, а на Кубани, на хуторе Шёлковском (позже этот хутор числился в составе Белореченского района Краснодарского края), как было занесено в церковные метрики, 27 июля 1902 года – по старому стилю. По новому стилю – 9 августа. Смолоду обозначал в анкетах классово почитаемое и безупречное: *родился в семье крестьянина-бедняка*.

В Гражданскую войну героически отличался в жестоких боях при обороне Краснодара – отважному красноармейцу Пономаренко тогда не было и 17-ти лет. Но очень смекалистый и физически необычайно крепкий, сражался за десятерых. В память на всю жизнь получил тогда не орден Красного Знамени, а глубокий сабельный шрам на затылке. Говорил моей матери (а ей, тоже фронтовику-орденоносцу, отличнику здравоохранения СССР, в бытность Пономаренко в Казахстане не раз доводилось быть ему полезным как опытному медику), откровенно удивлялся: как не снёс тогда ему голову дюжий есаул. Да и сам пленённый красными белоказачий офицер дивился этому перед расстрелом. Но упросил Пономаренко командиров не пускать есаула в расход уже хотя бы потому, что тот оказался чуть ли не родней, из соседней станицы.

А большие ордена появились позже. Среди них – три ордена Ленина, полководческий (платиновый) орден Суворова первой степени. Кавалерами этого ордена были не очень многие. Среди них маршал Тито, генерал Эйзенхауэр, фельдмаршал Монтгомери, лорд-хранитель печати Великобритании Бивербрук, император Эфиопии Хайле Селассие Первый.

В Красную Армию, уже на командные должности, вернулся в 1932-м, после успешного окончания Московского института инженеров транспорта, успев до того вкусить, как тогда духоподъёмно писали в газетах, *радость труда* и на нефтепромыслах, и на железной дороге в качестве слесаря, а потом и машиниста паровоза.

Хрущёва же на Украине национальным героем мало кто считал. Разве те, кого он возжелал несказанно обрадовать, насильно оторвав в середине 50-х от России Крым в пользу будущей «незалежной Украины». Но даже и те, кого он таким образом хотел завербовать в свои вечные союзники, восприняли эту сумасбродную выходку с превеликим недоумением: к чему делить неделимое, веками устоявшееся и освящённое ими же? И вот только теперь становится ясным во всей своей зловещности это криминальное действо – как мрачная предтеча Беловежской секиры, тоже безжалостно рубанувшей по-живому, но уже в масштабах гигантского, ею же, на безумную радость всему Западу, умерщвлённого государства.

Короче, передачей Крыма Украине новых союзников Хрущёв не обрёл ни там, ни там. Скорее, наоборот: эта помпезная по форме акция всколыхнула людскую память о тех чёрных делах, которые наш дорогой Никита Сергеевич деятельно творил на Украине до Великой Отечественной войны и после, сделавшись, говоря суровыми, но справедливыми словами писателя Астафьева о маршале Жукове, *браконьером своего народа* – причём творил их безустально и повсеместно именем Сталина. Фактов тому тьма-тьмущая.

Пономаренко не был особым виртуозом по части вознесения Вождя до небес, каким издавна зарекомендовал себя Никита Сергеевич, но на словах искренней признательности Сталину не экономил. Так, выступая в Минске 15 мая 1940 года с отчётным докладом XXVIII-му съезду КП(б) Белоруссии, назвал Иосифа Виссарионовича величайшим другом белорусского народа. Вдумчивый аналитический доклад изобиловал похвалой конкретным передовикам труда – Пономаренко любил называть их поимённо и (как позже Кунаев) очень охотно.

В отчётном докладе не было политической трескотни. Заоблачным акафистам светлому будущему и парадным заклинаниям Пономаренко предпочёл самые актуальные земные проблемы: окончательную ликвидацию потрясающего бездорожья (в ту пору по Белоруссии «весной и осенью нельзя было ни пройти, ни проехать»); укрупнение населённых пунктов (по статистике в 1938 году в Белоруссии было 160 000 хуторов, а на самом деле их оказалось 177 000); повышение культуры обслуживания населения общественным транспортом («... автомобили по улицам ходят немытые, автобусы обцарапанные, трамваи невыкрашенные») и т.д. Примечательно: один из подробных разделов довоенного доклада полностью посвящался освоению новых земель.

Говоря о тогдашних особенностях внутрипартийной жизни, докладчик с удовлетворением отметил, что истерический градус внутрипартийных разборок, синдром, казалось, нескончаемого поиска врагов народа пошёл наконец-то на убыль: *«... у нас становится всё меньше и меньше гробокопателей, для которых социальная направленность какой-нибудь прабабушки коммуниста значит гораздо больше, чем вся его преданная и положительная работа в партии».*

И вовсе не в недрах партаппарата, а именно на съезде тем самым Пономаренко открыто заявил о необходимости продолжить самый решительный курс на немедленное возвращение доброго имени всем ранее обогланным людям, не снимая однако вопроса о неусыпной бдительности к подлым вражьи́м прои́скам, особенно в преддверии неотвратимо близившейся Большой Войны. В её грядущей реальности он не сомневался и потому обстоятельно и предметно говорил о неотложных делах оборонной работы среди молодёжи и всего населения.

Не забывал Пономаренко и про тогдашнего второго человека в партии и государстве – Молотова. Не очень обильно, но всегда к месту, по делу и времени цитировал его в своих военно-патриотических статьях и брошюрах. В сугубо инженерно-технических трудах, вроде выдержавшей множество переизданий в СССР и за рубежом солиднейшей книги «Тепловоз», обходился без цитат.

И без того жгучую ревность Хрущёва к Пономаренко распаляло ещё и то очевидное обстоятельство, что если в годы Великой Отечественной войны на Украине каждый четвёртый, а то и третий житель вынужденно или по собственной воле активно сотрудничал с оккупантами, то в Белоруссии каждый третий был их жертвой. Но нигде так жарко не горела земля под ногами незваных пришельцев, как в Белоруссии.

Бессменному Первосоветчику Кунаева Абдрашитову довелось после войны в Москве на партучёбе близко сойтись с адъютантом Пономаренко, и тот говорил о Пантелеймоне Кондратьевиче только одобрительное.

Однажды освободили в Белоруссии очередной районный центр. Сидит у развалин на бревне политрук с костылём.

«Власти тут есть? Сам-то откуда будешь?» – спросил Пономаренко. Был он в генеральской форме.

«Властей нет», – ответил политрук.

Оказалось он из местных – коренной.

О том, что перед ним стоял первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии, политрук, разумеется, не догадывался.

«Вот я тебя назначаю секретарём райкома партии. Ты и будешь тут власть! – утвердительно сказал Пономаренко политруку. – А через неделю заеду. Так чтобы у тебя полный порядок был и райком, и райисполком. Выборы проведёшь, дабы всё по Уставу и по Конституции!».

«А с каких это пор у нас, товарищ генерал-лейтенант, генералы стали назначать на партийную должность?» – твёрдо усомнился политрук.

«Молодец! – похвалил Пономаренко. – Но ты знаешь, кто я?».

Познакомились.

С того самого дня ещё одним толковым партийным работником в Белоруссии стало больше.

После войны Сталин, как уже было сказано, сделал Пономаренко своим заместителем в Правительстве Союза ССР, а также одним из секретарей ЦК ВКП(б) и (с 1950 года) по совместительству назначил министром заготовок СССР. Предвыборная речь Пономаренко, произнесённая 7 марта 1950 года на собрании избирателей в Минске, издавалась в Москве полумиллионным тиражом, с портретом оратора.

В ту пору советский народ знал своего Главного Партизана в лицо. Соперником для Хрущёва Пономаренко становился грозным. Этого коварный Никита Сергеевич не мог не учитывать. Опираясь на содействие Маленкова, он сразу же после умело спланированной им кончины Сталина и лютой расправы с Берией ловко вывел Пантелеймона Кондратьевича со всех высочайших постов и определил министром культуры СССР. Уж очень надеялся скомпрометировать его: культура, как известно, сфера тонкая, а где тонко, там и рвётся.

Но и тут опять оказалось давно знакомое: Пономаренко на своём месте!

Нетрудно понять, почему уже в следующем году Хрущёв бросил именно его, а не кого-то другого, на освоение Казахской Целины.

Расчёт Никиты Сергеевича снова был прост, как огурец.

В случае удачи – лавры пополам.

А если провал, то Пономаренко – козёл отпущения.

Лучше не придумать!

Но провала не случилось.

Да его ни при каких обстоятельствах не могло произойти.

А вот в отношении определённого взамен Пономаренко Хрущёвым министром культуры СССР гуманитария (уточняя: большого

специалиста по марксистско-ленинской философии) 47-летнего Георгия Фёдоровича Александрова и группы его номенклатурных приятелей, как ровесников, так и помоложе, вскоре выяснились настолько пикантные картинки, что ЦК КПСС вынужден был разослать на места своё Закрытое письмо под титулом: «О недостойном поведении тт. Александрова Г.Ф., Еголина А.М. и других» – для строго конфиденциального зачитания среди членов партии.

Не стану пересказывать содержание этого секретного документа, скажу лишь, что *т. Александрову* – для всех *членов ЦК* и всей партии он и его зам Еголин, а также прочие столь же похотливые козлы (компаньоны) по-прежнему оставались в ранге *т(оварищей)*, только скажу, что все венценосные развратники Древнего Рима наверняка умерли бы от зависти, лишь краешком глаза глянув на регулярно практикуемые министром культуры и его окружением питейно-сексуальные оргии с добровольно-принудительным привлечением к оным московских жриц Мельпомены явно не пенсионных возрастов.

В Казахстане же и партийная молва и вездесуще-молниеносный *узун-кулак* (что по-славянски означает *длинное ухо*) немедленно легендировали чуть ли не каждый шаг Пономаренко. А его хватало буквально на всё и вся. Он мог без предупреждения и без какой-либо помпы запросто появляться на целинных стройках, в новых и старых вузах, школах, клубах, больницах. Требовал: пашня пашней, но к ней нужно всё необходимое для нормальной жизни целинников, а не для бесконечного преодоления ими всевозможных трудностей.

Об одном из первых секретарей обкомов (фамилию опускаю) Пономаренко говорил: «Вот гляньте – как он похож на вождя дикого племени!».

Другой обиделся бы, а этот первосекретарь – нет.

Он был по-своему благодарен Пономаренко. Какое-то время даже учился в ВПШ – Высшей партийной школе. Без её диплома обкомовская должность дальше уже никак не светила. Однако в ВПШ её науки постигались с трудом. Точнее, не постигались. Сдавал марксистско-ленинскую философию. Долго его терзали. Что первичное, что вторичное? Сознание или материя? Материя или сознание? В чём Гегель был неправ? И почему? А Фейербах? А когда, кем и при каких обстоятельствах был написан «Анти-Дюринг»? Что можете сказать? Не выдержал вождь, взмолился перед председателем комиссии: «Слушай, жолдас-товарищ Макаров, неужели я вот столько тут сижу и на тройку ещё не ответил?».

Помог ему Пономаренко с дипломом – уж больно хороши были экономические показатели у руководимой этим вождём области.

А кому-то не спешил на помощь – наоборот, например, поспособствовал почти полной ликвидации неафишируемого ночного *картёжа* среди самой высокой республиканской партийно-советской номенклатуры. Та безудержно поигрывала в преферанс, причём ставки были не из мелких. При этом непременно решались (обтяпывались) всяческие делишки, дела и делища. А поутру их вершители тупо совели по своим служебным кабинетам. Королём преферанса считался один из самых видных и важных министров. Пономаренко оставил ему звучный королевский титул, но из министров вышиб, правда, без газетного шума.

Рассказывали: однажды заглянул Пономаренко в один из алма-атинских магазинов, попросил взвесить кило конфет. Там не оказалось обёрточной бумаги. Тогда ссыпали ему это кило прямо в шляпу. По иной версии – не кило конфет, а кило соли.

На самом же деле (это уже Абдрашитов уверял меня с Бекежановым) Пономаренко зашёл в магазин вместе со своим давним (ещё с партизанских лет и даже раньше) помощником Николаевым. Заняли очередь за куриными яйцами. Очередь дошла, попросили два десятка. Ни пакета, ни бумаги для кулька не оказалось.

«Тогда давайте в шляпу!» – повелел Пономаренко и поехал с Николаевым сразу же в горком партии.

Там первым секретарём был Козлов, из «варягов» (москвич), большой мастер всевозможных говорilen и парадных ритуалов. И тут он в аккурат проводил заседание бюро. При явлении Пономаренко у всех глаза на лоб полезли.

В другой раз направился Пономаренко на столичный АРЗ-1 (авторемонтный завод) ознакомиться на месте, как там налаживается техника для целинников. Огромная мутная лужа, больше знаменитой Гоголевской, преградила путь автомобилю перед самыми заводскими воротами. Ничего не стоило бы её преодолеть, но Пономаренко попросил водителя остановиться посередине этой лужи. Из проходной в начищенных до блеска штиблетах к нему прямо по вязкой жиже на виду у всех рабочих вынужден был проследовать директор АРЗ-1 Верёвкин (фамилия подлинная) со своей партийно-комсомольской и профсоюзной свитой.

Картина получилась та ещё.

Поговорив (о луже – ни слова!) недолго с главой АРЗ (лауреатом Сталинской премии), Пономаренко обещал навестить его предприятие для более подробного разговора через часок-другой, а сам отправился на другой объект – АЗТМ (Алма-Атинский завод тяжёлого машиностроения имени Калинина).

Там вроде бы всё оказалось в ажуре – с производственными делами, но только не с их общей культурой: территория захламлена, возле цехов кучи мусора, так называемые места общего пользования – одна стыдоба.

Зато всё действительно было в полном порядке на громадном (номерном) заводе имени Кирова, снабжавшем под началом Героя Социалистического Труда Петра Харитоновича Резчика население республики и страны отличными стиральными машинами, а Военно-Морской Флот СССР – не менее отличными торпедами.

Ещё не успел Пономаренко распрощаться с начальством и рабочиком АЗТМ, как увидел самолично чуть ли не волшебное преобразование заводской территории. Сдержанно похвалил калининцев за проявленную оперативность. Не сплеховали и авторемонтники. Вернувшись к ним, Пономаренко никому, Верёвкину тоже, и полусловом не попомнил о злополучной луже (её ликвидировали за пять минут), но с той поры территория у заводских ворот и далече приняла божеский вид. На всех других больших и малых предприятиях Алма-Аты (а следом и других областных центров) моментально тоже озаботились благоустройством своих территорий и всего того, что их окружало.

Кого-то от души восхищали эти и множество других экстравагантностей неутомимого и многожильного Пантелеймона Кондратьевича, решительно взявшегося ещё и за искоренение непомерно расплодившегося к тому времени блата и кумовства в подборе и расстановке руководящих кадров.

Но кто-то расцехлял перья и кривым, а то и чертёжным почерком строил *куда следует* подробные анонимки.

Так или иначе, а сей неистребимый даже при зрелом социализме подмётный жанр очень тогда помог Хрущёву вытолкать Пономаренко далеко за пределы Казахстана и СССР, и причём надолго.

Как относился Кунаев к Пономаренко, а Пономаренко к Кунаеву – я уже вкратце говорил. Но, по-моему, об этом лучше всех свидетелей, очевидцев и комментаторов сказал сам Димаш Ахмедович. Его мемуарные книги уже давно стали библиографической редкостью, а потому вполне уместна тут дословная аппликация о Пономаренко – в наиболее полной, уточнённой и согласованной мной с Д.А. ещё при его жизни редакции: «... За короткий срок работы с Пономаренко у меня сложились с ним дружеские отношения. Он был человеком твёрдого характера и очень доступным, простым. Умел располагать к себе собеседника, был очень демократичным. Его выступления отличались большой оригинальностью. В свободное время, в домашней обстановке, он любил рассказывать о своих делах в Белоруссии, о том, как с 1942 года был назначен Сталиным начальником Центрального штаба партизанского движения. Он сумел аргументированно убедить Вождя в том, что настойчиво предлагаемые Берией узкие методы ведения войны в тылу врага только лишь силами спецотрядов НКВД чрезвычайно однобоки. Они к большому, масштабному успеху не приведут. Важно было сформировать крупные партизанские соединения, причём *на армейских принципах, обеспечивая боевое, кадровое, материально-техническое снабжение партизан централизованно, причём с привлечением крупных сил военно-транспортной авиации.* Концепция Пономаренко возобладала и дала самые высокие позитивные результаты. Пономаренко с большим интересом рассказывал о работе в Москве и о добром отношении к нему Сталина, особенно когда он был его заместителем.

Он подчёркивал, что с Хрущёвым же у него отношения явно не складывались. Вспоминается такой случай. Писатель Ауэзов позвонил мне и пригласил в гости. В конце разговора добавил, что приглашает и Пономаренко. Только я положил трубку – звонок от Пономаренко. Он предложил пойти к Ауэзову вместе: «Зайдите за мной, хорошо?». Я пришёл к Пономаренко, и в это время звонит аппарат ВЧ-связи. Пономаренко поговорил по телефону и, положив трубку, сказал, что звонил Хрущёв. Настроение у него было явно испорчено. Он и не скрывал этого, помню, бросил фразу: «С Хрущёвым становится работать всё труднее и труднее». Затем он рассказал, что их «неладные отношения» начались ещё до войны, когда Хрущёв работал в Киеве, он в Минске. Дальше, в период войны, а затем – в Москве, они по многим вопросам не находили общего языка. В том числе и тогда, когда Пономаренко работал – а было и такое – министром культуры СССР.

Я отчётливо запомнил и такие слова Пантелеймона Кондратьевича: – *Работать в Казахстане очень интересно, – сказал он, – здесь надо решать крупные проблемы, но не знаю, позволят ли мне долго поработать в этой республике, с её замечательными людьми.* Вам придётся работать под началом Хрущёва. Учтите – это увлекающаяся натура. Многие вопросы он ставит неглубоко, всесторонне не продумывая. Ваши вопросы, предложения, мнения, если таковые расходятся с его мнением, он не пропустит. Более того, это может привести к нежелательным результатам. Для него чуждо мнение других, он идёт напролом. Хрущёв органически не выносит людей более способных и более знающих, чем он сам. Он начал планомерно избавляться от людей твёрдых и способных до конца отстаивать свои взгляды. Многих руководящих работников на местах и в Центре, решительно защищающих свои предложения и взгляды, он постепенно убирает со своих постов.

Признаюсь, в то время такое заявление Пономаренко для меня было странным. И только потом, много позже, я убедился в правоте его слов. На этом наш разговор закончился, и мы отправились к Ауэзову.

На вечере у Ауэзова, кроме меня и Пономаренко, был Мустафин, тогда председатель Союза писателей республики, Мусрепов, ещё два-три человека, но кто именно, я уже забыл. Обстановка была самая что ни на есть доброжелательная, разговор в основном вели Ауэзов и Пономаренко. Ауэзов рассказывал ему, как он работал над эпопеей об Абае, с какими трудностями ему приходилось сталкиваться. Много говорили о литературе, искусстве, не оставалась без внимания и экономика. Пономаренко живо интересовало мнение писателей о предстоящих планах развития республики, особенно вопросы освоения Целины.

Разъехались мы поздно ночью, очень довольные приёмом у Ауэзова. Вообще надо отметить, что Пономаренко стремился установить тесные контакты с ведущими казахскими писателями. Я был сам очевидцем, как Мустафин, Мусрепов, Ауэзов, Муканов подолгу беседовали, иногда часами, бывая у него на приёме.

А сам он тщательно изучил историю, быт, традиции казахского народа, внимательно читал лучшие образцы казахской поэзии и прозы. Когда я бывал у него в кабинете, то всегда на его столе видел книги наших казахстанских авторов.

Такой внимательный и благожелательный подход Пономаренко к лучшим представителям нашей интеллигенции давал положительные плоды. Ему удалось даже примирить и сгладить сильные противоречия и конфликты среди наших литераторов и значительно улучшить творческую атмосферу в писательской среде.

Спустя какое-то время тот первый разговор Пономаренко с Хрущёвым, при котором я присутствовал, получил неожиданное, скорее предсказуемое, продолжение.

Я был у Пономаренко в его кабинете. Ему по ВЧ-связи позвонил Молотов – в ту пору ещё министр иностранных дел СССР. После окончания разговора Пономаренко сказал:

– Помните, я говорил Вам о моих отношениях с Хрущёвым? Сейчас после разговора с Молотовым многое прояснилось. Меня заставляют переходить на дипломатическую работу, я уезжаю в Польшу.

Тут же он вызвал помощника, сказав ему, чтобы готовили самолёт в Москву. Помощник вскоре доложил, что через три часа самолёт будет готов к вылету. Пономаренко пригласил всех членов Бюро ЦК, находящихся в городе, и объявил, что отзывается в Москву. Мы поблагодарили его за совместную работу. Через три часа я один провожал его в аэропорту, никто из членов Бюро туда не поехал. *До самой его кончины у нас сохранялись дружеские, тёплые отношения.*

К слову, когда я в январе 1993 года заметил Д.А. (уточняли и дополняли и этот фрагмент для будущей книги, см. её 96-99 страницы в варианте республиканского издательства «Санат», Алматы, 1994), что все те позитивные качества, кои отмечены тут у Пономаренко, присущи и самому мемуаристу, Кунаев улыбнулся и с шутливым назиданием вспомнил строку великого баснописца: «Уж сколько раз твердили миру, что лесть...».

Но потом опять посерьёзnel и констатировал: да, вот именно так, в пожарном, экстренном порядке, без каких-либо вразумительных объяснений и государственной необходимости Пономаренко был назначен послом СССР в тогда ещё братскую Польшу.

И далее продолжил *раскрывать скобки* того, что оставалось у нас за кадром. А оставалось очень многое, давным-давно достойное пера не слабее, чем у Юлиана Семёнова.

Я спросил у Д.А., не знает ли он, как отнёсся Берия к тому, что Вождь принял концепцию Пономаренко.

«Знаю. Но только строго между нами, – ответил Д.А. – Мы об этом пока не будем. Рано. Потом обязательно вернёмся. Возможно, даже в следующей книге. А сейчас вот что запомни: вместе с концепцией Пономаренко Сталин тогда одобрил и все специфические предложения Берии. До единого. Как совершенно разумные и посоветовал им обоим немедленно объединить усилия и действовать по совместному плану. Но как? А только так, чтобы подпольные обкомы, горкомы и райкомы партии руководили НКВД, а не НКВД – ими. Берия сразу же согласился. Он был очень гибкий и умный политик, острый на мысль и конкретное дело. Руководил стратегической разведкой. Очень много доброго сделал. И Пономаренко тоже считал, что Никита с Берией поступил гнусно и мерзко. Всё было сфальсифицировано, сотряпано, а самого Берия моментально ликвидировали ещё до суда над ним. На Пленуме его не было! И никак не могло быть!».

«Кого же тогда судили?»

«Призрак! Немого двойника, который языком не ворочал!...».

«Ну знаете, это что-то из разряда «Железной маски» или «Всадника без головы»...».

Д.А. не дал мне договорить: «Знаю! У нас очень многое из этого самого разряда... Такие, брат, дела творил Никита... Пономаренко не настолько был мне близок, чтобы признаться в своём предчувствии, что следующей жертвой вслед за Берией может оказаться он сам, но есть же на свете и такие вещи, о которых не надо говорить вслух. Они и без того понятны...

Борьба за власть всегда была самой страшной штукой, когда никто никого в ней не миловал...».

Так что и Пономаренко Хрущёв стремительно перемещал из огня да в полымя, опять-таки в прямом расчёте на то, чтобы тот погорел, сгорел, сломал себе шею. В ту пору министром национальной обороны Польши и заместителем Председателя её Совета Министров был дважды Маршал – Советского Союза и Польши Рокоссовский (с 1949 по 1956 год).

А поскольку тогда в Кремле уверенно считалось, что курица не птица, а Польша с Болгарией – не заграница, да к тому же не исключалась возможность некоего сговора Рокоссовского с Пономаренко (козни против себя Хрущёв был готов видеть на каждом шагу и – видел!), то Пантелеймона Кондратьевича в Польше продержали недолго и отправили послом СССР подальше, за Гиндукуш – в Индию и Непал (по совместительству), а Рокоссовского вернули в Союз заместителем министра обороны, чтобы в 1957 году отправить командовать войсками третьеразрядного Закавказского военного округа.

Такой расклад был для мнительного Хрущёва безопаснее.

Предпоследним местом дипломатической службы Пономаренко стали Нидерланды. Хрущёву не терпелось поскорее спровадить Главного Партизана на пенсию, которая полагалась Пономаренко по достижении 60 лет – с 1962 года. В 1961 году Никита Сергеевич, оставляя Пономаренко в должности посла, определил ему ещё одно жёсткое испытание на разрыв и прочность – назначил представителем СССР в Международном агентстве по атомной энергии в Вене – в не шибко тайной надежде: авось, надорвётся. Но сил, знаний, умения у Главного Партизана и тут оказалось предостаточно.

Помог Хрущёву избавиться от Пономаренко случай, приключившийся в королевском аэропорту Нидерландов. Там североамериканские и целиком послушные им местные спецслужбы попытались отсечь от посадки в советский самолёт нашу соотечественницу – назову её здесь Васильевой. Сей трюк им безусловно удался бы, но вблизи, на её счастье, оказался сам Пантелеймон Кондратьевич. Васильева вскричала о помощи, и он, видимо, вспомнив геройские рукопашные схватки при обороне Краснодара от белогвардейцев, решительно оградил советскую гражданку от наседавших теперь уже и на него дюжих агентов. Крайнему из них посол слегка зажал правую руку в своей могучей клешне. Оказалось: вывихнул пальцы (досужими корреспондентами утверждалось – сломал). Конечно же, не хотел Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР никакого членовредительства. Но что поделаешь, если смолodu, коль надо было, он кулаком запросто крошил амбарные замки, а согнуть медный пятак вообще ему ничего не стоило. Короче, провокаторы свою наглую операцию по захвату мигом свернули, и гражданка Васильева благополучно улетела в Москву.

А вскоре отправился тем же рейсом (для него безвозвратным) и сам Пантелеймон Кондратьевич – уж тут собак и кошек ему постарались навешать всяческих. Зато Никита Сергеевич теперь мог вздохнуть спокойно. Но, право, ненадолго, поскольку вскоре *загрел* сам. 14 октября 1964 года в отставку «по состоянию здоровья» он был отправлен *единогласно*.

Позже лукавый Брежнев так и *не смог* подыскать для Пономаренко никакой *подходящей* работы по той же простой причине, что и Хрущёв: сильные личности Леониду Ильичу нужны были поодаль, но только не вблизи.

Пришлось *персональному пенсионеру* Пономаренко заняться преподавательской деятельностью и взяться за научно-исторические труды. Это он делал с превеликим желанием, громадным увлечением. Выступал в центральных «Военно-историческом журнале» («ВИЖ», 1964, № 4) и «Новом времени» (1965, № 19). Старательно работал над книгой «Непокорённые» – она вышла в Москве к 30-летию Великой Победы над лютым германским нацизмом и его мизантропическими разновидностями: румынским, венгерским, чешским, болгарским, греческим, прочими евроазиатскими фашизмами. В 1973 году с участием Пономаренко в Минске был опубликован трёхтомник «Всенародное партизанское движение в Белоруссии». В 1981 году написал «Слово о партизанах Северного Кавказа» для московского сборника «Народный подвиг в битве за Кавказ»...

Все эти и другие публикации Пантелеймон Кондратьевич аккуратно насылал Динмухамеду Ахмедовичу, предварительно подробно расспросив меня по телефону, как он себя чувствует, какова ситуация на Целине и вообще, что нового в Казахстане и окрест, о чём не пишут газеты и не трубят радио с телевидением.

Кунаева столь подробная осведомлённость Пономаренко восхищала.

«Вот, только что переговорил я со святым Пантелеймоном, – говорил Д.А. – Работает не покладая рук. Привет тебе передаёт. Наш Главный Партизан помнит наши с ним посиделки в Москве на Чистых Прудах. Ждёт новых встреч. Он в полном курсе наших дел. Молодец! А мы с тобой что знаем, как там у него самого? Давай-ка вышлем ему свои писания. Что там у нас с тобой наворочено? А ты опять чему улыбаешься, а?».

Итогом главной темы Пономаренко стал крупный том из 438-ми страниц под названием «Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков в 1941-1944гг.».

В подготовке *академического* тома помогли знающие военные историки. И первым из них академик Александр Михайлович Самсонов. Он стал ответственным редактором этой поистине бесценной книги, выпущенной под эгидой Института истории СССР 50-тысячным тиражом.

Но сам Пономаренко, увы, уже не увидел её.

Она вышла в свет в 1986-м, двумя годами после его кончины.

Вступительное слово к этой книге предпослал доктор наук Георгий Александрович Куманёв. Как и положено истинному историку, изложил его, *не растекаясь мыслью по древу*. Но про самого Пономаренко отзывался с полным почтением, подчеркнув, что Пантелеймон Кондратьевич «счастливым сочетал дар вдумчивого исследователя с тем богатством огромного, во многом уникального опыта, который хранила его память».

Очень справедлива эта высказанная первоклассным военным историком мысль. Действительно, если её развернуть чуть подробнее, то окажется, что документальной опорой уникального фоллианта Пономаренко

явились тщательно исследованные им материалы (вдумайтесь и оцените!) *двадцати семи* центральных государственных архивов плюс не менее *пятьсот семидесяти пяти* печатных трудов самых разных отечественных и зарубежных авторов. Среди них Пономаренко счёл необходимым назвать дневниковые записки Народного Героя Казахстана, известного писателя Касыма Кайсенова «Партизанской тропой» (1965), монографию историка Нури Едыгенова «Участие казахстанцев в партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны» (1972).

Не только эти имена с большим желанием и свободно называл Пантелеймон Кондратьевич в своих московских беседах с Кунаевым (чему и я был свидетель). Он знал в лицо (Кунаев тоже) многих геройских участников Великой Партизанской Эпопеи и в их числе – легендарного лесного комиссара, замечательного казахского поэта Жумагали Саина, не менее легендарного участника обороны Брестской крепости, командира партизанской роты, славного чекиста Нурума Сыдыкова, отважного и умелого минёра знаменитой Рельсовой Войны семиреченца Григория Романовича Харченко, командира отделения из партизанской бригады имени Пономаренко – Ивана Моисеевича Зайко... Да, была и такая бригада. В её состав входили крупные партизанские отряды «Советская Белоруссия», имени Кирова, имени Димитрова, имени Ворошилова, имени Гастелло. Эта бригада была у Центра на исключительно хорошем счету и вовсе не потому, что сам Пономаренко уделял ей некое повышенное внимание, вовсе нет, а потому что костяк всех её отрядов состоял из партийцев и комсомольцев – закалённых патриотов, отменных профессионалов своего дела.

Капитальная книга Пономаренко в корне поменяла расхожие представления об умело руководимом им партизанском движении, обогащала любого читателя невероятно реалистичными представлениями о минувшей войне и её людях в тылу врага и о самом враге тоже.

Ну кто до Пономаренко, например, мог написать о том, что на фронтовых стыках германской и советской сторон месяцами зияли огромные бреши, в которые устремлялись большие обозы и даже колонны грузовиков с военными грузами и продовольствием для партизан, а потом благополучно возвращались обратно.

Или не забыть о том, как только за один экземпляр газеты «Правда» от 7 ноября 1941 года с портретом Сталина крестьяне предлагали партизанам породистую корову, вспомнить о своих личных рекомендациях эвакуировать раненых не только самолётами, но и на собаках, заправлять партизанские автомобили при отсутствии бензина местным скипидаром, выделанным в смолокурнях, о советах минировать дороги так, чтобы вражеские солдаты могли передвигаться по ним только по канавам, вырытым по центру дорог, только пешим порядком, когда бить этих вояк гораздо сподручнее.

Такой подробной, всеохватывающей рельефной панорамы истинно всенародной войны, но не хаотичной, а строго организованной и чётко направляемой по общему стратегическому плану, прежде никому не доводилось встречать. Никого не обошёл в этой панораме своим вниманием и

достоверным словом Пантелеймон Кондратьевич – ни руководителей подпольных обкомов, горкомов, райкомов партии и райсполкомов, республиканских, областных штабов партизанского движения, ни комсомольских вожakov, командиров и бойцов героических диверсионных отрядов и бригад НКВД, ни снайперов, пулемётчиков, артиллеристов, подрывников, врачей, медицинских сестёр, санитарок, радистов, шифровальщиков, работников газет, эвакуаторов, командиров воздушных кораблей, штурманов, стрелков, немецких, чешских, польских партизан-интернационалистов – многих *прорабов и чернорабочих* небывалой партизанской войны называл поимённо.

Не обошёл он стороной и документы противника, конкретные свидетельства его солдат, офицеров, генералов, фельдмаршалов. Среди них и такая цитата из отданного 10 октября 1941 года приказа командующего войсками Шестой германской армии, концептуально весьма *просвещённого* генерал-фельдмаршала фон Рейхенау: «... основной целью похода против еврейско-большевистской системы является полный разгром государственной мощи и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру».

Не в бровь, а в глаз это откровение бьёт по тем умникам, которые не прочь кощунственно порассуждать сегодня о том, как замечательно зажили бы все наши люди, «освобождённые» нацизмом от «кремлёвского ига» – вдосталь угощались бы баварскими сосисками и пивом, а также настоящим шоколадом.

Да, бесконечно жаль, что сам Пономаренко так и не увидел своего труда изданным. Но документально-публицистический фильм о себе, снятый белорусскими кинематографистами, он смотрел. К 20-летию Целины показывали эту интересную киноленту и в Казахстане – в 1974 году.

Однако в последнее время то тут, то там обозначаются совершенно иные тенденции и желания иных из *бывших*, которые с усердием, достойным лучшего применения, пытаются вымазать Пономаренко дёгтем, вываливая его в пуху и перьях. Одному из таких *страдальцев* не так давно предоставила телеэкран одна из казахстанских ТВ-компаний. Это, конечно же, её выбор и право, но было очень неловко вовсе не за экс-номенклатурного старца, окончательно выжившего из ума, а за самих устроителей никчёмного и лживого сюжета.

А есть и другого толка утверждения. Вот, к примеру, в прошлом ответственный работник аппарата ЦК Компартии Казахстана лично хорошо мне знакомый Владимир Алексеевич Фомин горестно посетовал на то, что в казахских энциклопедиях о Пономаренко ничего нет.

См.: «Нива», Астана, 2003, № 4, с. 65.

Это неправда. И такое утверждение нуждается в уточнении.

Раскройте 9-й том КСЭ – Казахской Советской Энциклопедии 1976 года издания под редакцией академика Мухамеджана Кожаспаевича Каратаева. Там есть на страницах 306-й и 307-й статья о Пономаренко. Правда, осторожные энциклопедисты не стали оснащать статью казахстанским материалом, а попросту заимствовали публикацию со страницы 350-й 20-го тома БСЭ третьего издания (1975). Так-то оно было куда безопасней: никто особенно не похвалит, но зато в клочья не разнесёт.

Другое дело, если повернуть утверждение Фомина к нынешним нашим изданиям энциклопедического толка, то оно справедливо на все 100 %. Персоналии Пономаренко там днём с огнём покамест не сыскать.

Оплошность сколь явная, столь и досадная.

Но, впрочем, вполне поправимая.

Надо полагать, что неординарная личность Пономаренко найдёт и в Казахстане своего достойного биографа, и в будущей книге (книгах) о нём все мы сумеем прочесть новые правдивые страницы (и не только из казахстанской главы) о необыкновенной жизни этого Большого Человека.

Мне же Димаш Ахмедович, когда у нас речь заходила о Пономаренко, не раз настойчиво советовал самым серьёзным образом обратиться к этой значительной теме.

Говорил: «У тебя двадцать книг. Что бы не сделать тебе двадцать первую? Очко! Тем более, что не надо ничего выдумывать, а надо написать так, как оно всё было на самом деле. Я давным-давно знаю, что у твоего закадычного друга-лётчика Воронина, с которым ты в первый раз ездил в Румынию, есть пара неплохих шуток. Первая – всё возвращается на круги своя, кроме розничных цен. Вторая – не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра. Но тут нечего откладывать в долгий ящик. Иначе будет поздно! Время-то, оно – безостановочно! Что молчишь?».

«Попробую, – неопределённо обещал я. – Но вот у Воронина гораздо больше шуток, чем Вас информировали».

Похоже, таким ответом Д.А. остался не совсем доволен.

Усмехнулся скептически: «Одна попробовала и – а дальше, сам знаешь, что было».

«Знаю», – согласился я.

«Вот-вот! – вроде бы как обрадовался Димаш Ахмедович. – Попробовала и – родила. Так и ты не отказывайся. Пиши. И ни на кого не оглядывайся. Даже если кому-то не нравится. А если что надо будет, так я всегда чем могу – помогу. Понял?... А Воронину от меня – самый большой привет. Как ему сейчас летается? Всё-таки фамилия у него лётная! Не зажимают?».

«Нет. Пока всё в порядке. Летает во Франкфурт-на-Майне и ещё куда-то. Вам за всё спасибо».

«Ну дай-то Бог! Если что, так ты мне сразу скажи, – он вскинул на меня глаза и, не отводя взгляда, потребовал: – А про Пономаренко не забывай. Таких, как он, у нас раз-два и обчёлся». Потом вздохнул озабоченно.

И вот только теперь, спустя столько лет, выполняю я эту требовательную просьбу Димаша Ахмедовича – пишу о его единомышленнике Пантелеймоне Кондратьевиче Пономаренко и о нём самом. Пишу и ни на кого не оглядываюсь. Даже если это кому-то не нравится. Дай Бог сил и времени, а сказать есть что – ведь то, что сказано выше – это всего лишь самое-самое малое из всего, о чём ещё надо сказать непременно...

Вот только нет-нет, да и непрошенно, однако неотступно, почти сквозь слёзы, накатит на меня нисколько не странное, но чёткое видение: вдруг ясно представлю себе, как же они там сейчас – в запредельных мирах – вместе или порознь – мой Непревзойдённый Синоптик, наш Главный Партизан и навсегда мой Слава Воронин.

Окончание в следующем номере.

Василий ШУПЕЙКИН

О весне и о любви

Характерны и знаменательны эти истории тем, что имеют счастливое окончание и наполнены истинной любовью. Женской любовью, той, что зовётся «лебединая верность». Наши героини убеждены: Лев Толстой не прав в своём утверждении, мол, счастье во всех семьях одинаково, разнится и имеет индивидуальный оттенок только семейное несчастье. «Нет, говорит каждая из них, я своё счастье ни на какое другое не променяю!». Не будьте судьями, читая эти строки. Просто вспомните, девочки, девушки, женщины, что-то своё!

История первая, мартовская

Я росла очень неуверенной в себе девочкой. Мне никогда никто не говорил, что меня любят, что я красивая, а это так важно для будущей женщины, – делится воспоминаниями пятидесятилетняя Инна, дама вполне устроенная в жизни, мать троих детей, верная и преданная супруга, без греха, как сама себя определяет. Но почему-то как о самом счастливом периоде жизни она поведала именно о своём детском воспоминании. – Сейчас, смотрю на свои фотографии того времени и вижу: с них мне улыбается очень милая и хорошенькая девочка. Только я в то время и сама так не считала, и некому было меня переубедить в обратном. Так и жила до того момента когда девочка становится девушкой с мыслью, что не повезло мне с внешностью, а потому недостойна я внимания противоположного пола.

Соседки в такие же как и мои пятнадцать лет уже старались подкраситься, надеть нечто модное, яркое, всю стреляя глазами. А я, мышка серенькая во дворе в компаниях не задерживалась, – прошмыгну в свой подъезд, останусь незамеченной, и хорошо. А ведь хотелось так же, как те бойкие девчонки, сидеть в беседке вместе с мальчишками, слушать, как самый привлекательный парень нашего двора играет на гитаре. Хотелось, чтобы он играл для меня единственной, и смотрел влюблённо... Был такой в нашем дворе. Но я о нём даже не мечтала.

Твёрдо знала, что никогда такого не будет.

Тем удивительнее было то, что случилось одним прекрасным, и как вы уже догадались, мартовским днём, когда в Алматы набухают и вот-вот распустятся почки сирени.

Иду я, опустив глаза, к своему подъезду, и вдруг слышу классическую фразу: «Девушка, можно с вами познакомиться?»

Это со мной хочет познакомиться самый необыкновенный парень нашего двора!?

Сказать, что я была поражена – это ничего не сказать. Но виду не подавала. Спокойно останавливаюсь, поворачиваюсь к нему, поднимаю голову, смотрю в его лучистые глаза. В них нет насмешки. Взгляд прямой, открытый. Всё это я схватила в одну секунду и ответила: «Да».

Мы разговорились и чем больше говорили, тем больше я чувствовала, что происходит что-то доселе неведомое – из гадкого утенка я превращаюсь в прекрасного лебедя.

Я стала раскрываться как бутон навстречу солнцу, расцветать буквально на глазах. Уже очень скоро случился первый поцелуй. Я просыпалась вместе с природой, с долгожданным мартом.

Надо сказать, что он не позволил себе ничего лишнего: только невинные объятия и поцелуи, хотя был старше меня на два года и явно более искушённым в делах любви. Ничем не было опошлено моё первое чистое девичье чувство.

И вот двадцать пятое мая, день последнего школьного звонка у моего возлюбленного. На улице бушует проливной дождь с громом и молнией, окна распахнуты настежь, квартира наполнена пьянящими запахами алматинской весны. Вдруг звонок. Распахиваю дверь. На пороге стоит он: мокрые пряди тёмных волос прилипли ко лбу, глаза весело искрятся, на смуглом лице беспешая улыбка, а в руках огромный букет первых горных тюльпанов с каплями дождя на лепестках! Он протягивает его мне...

Сколько буду жить, никогда не забуду эту картину, и этот звук неистового ливня, и этот шальной взгляд, и пьянящий аромат цветов

Это – один из моментов чистого счастья, каких в моей жизни было немного, каких и не может быть много. Чище, прекраснее и возвышеннее этого момента не было у меня. Я берегу это, как бесценную редкостную жемчужину, за створками своей души. Только изредка достаю эту драгоценность оттуда и люблюсь красотой и чистотой.

История вторая, апрельская

Светлана признаётся, что из всех самых любимых ею весенних месяцев, менее всего она питает чувств к апрелю. Не то что не любит она этот, как сама говорит, «период ни то не сё», но март и май ей по душе больше. В первом – пробуждение всего замёрзшего, в последнем – буйство и ликование, а серединка... Впрочем, у каждого из нас есть нечто своё, кажущееся серым и безликим. И, тем не менее, когда разговор зашел о женском счастье, именно в апреле оно с ней и случилось.

– Я не была, тем более не слыла, кокеткой и не заводила легкомысленных романов на стороне. Но, как и любой женщине, говорю это с полной уверенностью, мне льстило внимание мужчин. Могла слегка пофлиртовать, но не более того.

Я всегда подсознательно чувствовала, что любовь – это самое главное, без чего всё становится пусто, пошло и бесплодно, ведь даже самое изысканное блюдо, приготовленное без любви, может стать отравой.

Со стороны многим могло показаться, что раз мужчины ко мне так неравнодушны, то и я непременно отвечаю им взаимностью: недаром всю жизнь женщины завистливо косились и недолгобливали меня, распускали неправдоподобные сплетни, которые, впрочем, меня не особенно задевали.

Я ждала только мою единственную любовь. Мне, почему-то казалось, что должна она случиться со мной в начале весны.

... Он будет идти мне на встречу с букетиком подснежников и совершенно неожиданно подарит его мне.

Но господин случай (был он наисчастливейшим из всех когда-либо со мной случавшихся) свёл нас по совершенно неромантическому поводу. Более того, мой будущий возлюбленный не понравился мне при первой нашей встрече, слишком откровенно смотрел он на выпуклости под лёгкой курткой, которую не наденешь в марте, и в которой уже жарко в мае. Сразу поставила на нём клеймо «бабник» и прекратила бы с ним общаться, если бы это не было нужно для дела. Более того, если бы в начале нашего знакомства я знала, что он очень известный в городе и непростой человек, то не было бы никаких тесных отношений впоследствии. Но мы жили в параллельных мирах и никогда не пересекались. Нам пришлось общаться по просьбе других людей, и спустя год после нашего знакомства случилось то, что случилось: я влюбилась, как девчонка.

Начало нашему бурному роману было положено именно хмурым, предсказывающим дождь со снегом апрельским днём. Но повторю, что до этого целый год он старательно «окучивал» меня байками и любовной лирикой. А как он делал комплименты! Периодически предлагал «поехать покататься», на что я поначалу отвечала категорическими отказами. А потом случилось то, что, на мой взгляд, зовётся любовью. Я уже чувствовала, что жду его звонков, но ещё никак не обозначила для себя: что произошло, почему я так переменялась?

Для приличия при очередном предложении, которое он с грустью называл «последним» я в «последний раз» сказала ему, что на интрижку со мной он может не рассчитывать. Хотя в душе, если быть до конца откровенной, только и ждала его звонков, и даже испугалась: а вдруг он и впрямь больше ничего не предложит.

... В тот день, девятнадцатого апреля, был страшный ливень с ураганом, громом и молнией, по городу бешено мчались бурные потоки, ломались деревья, автомобили плыли по улицам, как лодки. Газеты этот день окрестили «бурным вторником».

Он позвонил и сразу же спросил:

– Может быть, вы любите в дождь кататься на машине?

До неприличия быстро я выпалила:

– Именно апрельский дождь – моё любимое событие! – и уже через пятнадцать минут мы «поплыли» по затопленным потоками холодной воды улицам. Конечно же, он всё продумал до мелочей, и мы «приплыли» в тёплое место с коньяком и клубникой.

Всё свершившееся затем было так естественно и прекрасно именно потому, что я поняла, что люблю этого мужчину, и ничто уже не может этого изменить. Одновременно всё было очень романтично: вокруг бушевала стихия, а у нас – красиво накрытый стол, свечи, поцелуи, нежность. И каждую секунду во мне растёт ощущение восторга, полёта и счастья, то, что у классика называется «бабочки в животе».

В этот день я почувствовала, что за спиной выросли крылья – эйфория первых дней влюблённости ни с чем не сравнится. Не было никаких угрызений совести, никакого чувства вины, потому что я летала на крыльях любви. А любовь не может быть грехом, таковым является только её отсутствие.

У нас уже двое малышей, и каждый апрель, когда на улице дождь, я им говорю, что именно в такую погоду мы с папой выловили их в бурных

потоках, принесли домой и стали все вместе жить весело и счастливо. Надеюсь, что счастье наше будет долгим.

История третья, майская

– Интересно, почему май из всех месяцев года какой-то волшебным особенный? Или только мне так кажется? – размышляет Жамиля. – А может, это оттого, что в нашем городе май – прекраснейший, чудно благоухающий, с буйно цветущими в предгорьях яблонями, с сиренью в палисадниках, с роскошными букетами пионов, продаваемых на каждом углу, с неистовыми ливнями и грозами, самый умытый за весь год месяц...

– Наш роман продолжался два года. За это время было всякое. Он тяжело заболел, был на грани ухода. И тогда я поняла, что не будет для меня жизни без этого мужчины. И я на грани физических и душевных сил вымаливала его у Бога для жизни со мной. Потом случилось почти полное моё охлаждение к моему мужу и ревность жены любовника, которая стала о чём-то догадываться, скандалить, и, в конце концов, ушла к другому.

В короткое время я словно приросла к возлюбленному. Причём это ощущение физическое – мне больно, когда он уезжает надолго. Я тоскую на грани заболевания. И только его возвращение может вылечить меня. Мои чувства по отношению к любимому двойственны: с одной стороны я безумно люблю его, ревную, жажду его помощи во всём. С другой – испытываю материнские чувства: переживаю за его здоровье, оберегаю, готова взять боль себе, не мыслю жизни без него. Просыпаясь утром, думаю о нём, перед сном желаю ему сладких сновидений. Бывает, что ночью я просыпаюсь, как от толчка. Первая мысль: не случилось ли чего с моим солнцем. В общем, веду себя как неразумная девчонка. Редкие встречи, когда это возможно, урывками, где попало, радуют меня и огорчают. Но без них для меня уже нет жизни.

Мечтой моей все два года наших запретных встреч было одно желание – оказаться рядом на целые сутки. В моём представлении это – вечность. Наверное, те, кого настигла любовь после брака, понимают меня, и так же как и я, мучаются поиском ответа на вопрос: «как это устроить?». К счастью, всё оказалось проще, чем я думала: на ходу сочинённая история про поездку с реальной приятельницей в пригород к её родственникам с ночёвкой не вызвала никаких подозрений у моего супруга. А мой любимый якобы отправился в командировку. И вот прохладным майским вечером мы подъезжаем к дачному домику в предгорьях. Мы одни, нам никто не помешает. Вокруг – тишина и красота, запахи мая. В душе – ликование, тихое счастье, предвкушение целой вечности вместе. Это то, чего я так долго ждала и, наконец, получила...

... Мы оба находились на пике обожания друг друга, и в этот миг он, глядя мне в глаза, произнёс: «Скажи, чего тебе хочется больше всего на свете?». В такой момент невозможно думать и что-то сочинять. В мгновение ока я выпалила: «Хочу, чтобы мы всегда были вместе!».

Эта украденная ночь случилась с двадцать четвертого на двадцать пятое мая. С той поры мы вместе – простите меня. И не осуждайте за то, что не отказалась от счастья.

Анатолий ВОЛКОВ

Дневник отдыхающего путешественника

(Окончание. Начало в №№ 1-5 за 2013 г.)

Глава 6

7 ноября 1981 года*Турция, Стамбул, Айя-София, Восточный базар.*

Впервые мы с Розой на 7 ноября – главный праздник советской страны – находимся за рубежом. А программа-то какая в такой день – посещение христианско-мусульманской церкви-мечети Айя-София, Восточного базара, Караван-сарая (с танцами живота).

В Турции на 780 тысячах кв. километров проживает 46 миллионов человек, из которых 90 % турки, среди них в результате вековых войн, захвата разных народов и смешения с ними есть даже голубоглазые блондины. Из общей площади в стране 3 % приходится на европейскую часть, а 97 – на азиатскую. Турция богата запасами полезных ископаемых, в последнее время найдены даже урановые руды. Во многих районах можно собирать по два урожая в год. Но уровень развития производительных сил пока невелик. В промышленности 96 % приходится на предприятия с числом работающих менее 200 человек, из которых 80 % – обрабатывающей, 10 – добывающей, 8 – энергетической отраслей. 38 % территории заняты под сельскохозяйственные культуры, но техники на селе очень мало. Рыбы вылавливается пока немного. Уровень жизни невысок. По национальному доходу на душу населения Турция от большинства европейских стран отстаёт в 3-4 раза. Денежная единица – турецкая лира. За один доллар США даётся 126 лир. В Стамбуле средний заработок составляет 2-2,5 тысячи лир, квалифицированных рабочих – до 6 тысяч, 70 % служащих получают от 3 до 4 тысяч лир. Вне Стамбула средний заработок 1-2 тысячи лир. 3 миллиона человек (17 % трудового населения) – безработные, никаких пособий по безработице не имеется.

Несколько миллионов человек заняты лишь частично, но тем не менее 1 миллион детей в возрасте от 8 до 15 лет трудятся, так как им платят гроши, а хозяевам это выгодно. 650 тысяч детей – беспризорные. Хотя начальное образование – 5 лет и 3 года неполного среднего бесплатны, 1,5 миллиона детей не имеют возможности посещать школу, 46 % населения неграмотны. На 10000 человек населения приходится 7 врачей, из которых 2-3 частные.

За жильё в Турции уходит не менее 20-30 % заработков. В новых домах квартирная плата исключительно высока. За небольшую трёхкомнатную квартиру без канализации, ванны, душа в Стамбуле надо платить 3-5 тысяч лир, поэтому многие квартиры пустуют. На общем фоне положение женщин ещё более тяжёлое, так как, несмотря на формальное равенство, оплата труда у них меньше, при выходе замуж их увольняют, в сельской местности до сих пор ходят в чёрном. При рождении мальчика в дом к родителям в течение трёх недель приходят и бросают в кувшин деньги, а

если девочка – то гонят. Замуж выдают ещё недостигших 15 лет. Формально при Атаатюрке многожёнство было запрещено, однако до сих пор среди состоятельной части общества оно сохраняется. Одна жена как законная, а остальные как работницы в доме.

В Стамбуле, основанном в VII веке до н.э. греками-колонистами, 6 тысяч улиц. Из 200 тысяч зданий города в большинстве не имеется воды и канализации. Неплохо развит в этом городе общественный транспорт – автобусы, троллейбусы, трамваи и такси.

В 1987 году еженедельник «За рубежом» в № 42 опубликовал репортаж Андрея Степанова «Турция на стыке веков и континентов», в котором, в частности, отмечалось: «Говорят, первые впечатления обманчивы. Но, прожив в Турции два года, я лишь утвердился во мнении, что уникальное сочетание азиатского и европейского начал, сразу же бросающееся в глаза во внешнем облике страны, придаёт своеобразный колорит и социально-политическим процессам, которые там происходят.

В последние годы Турцию захлёстывает западная масскультура. Телеэкран заполонили американские сериалы, в промежутках реклама назойливо призывает приобретать западные товары – от стирального порошка до персональных компьютеров. Молодёжь подражает Западу в манере одеваться, развлекаться, потреблять. (Здесь не удержусь и процитирую классика современной американской политологии Збигнева Бжезинского, который в своей книге «Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство» писал: «Вдохновляемая Америкой глобальная культурная революция не преследует политических целей, но она *изменяет социальную мораль, культурные ценности, личные вкусы, сексуальное поведение и материальные запросы молодого населения почти всего мира*»; и далее – «*Дилемма американской внешней политики состоит в том, что инцидированные США культурные перемены вступают в конфликт с традиционной стабильностью*»).

И, может быть, реакцией на это усилилась тяга к моральным ценностям прошлого, к исламу. На улице всё чаще встречаются закутанные с ног до головы женщины, всё больше людей ходит в мечети, особой популярностью пользуются курсы по изучению Корана. Люди ищут выхода, избавления от тягот повседневной жизни. Под воздействием ускоренного капиталистического развития разрушается привычный уклад жизни, большая турецкая семья – основная социальная ячейка, а с ней – и характерные моральные устои. Короче, в турецком обществе происходят серьёзные сдвиги – психологические, социальные, политические, экономические».

Уселюсь в автобус. На улицах очень много рекламы. У ряда домов вид не то что не ухоженный, а просто заброшенный. Стёкла и даже рамы выбиты. Очень много мечетей, минаретов. Наш гид Селим поздравил нас с праздником, открыл коробку с рахат-лукумом и всех угостил. Водителя зовут Мехмет. В Стамбуле 400 больших мечетей, а всего в Турции их около 2000. Через построенный в 1910 году мост Галаты едем из новой части города через залив Золотой Рог в старую, историческую. Здесь имеется ещё один мост имени Атаатюрка, построенный в 1934 году.

Подъехали к Айе-Софии. Расположена она в Эминеню, древней части города, где также имеются Голубая мечеть, комплекс султанских дворцов

Топкапы и др. Первоначальные постройки на месте, где теперь расположена Айя-София, были произведены в V веке, а нынешняя, третья, построенная при императоре Юстиниане за пять лет, – в 532-537 гг.

1453 год стал переломным в истории Стамбула. В том году его завоевали мусульмане, и закончилась эпоха христиан, эпоха нового Рима, эпоха Константинополя, названного так в честь императора Константина. Закончилась и христианская эпоха храма Айя-София. Была прочитана первая молитва, и с тех пор до 1930 г. он использовался как мусульманская мечеть. До 1935 г. в нём проводились реставрационные работы, в том числе расчистка замазанных фресок, т.к. по мусульманским канонам нельзя изображать человека. В храм ведут пять входов. В первой галерее простая побелка, во второй – уже мозаичная отделка. Над главным входом изображение Христа, Богородицы и архангела Гавриила, а также императора Леона, испрашивающего разрешения на четвёртый развод, т.к. по православным уложениям можно было разводиться три раза. Император всё же добился своего. В храме 107 колонн, привезённых из разных стран, и купол 52-метровой высоты. На стенах 8 огромных дисков с именами Аллаха, пророка Мухаммеда, 4-х калифов и 2-х имамов. Несколько правее центра зала огорожено место, где располагался император с семьёй. Крестonosцы вывезли отсюда все сиденья и украшения. Поскольку михраб, расположенный в алтаре, должен быть ориентирован на Мекку, т.е. на юго-восток, он несколько повёрнут. На куполе абсиды (над алтарём) изображены Богородица с Христом. Справа – архангел Гавриил с крыльями (как настоящими). Слева мозаика осыпалась. Справа от алтаря сооружён мембер (кафедра для проповедника), с которого имам по пятницам обращался к верующим. Слева от алтаря специальная, закрытая решётками ложа для султана. Несколько в стороне справа огорожено помещение для муэдзинов. Невдалеке, согласно легенде, есть место, куда в 1453 году султан въехал в храм на коне. Конь испугался и ударил копытом в основание колонны, султан, покачнувшись, ударил саблей по колонне, расположенной впереди, а рукой опёрся на колонну, находившуюся позади. Конечно, сегодня, когда видишь это место в действительности, то понимаешь, что такого огромного роста ни конь, ни всадник быть не могли. При выходе Селим обратил наше внимание на большой, в рост человека сосуд в виде вазы, который прислала в дар мечети одна женщина. Всего она прислала три таких сосуда. Султан растрогался и приказал отослать ей один, наполнив его золотом, а оставшиеся использовались как сосуды с водой для омовения. У самого выхода расположена колонна, в ней имеется отверстие, в которое можно вставить большой палец руки. Если при этом удастся сделать рукой полный круг, то задуманное при этом желание должно исполниться. Сделав оборот, почувствуешь, что палец стал влажным, поэтому эта колонна и именуется влажной. В одной из галерей храма осталась мозаика VI века. В следующей – уже IX-X веков. Что можно ещё сказать об этом удивительном христианско-мусульманском сооружении, украшенном снаружи минаретами? То, что оно всего 52 метра высотой. И если в соборе св. Петра в Риме взгляд его снижает, уменьшает все размеры раза в три, то здесь, напротив, увеличивает. Поражает и то, как без всяких проектных институтов всего за пять лет удалось сотворить такое здание.

После обеда устремились к заветному Восточному базару, о котором весь круиз было столько разговоров.

В принципе этот базар устроен просто – довольно просторная центральная магистраль, от которой отходят улочки и переулочки. Почти вся центральная галерея обрамлена ювелирными магазинами, увешанными золотыми изделиями и ярко освещёнными так, что всё горит, искрится, пышет. По улице, по которой подходишь к базару и на нём самом в лавках ковры ручной работы – лежат, стоят, свисают. Целые галереи, улочки, переулочки отведены под торговлю изделиями из кожи – пиджаками, пальто, дублёнками. Мальчишки и сами продавцы хватают за руки, ведут в лавочки, примеряют, говорят, торгуются на всех языках. Если чуть проявишь интерес, ведут по узкой лесенке на второй этаж, примеряют на тебе то кожаное изделие, на которое ты обратил внимание, зажигают спичку и водят пламенем прямо по коже. Но прохиндеи большие – сначала стараются всучить тебе товар похуже, а если и дают примерить вещь из хорошей кожи, то обязательно с каким-либо браком, или непрокрашенную в каком-нибудь месте, или продырявленную. Если же видят, что ты всерьёз собрался что-либо купить, но здесь не выбрал, так как действительно разбираешься, то тебя переправят ещё дальше, туда, где товар действительно качественный, и тогда начнут всерьёз торговаться. Причём предлагают и ченч, то есть обмен, – водку, сигареты, любую валюту, вплоть до наших советских рублей. Роза перемерила штук 15 дублёнок, пока мы не поняли, что даже самую забубённую, но при этом весьма прилично пошитую, дешевле чем за 100-120 долларов не возьмёшь, а по-настоящему качественную – только за 200-220, и перешли на кожаные пальто, которые исходно стоят 65 долларов. Тут уж Роза не менее чем в 20 лавочках перемерила их штук 60. А уж то, которое мы в конце концов купили, изучила вдоль и поперёк. Тяжело, оказывается, иметь дело со специалистами. Зато потом, когда мы уже на борту посмотрели такие же у других, ни у кого не было лучше ни по качеству, ни по мягкости кожи, ни по другим показателям.

После того как мы истратили все доллары, Роза сразу потеряла всякий интерес к этому Восточному базару.

8 октября 1981 года

Поездка в старую часть города на европейском берегу, Айя-София, голубая мечеть и дворец Топкапы, прощание в сильный дождь со Стамбулом.

Сегодня у нас появился новый гид, один из представителей обслуживающей нас туристской фирмы по имени Юсеф. Он нам напомнил, что Стамбул был основан греками-переселенцами во главе с Византом в VII веке до нашей эры и был назван в его честь Византией. Затем город захватили римляне и в честь императора Константина, который решил здесь, также на семи холмах, создать новый Рим, назвать его Константинополем. В 1453 году город захватили турки, и с тех пор он стал мусульманским, а его несколько искажённое название, происходящее от Исламбул, т.е. «быть исламу», сохранилось и по сей день.

Выехали из фешенебельной части города, в которой издавна селились иностранцы, мимо Галатской башни, которую построили ещё генуэзцы для защиты своей одноимённой колонии, и через мост Галаты поехали

в древнюю, расположенную на европейском берегу часть города. Проехали мимо Дворца султанов, завершённого строительством в 1857 году, а затем и Ататюрка (Отца турков). Моросит дождичек. Ну надо же, второй день в Турции – и оба дня дождь. Заглянули сквозь кружево ворот внутрь. Видна фасадная часть дворца. Как рассказал гид, внутри что-то невероятное. По приказу одного из султанов всё было покрыто золотом, повесили роскошные люстры, одна из которых весом в 4,5 тонны. Это один из самых красивых дворцов, и его тщательно охраняют.

Поехали дальше по мосту через Босфор, открытому в 1973 году в честь 50-летия республики. Он четвёртый в мире по величине. Первые три в США. В средней точке он возвышается над проливом на 65 метров, длина его 1072 метра.

Связавший два континента – Европу и Азию – подвесной мост через Босфор в наши дни стал неотъемлемой чертой Стамбула. Теперь даже трудно представить, что ещё не так давно многочисленные противники строительства моста утверждали, будто он нарушит архитектурный ансамбль города.

31 октября 1973 года первые автомобили пошли по этому мосту, надёжно соединившему азиатскую и европейскую части пятимиллионного Стамбула. Сейчас по нему проезжают свыше 100 тысяч различных типов машин, а всего за 11 лет его эксплуатации их число составило 285 миллионов.

Босфорский мост – не только надёжная магистраль между Европой и Азией. Это ещё и значительный источник доходов для государства. За первые три года эксплуатации были возмещены все расходы по его сооружению и к настоящему времени он приносит ежедневный доход в 32 миллиона турецких лир. Значительная часть этих денег идёт на финансирование строительства шоссе, туннелей, путепроводов в различных районах Турции.

За проезд по нему в один конец взимается плата: за автобус – 150 лир, за легковой автомобиль – 50 лир. Но при этом оплачивается сразу проезд в оба конца, независимо от того, поедешь ты обратно или нет. Поэтому с нас взяли сразу 300 лир. Босфор, или по-гречески Боспор, связан с очередным мифом о любвеобильном Зевсе и его ревливой жене Гере. Когда последняя стала преследовать Ио, превращённую Зевсом в белоснежную корову, та, спасаясь от неё, переплыла Босфор, и его так и назвали – Боспор, т.е. «коровий брод».

Но исторически известно, что персидский царь Дарий в VI веке до н.э., подойдя к нему с азиатской стороны, просто решил вопрос о переправе через него. Он велел поставить судна бортом один к другому и соорудил таким образом первый мост через него. По нему он перешёл сам и перевёл всё своё 700-тысячное войско. Интересно также, что течение в проливе двухстороннее – сверху – из Чёрного в Мраморное море вливается менее солёная вода, а снизу – наоборот. За счёт такого движения вода в Босфоре всегда холодная. Из него стамбульцы вылавливают одну небольшую, но очень вкусную рыбку, которая обычно стоит очень дорого – до 700 лир. В этом же году её столько приплыло из Чёрного моря, что цена на неё упала до 50 лир. Много этой рыбы было продано в Грецию и ряд других стран.

Как нам уже рассказали, город императором Константином начал строиться на семи холмах и на одном из них – первом – сосредоточились Айя-София, мечеть Ахмедие – или Голубая мечеть и Дворец Топкапы. Пока мы въезжали на этот знаменитый холм, Юсеф успел рассказать о том, что в турецком языке смешались слова собственно тюркского, а также арабского и персидского языков. Долгое время алфавит был арабским, пока Ата-тюрк не постановил, что язык турок должен быть турецким, а написание слов – латиницей. И теперь надписи арабской вязью, даже в мечетях, могут прочитать или специалисты в области арабистики, или некоторые очень старые люди.

Напротив Айя-Софии расположен построенный императором Августом т.н. Форум, или ипподром. Теперь здесь установлены различные исторические памятники, такие, например, как вывезенная после одного из походов в Египет 20-метровая колонна весом в 800 тонн. Долгое время не могли понять, как её смогли установить, и только позднее, по документам, было выяснено, что она одним концом была привязана за верёвки, которые по ночам смачивали водой, сильно натягивали и закрепляли, а днём солнце их высушивало, они сжимались и подтягивали её. Таким образом, за 32 дня колонна была установлена. Тут же размещена т.н. змеиная колонна, три головы которой были утеряны. А рядом 26-метровая колонна Константина.

Но вот мы подъехали к Голубой мечети, которую построил в 1609-1617 гг. архитектор Мехмет-ага при султани Ахмеди I. Интересна её история. Султан хотел, чтобы она внутри была покрыта золотом, но архитектор решил, что это будет уж слишком – и вызываясь, да и с экономической точки зрения нецелесообразно. Тогда он сыграл на похожести слов алтын (золото) и алты (шесть) и соорудил мечеть, выложенную внутри более чем двумястами тысяч голубых плиток, а снаружи построил шесть минаретов. После этого в мусульманском мире поднялся большой шум, так как даже в Мекке, в главной мечети, было пять минаретов, а в Стамбуле в мечети султана Ахмеда стало на одну больше. В конечном итоге пришлось этому архитектору ехать в Мекку и достроить в главной мечети ещё два минарета, чтобы их стало семь, и тогда споры и раздоры прекратились. Мы подошли ко входу, прикрытому пологом, разулись, поставили обувь на специальные полки и вошли. Внутри всё было устлано коврами, причём в несколько слоёв. Эти ковры, преимущественно ручной работы, дары прихожан и укладываются они один на другой по мере поступления. Эта мечеть действующая, но сейчас находится на реставрации, осуществляемой государством, которое также выплачивает содержание хадже и муэдзину. Раньше муэдзинов было больше, и они пять раз в день с минаретов обращались к правоверным, а теперь остался только один, да и тот, как сказал Юсеф, «стал ленив» и включает радио, а не сам взбирается на минарет. За два года была отреставрирована восточная часть мечети, а теперь работы ведутся в северной её части. Почему же всё-таки она сделана голубой? Мнения по этому поводу сходятся на следующем. В Турции считается, что голубой камень с крапинкой отводит беду, особенно если носить его с собой. Раньше зал освещался лампами с маслом, которые на

тросах можно было опускать и поднимать над молящимися. Места в мечети впереди занимали мужчины, а в боковых галереях размещались женщины.

По мусульманским обычаям выходной день – пятница. Ататюрк же сделал выходным воскресенье. Но и в настоящее время в пятницу многие отпрашиваются с работы и идут в мечеть на полудневную молитву, чтобы прослушать проповедь хаджи (то есть, лица совершившего хадж, паломничество в Мекку). Посетив Голубую мечеть, мы отправились во Дворец Топкапы, бывший в течение веков местопребыванием султанов Османской империи. Вошли туда через имперские ворота и начали поход по четырём дворам, по которым вьётся долгая дорога к султану, чтобы тебя, если сумеешь до него добраться, заранее подавил вид всевозможных чудес, устранил вид могучих стен и янычаров, ослепил блеск роскоши. Большими психологами были эти древние. Уходящая по дуге к правой стене дорожка выложена серыми, тёсанными из камня плитками. За стеной размещалась кухня. Приготовление пищи осуществлялось по секциям. Отдельно для султана, отдельно для первой жены, отдельно для второй и т.д., поэтому на кухне работало много людей. Построена она была в середине XVII века. В ней также собрано 10 тысяч предметов из китайского и японского фарфора, сохранившихся до наших дней. Была и такая должность – пробователя еды. Занимающие её пробовали все подаваемые султанам блюда, но их всё равно травили. Тогда китайцы прислали блюда жёлтого фарфора, которые в случае попадания на них отравленной пищи меняли цвет – зеленели. Сообщив нам обо всём этом, Юсеф повёл нас на эту кухню – посмотреть на выставленные там эти самые 10 тысяч китайско-японских фарфоровых тарелок, блюд, супниц и т.п. Представлены они по периодам, начиная с империи Сун (960-1279 гг.) и династии Юань (1260-1368 гг.), когда посуда была светло-зелёного, матового цвета с драконами. В эпоху Мин (1368-1644 гг.) посуда первоначально была также зеленоватой, а затем синей с белыми рыбками и другими изображениями, а к концу периода, в XVII веке, даже с зелёными рисунками с красновато-коричневыми и жёлтыми оттенками. Интересна посуда последней правящей династии – Цин (1644-1911 гг.), решённая в голубых и белых тонах. Вообще-то порядки здесь были суровые – если повар начинал греметь посудой, то его просто вешали. Поскольку на кухне работало до 1000 человек, то иногда при большом шуме вешали до половины. Если лошадь своим ржанием будила султана или отвлекала его от мыслей, прерывала раздумья, то ей просто отрубали голову и выставляли в определённом месте.

Дворец, начатый строительством в 1453 году, со временем разросся и занял довольно-таки большую площадь. Слева от входа, напротив кухонь, располагался несколько позади Дивана (тогдашнего Совета министров во главе с визирем, т.е. его председателем) султанский гарем, в котором бывало до 500 наложниц, которых тоже надо было кормить. Кстати, один из султанов, которому, видимо, надоело выслушивать бесконечные словопрения в Диване, сопровождаемые славословием в его адрес, издал указ о том, что султанам запрещается находиться на его заседаниях. Правда, впоследствии кто-то из любопытных султанов приказал сделать потайной ход из

гарема в здание Дивана и специальное слуховое окно в зал заседаний и мог слушать, о чём и о ком там говорили. После заседания Дивана визирь отправлялся через Имперские ворота, соединяющие этот и следующие дворы на доклад. Через эти ворота кроме султана ни один человек не имел права проходить с оружием. Если у кого-нибудь обнаруживали хоть небольшой ножичек, его казнили, не спрашивая и не разбираясь. Визирь, пройдя эти ворота, попадал в Дом для аудиенций и приёмов и подробно докладывал султану о ходе заседания Дивана, о намеченных путях решения тех или иных вопросов. Султан в случае необходимости принимал решения. В этом же Доме он принимал и послов. Интересен был и другой обычай. Прямо перед Имперскими воротами из каменного пола выступает бугорок, около которого, поставив на него ногу, стоял янычар и смотрел на здание Дивана, и если там принималось решение объявить кому-нибудь войну, он подавал сигнал, чтобы войско срочно собиралось и от этого места, во главе с султаном, отправлялось в поход.

За залом аудиенций отдельно расположено небольшое здание библиотеки, в котором султаны могли почитать и поработать с текстами. Справа в этом дворе расположена школа, в которой в прежние времена обучались специально отобранные по всей стране умные, способные мальчики. Их обучали, чтобы впоследствии они смогли принять участие в управлении государством. Ныне в этих стенах размещены четыре зала, в которых выставлены различные драгоценности и другие предметы, собранные султанами. В первом зале, в основном, размещено оружие, изукрашенное всевозможными драгоценными камнями и отделанное золотом, а также разнообразнейшие курительные трубки, предметы и приборы для курения. Во втором зале – Коран в золотых обложках, кинжал, отделанный тремя очень крупными изумрудами, просто различные изумруды и среди них один, выставленный с упомянутым кинжалом весом... в 3 килограмма 200 граммов. Идём в третий зал. Кругом бриллианты, всевозможные предметы, ордена, в том числе и три наших царских, среди которых «За веру и верность», украшенные, усыпанные бриллиантами. В чёрной витрине с искусственным освещением на покачивающейся бархатной подушечке бриллиант весом в 86 карат, размером со среднее куриное яйцо. Играет, переливается, разбрасывает разнообразные сполохи света. Попадаем в последний, четвёртый зал этого музея, тоже набитый всякой всячиной. Ум уже отказывается всё это воспринимать, глаза равнодушно скользят по всевозможным бриллиантам, золотым изделиям, тронам и – вдруг даже останавливаешься. В двух витринах стоят подсвечники в рост человека, изготовленные из чистого золота весом по 48 килограммов каждый и оба украшены 6666 драгоценными камнями, в основном бриллиантами, по числу бейтов в Коране. Это, конечно, что-то невероятное, и даже роскошный трон, подаренный персидским царём и осыпанный сотнями изумрудов, не оставляет такого впечатления.

Вышли ошеломлённые и потрясённые увиденным и направились в следующий двор с бассейном, дорожками, беседками и смотровыми площадками с прекрасным видом на Стамбул. Видна масса минаретов, возвышается башня Галата с маяком. Кстати, в византийские времена вход в город через залив Золотой рог на ночь преграждали цепями. Однажды

один из завоевателей ночью проложил в обход башни платформы, смазанные маслом, и перетащил по ним суда. И когда горожане поутру протёрли глазки, было уже поздно – в заливе стоял флот, и это явилось одной из причин их поражения в 1453 году. С этой смотровой площадки открывается также и вид на нашу красавицу «Белоруссию», которая очень хорошо смотрится и внешне очень привлекательна. С маяка Галаты, по преданию, в XVI веке один житель, изготовив крылья, перелетел через залив, преодолев две мили. Рядом со смотровой площадкой расположен Багдадский павильон, построенный одним из султанов после успешного похода на Багдад в 1640 году. Он сделан в виде многоугольника, причём купол был расписан золотом, а сейчас реставраторы оставили лишь небольшие его кусочки для того, чтобы было видно, как это выглядело, а остальное имитировали.

Возвращались из этого двора в предыдущий мимо бассейна, дно которого по обычаю усыпано монетами. Побросали и мы. Так как в гарем нас не повели, собрались уходить, да кто-то заметил ещё одни двери в какое-то помещение, в котором стояли часы. Попросились. Дали нам пять минут, а вышли мы оттуда чуть ли не через полчаса. Хотя в принципе в помещении всего два зала. В первом из них размещены часы всевозможных форм и размеров и даже от российского императора Николая (кажется, I). На всех стрелки показывают 9 часов 5 минут – время смерти Ататюрка в знак глубокого уважения к нему за то, что он открыл Дворец Топкапы для публики. Во втором зале вдоль по стенам также имеются часы, но главным здесь является огромного размера Коран, открытый в том месте, читая которое был убит один из четырёх халифов Осман. В центре, в застеклённой витрине, помещены различные реликвии, связанные с пророком Мухаммедом – след его ноги, волос, зуб, письмо, написанное им, его печать – маленькая узкая красная полоска из какого-то полупрозрачного камня, а в соседнем закрытом решёткой зале помещены завоёванные султаном Селимом Знамя пророка, две его сабли и изукрашенный сундучок. Так вот, за реликвии, связанные с памятью о пророке Мухаммеде, недавно Саудовская Аравия в случае передачи их ей обещала навечно поставлять Турции нефть бесплатно, по потребности. Турция отказалась. А мы-то чуть не прошли мимо этого зала. Конечно, поинтересовались – а как же эти ценности первоначально попали в Египет, откуда их привёз султан Селим? Дело в том, что после кончины четвёртого из халифов, правивших после пророка Мухаммеда, наступила раздробленность, реликвии попали к одному из племён, а в конце концов оказались в Египте, откуда их после войны, закончившейся в 1520 году победой турок, и вывез султан Селим.

Возвращаемся на корабль, прощаемся с Юсефом, со Стамбулом, с границей. Когда буксир оттаскивал наш теплоход от стенки причала, лил сплошной дождь, под который мы отправляемся в наше последнее в этом круизе плавание перед возвращением на родину. В 15.15 покинули пролив Босфор и вышли в Чёрное море. Оно встретило нас неприветливо – низкое серое небо, чугунно-серые волны с барашками, сильный боковой ветер. Короче говоря, отдых, синее небо и синее море остались позади...

г. Алматы.

Райхан АЛДАБЕРГЕНОВА

Шохан и его друзья

Отвѣртка

Неожиданно наступил вечер, вода в канале стала холодной. Песок уже не так сильно жег босые ноги мальчишек. Можно было передвигаться не перебежками от тени к тени, на цыпочках, а наступая всей стопой на землю. Накупавшись вволю, Шохан с друзьями спешили к местному клубу, где сегодня вечером должен состояться концерт. Это были не какие-то там артисты из филармонии, которые часто выступали в ауле. Приехала сама Роза Багланова. Вчера бабушка так и сказала: «Сама Роза Багланова».

Мальчишки трусцой бежали по наезженной на песке колее, и Шохан подумал, что очень хочется есть, а потом вспомнил, что, несмотря на все свои обещания бабушке, его опять весь день не было дома. Она, должно быть, очень сердится на него. Бабушка уже подоила корову, а дед полил колодезной водой и подмел двор. Сейчас они, наверно, на топчане, за низким круглым столом допивают вечерний чай. Потом бабушка наденет свое самое красивое платье и новую плюшевую жилетку с узорами, а на голову повяжет белый платок с кистями. Разложит на сундуке поглаженные штаны и чистую рубашку для внука. У порога выставит его сандалии, которые он так ни разу и не надел за все лето. Дед облачится в свои галифе, натянет хромовые сапоги. Поверх белой рубашки, несмотря на теплынь, накинёт свой единственный парадный пиджак, и вдвоем сядут ждать его, Шохана. На улице стемнеет, и бабушка станет ругать внука, а дед будет его защищать. Затем бабушка сильно нахмурит брови, и так пристально глядя на деда:

– Бостек, скажи мне, почему ты всё время его защищаешь? Целый день бродит невесть где! Подумай сам, сейчас уйдём на концерт, а он придёт домой голодный и грязный, кто его умоет и накормит, а?

А дед в ответ:

– Ну всё, не ругайся, не пугай ребёнка, когда вернётся домой. Он же на каникулы сюда приехал, пусть отдыхает так, как ему хочется.

А бабушка сердитым голосом ответит ему:

– Это ты, старый, его безобразника как раз и портишь такими вот словами!

Дед походит из угла в угол, заложив руки за спину, и скажет:

– Зульпия, иди одна, без меня, а я его подожду. Подумаешь, Багланова! Что я, не видел её, что ли? Видел, и не раз. Мы с внуком и без концерта обойдёмся. С ним у меня каждый день, как концерт.

Потом дед с бабушкиной помощью стянет сапоги, снимет галифе. Повесит на спинку единственного в доме стула пиджак и рубашку. Наденет домашние мягкие штаны, майку. Бабушка посердится ещё немного, объяснит деду, чем и как накормить внука и, поправив на голове платок, уйдёт в клуб, на концерт. А дедушка сядет на топчан, вынет из кармана свой кисет с насыбаем, заложит табак под язык, и будет ждать.

Шохану вдруг так стало жаль деда, что захотелось плакать. Он повернул к дому, но, пройдя полдороги, вспомнил, что бабушка сердита и поэтому не пустит его ни на какой концерт. А ему очень хотелось послушать, как поёт «сама Багланова». Свернув в сторону клуба, он побежал догонять ребят.

Они уже давно, наверное, там. И Амантай, и Ержан, и Алибек, и Бауыржан. Небось, пробрались в зал, пока не пришла контролерша, тетка Фатима. Она строго следит, чтобы у всех были билеты на концерт. Чуть замешкаешься, ни за что не пустит внутрь. Придется околачиваться где-то рядом и ждать, когда ее кто-нибудь отвлечет, чтобы юркнуть в зал.

Шохан бегом помчался к клубу. У входа ещё никого не было. Только в маленьком окошке виднелась голова кассира Калибека, одноногого инвалида, сидевшего в ожидании зрителей. Шохан шмыгнул в приоткрытую дверь. Там в полумраке, на первых рядах уже расположились стайкой местные мальчишки, все как один безбилетники. Шохан плюхнулся на жесткое фанерное сиденье между Амантаем и Ержаном.

А тем временем к клубу начали стягиваться люди, нарядные и веселые. Всем хотелось послушать легендарную певицу.

У самого входа в круг стояли женщины и обсуждали предстоящий концерт:

– Я её только по телевизору видела, сегодня живьем посмотрю, – сказала Маруа.

– Ой, бабы! Как она поёт! Вы бы слышали! – всплеснула руками Кенескуль, – старики говорят, что Сталин любил её слушать!

– Да что Сталин? Моя 90-летняя бабка вдруг заявила: «Пойду тоже Розу послушаю». Заставила из сундука свой засыпанный нафталином бешмет вынуть. Только к вечеру опять слегла, не смогла прийти, – сказала Жаухар.

– А ты помнишь, – обратилась к ней Маруа, – на свадьбе у Абжадила, сына бабки Балдырган, дед Кулдыбай рассказывал, что на фронте слушал Багланову. Она прямо с брони танка им пела. Говорил, что многие солдаты плакали.

– Представляете, ей уже 50, а на лице ни одной морщинки! У меня, в мои 35, вон их сколько, – словно в доказательство провела ладонями по лицу Анар.

– Артистки не рожают одного за другим, как ты. Они себя берегут, – мимоходом весело бросил Батыр, местный киномеханик, и кинулся в сторону, завидев направленный ему в бок кулак Анар:

– Да чтоб тебя! Не лезь в женские разговоры!

Зал понемногу начал заполняться людьми. За кулисами слышно было какое-то движение.

Ержан забрался на сцену и, приподняв занавес, заглянул внутрь. Там музыканты устанавливали оборудование.

– Ух ты! – спрыгнув со сцены и падая на место, сказал Ержан, – у них там и барабаны, и гитара, и домбра, и ещё много всего.

– Эй, мошкара, чего это вы тут расселись на самых лучших местах? – Послышалось над головой. Взглянув вверх, Шохан увидел толстую бабку в сопровождении двух стариков в тюбетейках. Он узнал их. Это были дедушки Амирали и Жалдыбай. – А ну-ка, марш отсюда, уступите старикам место!

И тут как тут рядом очутилась контролёрша Фатима и погнала мальчишек вон из зала. Один из стариков тронул толстую бабку за рукав и что-то шепнул ей на ухо.

– Эй, Фатима, погоди-ка, – сказала толстая бабка и поманила Шохана к себе пальцем:

– Иди сюда, малыш! Ты, чей сын будешь?

– Сламбека.

– Того самого, что в городе в институте работает?

– Да.

– Не признала я тебя сразу! Иди сюда, присаживайся. Как там твои родители?

– Хорошо.

– Эй, старый, двигайся дальше, – махнула она старику Жалдыбаю, сидевшему рядом, и на освободившееся кресло усадила Шохана.

Потом бабка долго расспрашивала его о родителях, задавала разные глупые вопросы, гладила его по голове своей шершавой ладонью. Но тут послышались звуки домбры, раздвинулся занавес и зал дружно захлопал в ладоши. Сначала выступили два домбриста, потом аккордеонист, и только после этого, под бурные аплодисменты на сцену вышла сама Роза Багланова. На голове у неё была красивая шапка с густым султаном из перьев, которые колыхались при каждом движении. Роза Багланова пела, а в зале раздавались возгласы восхищения.

Шохан, очутившись в окружении стариков, почувствовал себя неудобно. Повертев головой в поисках знакомых мальчишек, совсем немножко поковырял в носу, хотя бабушка строго-настрого велела ему не делать этого в присутствии других людей, затем, подняв складное сиденье вверх, уселся прямо на полу и обнаружил разбросанные повсюду цветные фантики от конфет. Толстая бабка положила ему руку на плечо и шепнула:

– Ну-ка, сынок, сядь на место и не мешай другим слушать.

Пришлось вернуться на место. Вздохнув, Шохан опустил обратно в кресло.

Когда вконец наскучило сидеть здесь, по боковому проходу юркнул к выходу, стараясь не попасться на глаза своей бабушке. Но все взгляды были устремлены на ярко освещённую сцену, поэтому он благополучно выбрался на улицу.

Уже стемнело, и под фонарями, освещавшими двор клуба, густым роем вилась мошкара. Мальчишек нигде не было видно. Шохан завернул за угол, перебежал через улицу, дошёл до плетня бабки Шауетай, где под разросшимся вьюнком дети вырыли себе большую яму и частенько прятались там от жары и взрослых. Но и здесь было тихо. Затем сбегал на пригорок рядом с домом деда Балмагамбета, но и там никого не было. Шохан вернулся к клубу и у тёмной стены, куда не доходит свет фонарей, услышал чьи-то крики. Там всю кипела драка. Дрались взрослые парни, и это было очень серьёзно. Шохан собрался уходить, потому что бабушка строго-настрого велела ему бежать домой, если увидит, как дерутся взрослые. Она даже заставила его поклясться, что никогда не подойдёт близко к подвыпившим парням возле клуба. И ещё он обещал бабушке не слушать грязные ругательства, которыми одаривали друг друга драчуны. Но как можно заткнуть уши? Всё равно услышишь. Поэтому Шохан не особо и старался. Он уже знал много плохих слов и иногда даже вставлял их в разговор с мальчишками. Самое главное, чтобы бабушка с дедушкой не услышали.

Шохан развернулся и хотел идти домой, но в это время из сцепившейся в клубок толпы послышался чей-то вопль попеременно с матом:

– Эй, отдай, кому говорят! Слышишь, отдай подобру, последний раз прошу!

Но другой и не собирался отдавать. Шохану стало любопытно. Подтянув спадающие штаны, он подошёл ближе. Вдруг сзади раздался рёв. Подвыпивший сын бабки Аклимы, дико вращая зрачками, рванул вперёд и... впечатал Шохана вместе с собой в толпу бьющихся в яростной схватке парней. Шохана крутило и вертело против воли и, наконец, отбросило в сторону. Он полежал какое-то время на пыльной обочине, потом встал и... охнул. Одна нога не хотела никуда идти. При каждом движении её словно током било. Упав обратно на пыльную траву, он посмотрел себе за спину. Глаза его полезли на лоб: сквозь штаны, прямо из попы торчала здоровенная отвёртка. Шохан вскрикнул разок другой, потом, завопил во весь голос.

Но никто не обратил на него внимания. Наревевшись, вытер грязной ладонью слёзы и, упираясь здоровой ногой в песок, всхлипывая, пополз прямо по дороге в сторону дома. Он упрямо волок себя по наезженной колее к знакомой калитке. На улице было пустынно и тихо, все ушли на концерт.

Приподнявшись, вздёргнул крючок, брошенный на дверцу в низеньком ограждении двора, и вполз во двор. Теперь, зная, что дед его услышит, закричал во весь голос:

– Ата!

Входная дверь распахнулась, и в проёме показался дедушка. Сощурившись и приставив ладонь ко лбу, он тревожно вглядывался в тёмный двор. Увидев ползущего с рёвом внука, бросился к нему:

– Жеребёночек мой, во что тебя угораздило вляпаться на этот раз? Ой, что это торчит у тебя сзади? Сейчас, сейчас... – он подхватил внука и осторожно понёс к дому.

В это время на дороге показалась бабушка. Поскрипывая новенькими ичигами, она подбежала к деду, на ходу поправляя сбившийся с головы платок:

– Что с ним? Так и знала, что-то должно было случиться! Весь день шатается где-то. Осторожно, положи его сюда. Сейчас, сейчас.... Бог миловал! Хорошо, что в попу, а если бы в грудь? – она вздрогнула от произнесённых слов и добавила, – слава Аллаху, отвёл беду от нас! Ну что мне с тобой делать?

Двоём уложили ревущего во всю глотку внука на кровать и тут дед, не дав никому времени опомниться, резко выдернул из него отвёртку и швырнул её в угол комнаты. Шохан заголосил ещё громче. Бабушка, открыв пузырёк с йодом, дрожащими руками залила его в кровоточащую дырку на попе под непрерывный вопль внука. Затем, обильно смазав рану какой-то мазью, наложила сверху повязку, и долго сидела, обняв Шохана и раскачиваясь из стороны в сторону, пока рёв не перешёл во всхлипы и постепенно не сошёл на нет.

Он спал, судорожно вздыхая во сне, когда бабушка, смочив полотенце водой, обтирала ему лицо, уши, шею, вымыла в тазу грязные руки и ступни. Не слышал он, как бабушка сетовала, что уснул он голодным:

– За весь день во рту маковой росинки не было! Смотри, как отощал! О, Аллах, убереги моего внука от всех бед!

– Ничего, ничего, – успокаивал её дед, – завтра с утра поест. Куда теперь ему с такой попой бродяжничать? Посидит денёк-другой дома, вот и откормишь его от души.

Затем бабушка уложила его рядом с дедом и сказала:

– С утра сходи в правление, попроси машину и свози его к доктору.

Услышав слово «доктор», Шохан встрепенулся и спросонья всхлипнул:

– Не хочу к доктору, он мне укол будет делать.

– Не будет он тебе укол ставить. Я дедушке скажу, он не даст тебе больно делать. Просто посмотрит доктор, смажет чем-нибудь и таблетку специальную даст. Он лучше нас знает, как правильно надо лечить.

– Всё равно не хочу. Не поеду туда.

– Ну хорошо, утро вечера мудренее. Может, и вправду, доктор не нужен будет. Спи, намаялся за день.

Шохан придвинулся поближе к деду и уснул, прижавшись к нему. Под высоким звёздным небом разлилась тёмная ночь. Вдали лаяли собаки, где-то за углом дома пел сверчок.

Дед гладил его по голове и тихо спрашивал у бабушки:

– Кто же вырастет из этого пострелёнка, как ты думаешь?

– Сердце у него доброе, да ещё не в меру любопытный. Вырастет, а там и посмотрим, – потом добавила – если ещё живы к тому времени будем.

– Кстати, бабка, как там Роза Багланова? Хорошо пела?
– Хорошо, ой как хорошо!– вздохнула бабушка и, присев на край топчана тихо запела:

Ах, Самара-городок,
Беспокойная я,
Беспокойная я,
Успокой ты меня!..

Бабушка пела, а дед слушал, гладил вихры спящего внука и думал о том, что у каждого человека есть своя сокровенная мечта. И счастлив тот, кто умеет самозабвенно верить, что на этом бескрайнем небосклоне, среди мириад светил каждый из живущих на земле людей может отыскать свою заветную звезду. А потом, нагнувшись к спящему внуку, прошептал ему в ухо:

– Там на небе есть и твоя звезда, внучок!

Мотоцикл

Муха с жужжанием носилась по комнате. Ладно бы себе носилась, нет же, это была очень надоедливая муха. То на щеку сядет, то на нос, то вдруг запутается в волосах, и давай жужжать. Словом, спать Шохану не было никакой возможности. Пришлось встать. Лучше бы поспать, потому как день предстоял тоскливый. Вчера бабушка объявила, что он наказан и будет целый день сидеть дома.

– Надоело мне тебя, бродягу, по всем закоулкам искать, – сказала бабушка, – посиди дома. Вон книжки тебе мать передала, почитай лучше.

Шохан выбрался из постели, и тихо скрипнув дверь, выглянул на улицу. Бабушка, разложив на топчане вымытую овечью шерсть, ловко распушывала её и складывала слой за слоем на белой простыне лёгкие, невесомые облачка шерсти.

– Апа, что ты делаешь?

– Хочу к зиме тебе тёплые носки связать. Ты, негодник, и в городе, наверно, целыми днями по улицам носишься. Хотя бы ноги твои в тепле будут.

– Апа, а как я буду целый день дома сидеть?

– Посидишь, книжки почитаешь.

– Там я в школу хожу, учусь, играть времени не будет. Там и почитаю книжки. Каникулы ведь?

– Ай, замучил ты меня. Ладно, поешь и иди, поиграй здесь, рядом с домом. – бабушка отложила в сторону недопущенные комки шерсти, свисавшие длинными некрасивыми прядями с топчана, и вперевалочку подошла к самовару. Сняла с него трубу и железными щипцами принялась ворошить уголь в топке, добавила пару расщепленных поленьев из саксаула. Сухие ветки быстро занялись и из самоварной топки весело, обгоняя друг друга, вырвались язычки пламени. Надев трубу на место, бабушка принялась накрывать на стол. Самовар зашумел, отдуваясь, словно пузатый толстяк.

На столе горкой высились горячие пышные баурсаки. Бабушкины, самые любимые.

Сдувая с пиалы жаркие волны пара, Шохан умял целую тарелку баурсаков и понял, что готов двинуться куда-нибудь. Только вот Ержана нигде не видно.

Вчера они договорились, что с утра пойдут на окраину аула, где в поле на пригорке высились три тополя. Если смотреть на них издали, они похожи на три стрелы, пронзающие небо своими верхушками. На одном из них они уже давно приметили соколиное гнездо. Недавно там вывелись птенцы. И если забраться на самый верх, можно достать оттуда белый пушистый комочек, принести его домой и кормить подстреленными рогаткой воробьями. Но сегодня был

неудачный день. Бабушка запретила отходить от дома дальше, чем на десять шагов.

Шохан вскочил с топчана и побежал к просёлочной дороге, отмеряя эти десять шагов. Стало скучно. Даже вприпрыжку, самые большие шаги доходили лишь до середины дороги.

– Апа-а-а, – закричал Шохан, – а можно хотя бы двадцать шагов!

– Можно, но не больше.

Отмерив ещё десять шагов, он допрыгал до плетня бабки Талмагуль. Вздохнул, подумал и крикнул ещё раз:

– А тридцать?

– Ай считать научился? Можно, только чтобы я тебя видела.

Опираясь на плетень, Шохан раздумывал, куда бы ещё допрыгать на десять шагов, когда вдаль показался Ержан. Он бежал, вминая босыми подошвами тёплый песок.

– Пошли к тополям!

– Не могу. Бабушка запретила мне далеко отходить от дома. Только тридцать шагов. Не больше, – Шохан обречённо вздохнул и прислонился спиной к плетню. Ержан примостился рядом:

– И что теперь будем делать?

– Не знаю.

Солнце медленно выкатывалось на белое, без единого облачка небо, предвещая знойный день. Мальчишки сидели под плетнём, вычерчивая прутиками загогулины на песке.

– Смотри, кто идёт.

Вдали, опираясь на костыли и волоча за собой неживые, как у тряпичной куклы ноги, ковылял в их сторону Сабыржан. С самого рождения, все 20 лет своей жизни он прожил инвалидом. Крепкие жилистые руки с большими ладонями словно срослись с костылями, на которые опирались широкие костлявые плечи, из-за чего казалось, что у Сабыржана нет шеи. Его маленькая с прилизанными редкими волосами голова словно вырастала прямо из плеч. Но стоило ему улыбнуться, как длинный острый нос покрывался продольными морщинками, в глазах начинали плясать весёлые чёртики, а расплывшиеся большие губы обнажали крупные белые зубы, выстроившиеся во рту, словно ладно обтёсанный плотником забор.

– Привет! – сказал Сабыржан. Выдав одну из своих самых жизнерадостных улыбок, он перехватил оба костыля на одну сторону и лихо, согнув тело пополам, приземлился рядом с мальчишками, – что сегодня так невесело?

Мальчишки хором вздохнули. Сабыржану можно было рассказать всё. В отличие от других взрослых, он умел слушать и никогда не говорил им: «Не мешайте, идите лучше поиграйте» или того хуже: «Не болтай глупостей». Он, конечно же, не умел лазить по деревьям или купаться в канале, не мог он верхом на ишаке отправиться за саксаулом, и из рогатки тоже стрелять не умел. Зато он мог слушать мальчишек и залиисто хохотать над их шутками, даже если они были не очень смешными. С Сабыржаном было хорошо, весело.

– Тридцать шагов говоришь? Так это же немало! Это, брат, свобода! – Сабыржан указал рукой на джиду у забора тётки Шамсии. Её пышная крона на лёгком летнем ветерке переливалась, словно живое серебро. – Вон там как раз и будет тридцать шагов. Если бы я смог дойти до неё своими ногами, я был бы самым счастливым человеком в мире!

– Подумаешь, джида, невидаль какая! – буркнул Шохан.

– Э-э, дружок, не скажи. Ты знаешь, какое это необыкновенное дерево? Весной, когда ты ещё в городе, от нашей джиды такой аромат! Тонкий, как звенящая струна, голову кружит. А осенью, когда ты опять уедешь в город, она будет усыпана сладкими ягодами, только успевай лакомиться!

Шохан словно другими глазами посмотрел на это странное дерево, а потом вздохнул:

– Ну а сейчас-то мне какой с неё толк?

– Парни! Вы можете устроить себе под джидой настоящий штаб, как в армии.

– Ух ты! – выдохнул Ержан.

– В тени у вас будет пункт наблюдения.

– А за кем наблюдать?

– За кем? Если бы вы общались с аульными бабками, вы бы знали, сколько всего интересного творится в ауле! Но у нас стратегические задачи немного другие, поэтому айда под джиду! – Сабыржан ловко перехватив костыли, водрузился на них и быстро добрался до тени под деревом. Мальчишки шли за ним по пятам.

– Это ваша точка дислокации, – сказал Сабыржан, опустившись на жухлую траву под джидой, – отсюда удобно наблюдать за дорогой. Если будете сидеть здесь, не отвлекаясь ни на что другое, совсем скоро по этой дороге пройдет настоящий моряк.

– Откуда в нашем ауле моряк? – удивился Шохан.

– Вы разве не слышали? Из армии вернулся Толеген, мой одноклассник. Три года оттрубил во флоте.

– Мы здесь его целый день прождём, – сказал Шохан, – только он, может, и не пройдет по этой дороге.

– В том доме живёт Бахыткуль, самая красивая девочка в нашем классе. Вот к ней-то он и пойдет первым делом покрасоваться в матросской форме.

Мимо, почти касаясь земли калошами, проехал на ишаке дед Иманбай. Следом, поднимая тучи песка, прогремел трактор. Туда-сюда сновали аульные тётки с детьми и без, а моряка всё не было.

– Вон он идёт! – вскочив на ноги, закричал Шохан.

Толеген шёл не спеша, вперевалячку, как и подобает настоящему моряку. Брюки-клёш и синяя рубашка с большим отложным воротником с тремя белыми полосами, как синяя волна с белой пеной, из-под которой виднелась полосатая тельняшка. На голове бескозырка, на ленточках которой можно было прочесть надпись: «Северный флот».

– Пламенный привет советским морякам! – громко приветствовал его Сабыржан, приложив в салюте руку к виску.

Ухмыльнувшись, Толеген в ответ отдал честь и, присев на колени, приобнял своего бывшего одноклассника:

– Здорово, брат! Как поживаешь?

– Как видишь, ничего не меняется, костыли – мои вечные спутники. Сам-то ты как?

– Демобилизовался. И, как говорят в таких случаях, вернулся в родные края.

Шохан с Ержаном, разинув рты, глазели на Толегена. Появление здесь инопланетянина не вызвало бы столько восхищения, как вид этого парня в матросской форме.

– К Бахыткуль идёшь?

Толеген кивнул и спросил:

– Скажи, Сабыр, она меня по-настоящему ждала?

– Да, вроде, ждала, – несколько смутился Сабыржан, а потом добавил, – конечно, ждала, точно говорю, ждала.

– Надеюсь, – опять усмехнулся Толеген, и Шохану так понравилась эта по-мужски сдержанная, притягательная ухмылка, что он решил вечером перед зеркалом поучиться так же ухмыляться.

Поборов смущение, Шохан спросил:

– А можно мне шапку примерить?

– На, салага, меряй, – протянул он Шохану бескозырку. И предоставленные самим себе волосы на его голове ошетинились тысячами иголок, устремлённых в разные стороны.

Шохан схватил бескозырку, покрутил её в руках и надел на голову. Бескозырка ему была большая.

– Эй, да ты настоящий матрос! – присвистнул, улыбаясь Толеген.

– Можно я домой сбегаю, в зеркало посмотрюсь?

– Валяй, только быстро!

Шохан, на всех парах перебежав дорогу, залетел в дом и рванул к небольшому слегка потускневшему зеркалу над умывальником. Поправил спадавшую с головы бескозырку, расправил ленточки и внимательно посмотрел на себя, затем ухмыльнулся, подражая моряку. Ухмылка Шохану не понравилась, какая-то она несерьёзная получилась. Попробовал ещё раз и ещё раз. Всё не то. Надо бежать, времени не было, поэтому решил попробовать ещё вечером.

– Вечером у меня обязательно получится, – подумал Шохан и метнулся через дорогу к моряку.

– Возьми, – нехотя протянул бескозырку хозяину.

– Понравилась? – Улыбнулся Толеген. – Отдал бы тебе её, братишка, но не могу. Понимаешь, память о службе. Вырастешь, пойдёшь служить во флот, получишь такую же.

Хотел спросить: «Как сделать так, чтобы именно во флот попасть, а не в какую-нибудь там пехоту», – смутился, слов не нашел и молча сел рядом с Сабыржаном.

– Слушай, Сабыр, вечером, перед сеансом, в клубе собираемся. Там будут все наши ребята и девчонки, кто не успел ещё выскочить замуж. Приходи.

Неизменная улыбка на лице Сабыржана потухла, весь он как-то сник, потускнел, исчезли искорки в глазах:

– Нет, братишка, извини, я, наверно, не приду. Девчонки и всё такое... это не про меня.

– Брось, парень, я тебя зову, слышишь? Приходи. Буду рад, – Толеген пристально смотрел Сабыржану прямо в глаза, и Сабыржан, опустив их, тихо произнёс:

– Не знаю...

Мальчишки сидели рядом, тихо, не шелохнувшись, и Шохан, который не смог бы это выразить никакими словами, вдруг почувствовал превосходство жадной до жизни здоровой молодости над бессилием и робостью увечного человека.

– Приходи, буду ждать, – приладив бескозырку на свою ершистую голову, Толеген двинулся в сторону дома Бахыткуль.

Под тенью джиды воцарилась тишина. Притихшие мальчишки вертели головой по сторонам, чтобы не видеть, как Сабыржан, опустив голову, устался в землю. Они чувствовали, как ему вмиг стало плохо, понимая, что ничем помочь не смогут.

– Сабыржан, хочешь, я уговорю бабушку отпустить меня, и мы вместе пойдем добывать птенца сокола из гнезда? – вдруг выпалил Шохан.

– Давайте! – обрадовался Ержан.

– Нет, мальчики, не надо. Шохан, не огорчай свою бабушку. Сказано тебе тридцать шагов от дома, значит, так оно пусть и будет. Ты забыл, что здесь у вас центр наблюдения? Смотри на дорогу, ещё не то будет!

И вправду, по дороге с грохотом пронёсся на новеньком мотоцикле старший внук бабки Шамсии Кален и, завернув, въехал к себе во двор.

– Здорово! Давай попросим его покатать нас? – сказал Шохан.

– Мы пробовали, не соглашается, – вздохнул Ержан, а затем добавил, – ты попроси его, он тебе даст покататься.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю. Он влюблён в твою старшую сестру.

– В Зере, что ли?

– Ну да.

– Откуда ты это знаешь?

– Все знают, кроме тебя. Думаешь, трудно догадаться? Он всегда подолгу смотрит ей вслед. Иди, попроси, я точно говорю, тебе он даст покататься.

– Давай, рискни, – Сабыржан похлопал Шохана по спине, – а я, наверно, пойду домой.

– Подожди, не уходи. Вдруг он даст мне покататься. Тогда я тебя на мотоцикле довезу. Хочешь?

– Хорошо. Жду тебя здесь. Только не клянчи, а проси с достоинством, понял?

– Понял! Ну, я пошёл, – обойдя плетень, Шохан подошёл к калитке и заглянул во двор. Кален, которому на днях исполнилось 18 лет, подогнав мотоцикл под тень сарая, тряпочкой вытирал с него пыль. Много лет он мечтал о таком мотоцикле, а неделю назад отец купил ему долгожданный трехколёсный «Урал» с люлькой, и теперь он возился с ним как с младенцем.

– Привет, Кален!

– Шохан, салют! Как отдыхается?

– Хорошо. А здоровский у тебя мотоцикл!

– Нравится?

– Да.

– Мне самому он очень нравится, накататься не могу. Только сейчас отвёз отца в правление, дела у него там какие-то.

Шохан внимательно смотрел на Калена и думал: «А вдруг это неправда, что ему Зере нравится? Тогда он точно не даст мотоцикл». Подумав ещё немного, он решил проверить его и, глядя в упор, добавил:

– Нам с Зере нравится отдыхать в ауле, – и неожиданно для самого себя брякнул, – слышал, Толеген из армии вернулся. У него настоящая тельняшка и моряцкая шапка.

Кален перестал вытирать свой мотоцикл и, словно не расслышал новость о Толегене, спросил, медленно выговаривая слова:

– Ей действительно нравится у нас?

– Ну да, она мне сама так сказала, – у Шохана чуть сердце не выпрыгнуло из груди, когда увидел, как у Калена вытянулось лицо при упоминании имени сестры.

«Даст покататься, точно даст», – обрадовался он и решился таки:

– Кален, дашь прокатиться?

– Мал ты ещё, Шохан, не справишься.

– Я умею, честное слово! С дедом на таком ездил, он меня перед собой сажил, и я рулил.

– Давай, я тебя, как твой дед, посажу перед собой и покатаю?

– Понимаешь, Кален, под деревом сидит Сабыржан. Ему трудно на костылях до дому добраться, а я его в люльку и по прямой до конца этой улицы довезу и обратно.

Кален замялся, обдумывая, как быть, а затем сказал:

– Давай так: если твои ноги достанут до педалей – повезёшь Сабыржана сам, если нет – поедem втроём. Идёт?

– Идёт, – почти выкрикнул Шохан и побежал примеряться к мотоциклу.

Усевшись на переднее седло, он припал всем телом к мотоциклу, чтобы достать до руля управления, затем, вытянув ступни, сумел достать пальцами ног до педалей.

– Сммотри, Кален! Достая до педалей! Теперь дашь проехать на нём?

Пожав плечами, Кален вздохнул:

– Уговор есть уговор. Давай выведу его на дорогу, а ты попробуй для начала сделать пробный круг.

Кален вывел мотоцикл на дорогу, выровнял руль, посадил Шохана и сказал:

– Осторожней, сильно не газуй, когда будешь тормозить, нажимай на педаль тормоза плавно, без рывков. Не подведи меня. Если что не так, отец убьёт меня!

– Понял, я буду осторожен, не бойся!

– Давай по кругу медленно.

Шохан оглянулся. Сабыржан всё так же сидел под деревом, рядом, подавшись вперёд, стоял Ержан. Оба с напряжённым интересом ждали, как Шохан совладает с этой железной машиной. Пару раз нажал на газ, мотоцикл заревел во всю мощь своего мотора. Затем, включив передачу, медленно поехал по кругу и плавно остановился рядом с Сабыржаном:

– Садись, довезу тебя с ветерком. А ты, Ержан, сиди здесь, если бабушка будет меня искать, придумай что-нибудь.

Сабыржан со вздохом поднялся с насиженного места, перекинул себя в люльку и, сложив костыли вместе, пристроил их рядом с собой:

– Давай, братишка, поехали. Только не угробь и себя, и меня.

– Не бойся, я буду осторожным.

– Сабыр, ты следи за ним, – сказал, Кален, – не давай ему сильно газовать.

Шохан ещё раз проехал по кругу, затем второй раз, только теперь быстрее, а затем, выровняв руль, понёсся по просёлочной дороге в сторону дома Сабыржана. И тут же засвистело в ушах, ветер ударил им в лицо, с силой раздувая щёки и ноздри. У Шохана из глаз брызнули слёзы и сердце, разрывая грудь, забилося толчками. Потом, непонятно почему, мотоцикл понесло зигзагом по песку, и руль вдруг перестал слушаться, а правая нога повисла в воздухе, пытаясь нащупать педаль, которая исчезла куда-то, оставив ногу болтаться в воздухе. От страха потемнело в глазах, и Шохан опомнился только тогда, когда увидел прямо перед собой низенький деревянный забор деда Иманбая. Потом мотоцикл подпрыгнул на какой-то кочке, его с Сабыржаном подкинуло в воздух, и оба очутились на песке. А мотоцикл, потеряв управление, проломил ветхий забор и, проехав ещё немного, с рёвом врезался в дерево, росшее посреди двора деда Иманбая. Только Шохан всего этого не видел. Он просто лежал на песке, постепенно приходя в себя и осознавая весь ужас случившегося.

Уложив Шохана на топчан, бабушка дрожащими руками ощупывала его голову, руки, ноги, затем, судорожно вздохнув, прошептала:

– О аруахи, уберегите моего внука от всех напастей!

Бабушка и не думала ругать его, только вздыхала и шептала что-то себе под нос.

Дед подошёл и погладил внука по голове:

– Слава богу, оба целы и невредимы, а мотоцикл-то вдребезги! Пойду, с отцом Калена потолкую. Неудобно получилось.

А Шохан лежал с закрытыми глазами и думал о том, как жалко, что так получилось. Перед Каленом неудобно, обещал ведь ехать осторожно. Теперь ему попадет от отца! И виноват во всём Шохан. Но особенно жалел он о том, что так и не прокатил Сабыржана, как обещал. Он вспомнил, какими грустными глазами тот смотрел вслед моряку, размеренной и уверенной походкой шедшему навстречу своей девушке, и сердце сжалось от мысли, как он там сейчас, после этой заварухи.

Сабыржан пришёл в себя, когда услышал, с каким грохотом мотоцикл врезался в дерево и заглох. От толчка его выбросило прямо на середину дороги, и за эти несколько мгновений вся жизнь прошла перед его глазами. Он удивился, как столько мыслей могли в короткий миг поместиться в его голове. Затем, привстав на локтях, огляделся по сторонам. Подхватив его костыли, подошёл Ержан:

– Ты цел? Не волнуйся, Шохан тоже в порядке, его бабушка забрала домой. Вот только мотоцикл сильно помяло. Там сейчас куча народа собралась.

Сабыржан молча встал на костыли и, не оглядываясь, пошёл домой. Потом остановился. Его передёрнуло, когда он понял весь ужас случившегося, что вот сейчас и его, и Шохана могло уже не быть на этом свете. На какую же глупость подбил он, взрослый парень, этих мальцов! Затем, словно вспомнив что-то, почувствовал, как его пробирает смех. Он смеялся долго и громко. Сабыржан хотел бы остановиться, но смех сотрясал его, заставляя то раскачиваться из стороны в сторону, то выгибаться вперёд, словно этот необъятный смех не умещался внутри него, требуя выхода. Этот смех не походил на тот, который блаженством разливается по всему телу и который называют счастливым. Этот смех раздувался, как воздушный шар, и казалось, он вот-вот лопнет внутри, причиняя боль и страдания. И тогда Сабыржан заплакал. Слезы ручьём полились из глаз, и по их руслу выходил этот громадный смех, сотрясая плечи, освобождая его, принося облегчение. Утирая лицо рукавом рубашки, Сабыржан шёл вперёд. Сначала он взглянул на бездонное небо. Затем увидел, как слева от него между домами на линии горизонта полыхало багровое заходящее солнце, обнимая слабеющими лучами дальние холмы. И словно впервые в жизни он увидел эту красоту, окружавшую его со всех сторон. Сабыржан вдохнул полной грудью тёплый вечерний воздух и внезапно понял, что он жив, и весь этот огромный мир принадлежит ему! Сердце гулко билось в груди, словно отсчитывая мгновения его жизни, которых впереди, он знал точно, ещё очень и очень много! Сабыржан улыбнулся, и его длинный острый нос покрылся продольными морщинками, а расплывшиеся большие губы обнажили крупные белые зубы, выстроившиеся во рту, словно ладно обтёсанный плотником забор. И тогда, сам не зная почему, он вдруг сказал:

– Спасибо тебе, Шохан, спасибо, малец! – и быстро перебирая костылями, двинулся в сторону дома. До начала вечернего сеанса в клубе оставалось неполных два часа.

Всем сердцем

Что-то скользнуло по ноге. Шохан вздрогнул и проснулся. Это оказалась безобидная водяная змейка, каких полно в местном канале. Облегчённо вздохнув, он снова упал щекой на песок и закрыл глаза. Сон цепко держал его в своих объятиях. Шохан и не думал просыпаться, поспать он любил. Но тут со всех сторон навалились разные интересные шумы, что стало не до сна. Солнце ушло в зенит и нещадно палило, отчего в дрожащем воздухе стояла звенящая тишина. Где-то высоко в небе пели жаворонки, вдали слышен был плеск воды, знакомые крики и смех мальчишек. Встать не хотелось. Вытянув загорелую дочернюю руку, он принялся другой медленно подгребать к ней песок, пока полностью не закопал её. Затем нехотя сел и, нагнувшись, закопал обе ноги. Продолжая грести обеими руками, засыпал себя по пояс. Песок был горячий. Рядом, оставляя за собой узорчатые следы, бесшумно пробежала прыткая ящерица и скрылась в норке. Если оторвать ей хвост, ящерица убежит, чтобы отрастить себе новый. В другое время Шохан с радостью бросился бы ловить её, но руки и ноги со сна были ватными, поэтому он посидел, вздохнул, затем вскочил на ноги и нехотя побежал к каналу.

Там Амантай с Алибеком пытались выловить забредшую в воду лягушку. Завязав узлом горловину и рукава майки, они соорудили ловушку. Майка вздулась пузырьём и, держа её с двух сторон, мальчишки водили ею по воде, в надежде, что лягушка попадётся в их ловушку. В мутном потоке трудно было что-либо разглядеть, поэтому мальчишки периодически поднимали майку вверх. И когда вся вода из неё утекала, на дне оставались песок, трава, ветки саксаула и прочий мусор.

Шохан с разбегу кинулся, было в воду, но тут увидел притаившуюся на берегу лягушку и всем телом упал на неё, поджав руки к бокам, чтобы она не ускользнула. Обхватив лягушку ладонями, прыгнул в воду и бросил её прямо на выцветшие от солнца вихры Амантая. Амантай с радостным воплем сомкнул руки над головой, но лягушки и след простыл.

– Ты что, не мог в руки дать? – возмутился он, – мы целый час её поймать не можем!

– Пошли домой, – сказал Шохан, – я есть хочу. Да и бабушка ругаться будет. Если долго на солнце оставаться, может солнечный удар случиться.

– А пошли под наше дерево, посидим в тени, воробьёв постреляем, – предложил Алибек, а потом добавил – Вы городские совсем какие-то нежные, солнца боитесь.

– Ничего я не боюсь, просто есть хочется сильно, – пробурчал Шохан, а затем, достав рогатку, добавил, – ладно, пошли к дереву.

Натянув штаны, три дочерна загоревшие фигурки, босиком на цыпочках побежали по раскалённому песку в сторону колхозных полей. Неподалёку был пустырь, в центре которого возвышался вековой раскидистый карагач. Ещё в прошлом году карагач напоминал огромного богатыря, протянувшего вперёд свою могучую руку. Это был не в меру разросшийся сук, который вытянулся в сторону от ствола и напоминал эту самую руку. Мальчишки любили сидеть на нём, болтая ногами, стрелять из рогаток по воробьям, висеть вниз головой, обхватив его руками и ногами. Но этой осенью по аулу прошлась сильная буря, круша деревья, снося крыши и стога с сеном. А потом все увидели, что «протянутая рука» карагача обломилась под своей тяжестью и теперь, дерево походило на откинувшегося назад исполина. Пока сук был на своём месте, никто не замечал,

как ствол выгнулся в обратную сторону, чтобы создать противовес своему огромному отростку. Именно с этой стороны дерева была обильная и прохладная тень.

Мальчишки разом кинулись на жухлую траву, прислонившись к толстому и кривому стволу. Грубая, с продольными трещинами кора впивалась в спину. Дедушка рассказывал, что карагач рос здесь ещё когда он был совсем маленький, даже меньше, чем Шохан сейчас. В общем, когда ещё дед под стол пешком ходил. Дерево было старым и некрасивым. Горячий пустынный ветер шелестел в щедро усыпанной шумными стайками воробьёв высокой и густой кроне. Шохан представил себе деда, с кряхтением лазающего по этим причудливо скрученным веткам, и ему стало смешно.

– Чего смеёшься? – разом обернулись к нему ребята.

– Так, вспомнил кое-что.

– Постреляем в них, что ли? – сказал Алибек, целясь из рогатки в воробьёв.

– Неохота, давай лучше просто полежим, – предложил Амантай.

– Давайте, – охотно согласился Шохан, растянувшись на колючей траве.

Где-то вдали гудел трактор, на соседнем поле стрекотали сороки, а над головой был слышен сердитый птичий щебет, это воробьи устроили драку. Было так хорошо и прохладно, что не хотелось двигаться. Заложив руки за голову, мальчишки усталились в плотную листву дерева, где кипели воробьиные бои. Отломив сухую былинку, Шохан принялся её жевать. Очень хотелось есть. Вот уже два месяца прошло, как он закончил третий класс и приехал на каникулы к бабушке. Он обожал аул, друзей, и ни за что не променял бы их, даже если ему предложили бы поплыть на большом корабле по настоящему морю, а может даже по океану. Он с нетерпением ждал летних каникул и отчаянно скучал по бабке с дедом, по аулу. Здесь он был счастлив. Вдруг он вспомнил маму, отца, двор и всю городскую жизнь, так не походившую на эту сельскую идиллию. Такие воспоминания могли прийти к нему внезапно, в любой момент, чем бы он ни занимался. И если поначалу это были просто воспоминания, то теперь к горлу подкатывал ком, и хотелось плакать.

– Ты чего? – спросил Амантай.

– Ничего.

– По дому скучаешь? – усмехнулся Алибек.

– Не скучаю, – буркнул Шохан, стараясь не выпустить предательски накатившуюся слезу.

– По мамочке соскучился, – ехидно протянул Алибек и притворно захныкал.

– Сам ты плакса, – взвился Шохан, вскакивая с места.

– Эй, прекратите вы оба, – крикнул Амантай, – скучать по родным никому не запрещается. Я это точно знаю.

Он помолчал, а потом добавил:

– Особенно теперь, когда не стало Сауранбая. Я скучаю по нему.

Мальчишки разом притихли. Все знали, что ранней весной, задолго до выпускных экзаменов в школе произошла трагедия. Погиб десятиклассник, старший брат Амантая, Сауранбай Шубаев. Больше четырех месяцев прошло с того дня и только теперь Амантай потихоньку начал свыкаться с мыслью, что брата нет и не будет. Он никогда и ни с кем не говорил об этом, только по ночам мысленно разговаривал с Сауранбаем, спрашивал, как теперь ему быть, советовался с ним, плакал, просил у него прощения за те небольшие обиды, которые успел нанести своему брату за десять лет своей жизни.

– Расскажи, как это было? – тихо спросил его Шохан.

Амантай долго молчал, глядя куда-то вдаль, сквозь листву. Знойный день пошёл на убыль, и тёплый ветерок трепал, сваливавшиеся от песка, воды и солнца вихры мальчишек.

– В десятом классе у них была начальная военная подготовка. Там они учились собирать и разбирать винтовку. ТОЗ-8, так она называется. А у нас дома была точно такая же, только с настоящими патронами. После уроков Сауранбай выпросил винтовку у отца и показывал нам, как её надо собирать, взвести курок и правильно из неё стрелять. Показывал и хвастался, что теперь он сможет с отцом пойти на охоту. Отец патроны спрятал и сказал, что это опасно. Сауранбай всё время просил отца дать патроны, клялся, что хорошо научился обращаться с оружием, но отец так и не дал. А потом он как-то выяснил, где отец их прячет. Когда папы не было дома, он пришёл с друзьями и стащил винтовку и патроны. Они ушли далеко в степь, нахлобучили на верхушку саксаула старую ушанку и по очереди стреляли в неё. Их было трое: Сауранбай, Болатбек и Адиль, а патронов было четыре. Поэтому договорились, что первая и четвёртая пуля будет Сауранбая, а Болатбеку и Адилю достанется по одному выстрелу.

Первым стрелял Сауранбай. Пуля задела край вислоухой шапки и та упала набок, повиснув на кончике ветки.

– О, я почти попал! – обрадовался Сауранбай.

Потом наступила очередь Болатбека. Он взял винтовку, прицелился, но Сауранбай тронул его за руку и сказал:

– Подожди, поправлю шапку, а то она сейчас упадёт, – и побежал к саксаулу, на котором висела мишень.

Потом окаменевший от страха Болатбек так и не смог объяснить никому, почему он выстрелил.

– Я не знаю, я не знаю, – твердил он и родителям, и во время допроса в районном отделении милиции, – она... как будто сама выстрелила. Я не стрелял, я не хотел... – а потом он начинал плакать, раскачиваясь и прижимая ладони к лицу.

Болатбека взяли под стражу и увезли в районный центр. Адилу поместили под домашний арест, до суда.

Весь аул замер в напряженном ожидании, чем же разрешится эта беда. Все трое мальчишек выросли здесь, их знал каждый односельчанин, и никто не смог бы сказать о них дурного слова. А теперь, одного уже нет, другой стал убийцей, а третий – его соучастником.

– Я никогда не видел, чтобы так плакали мои родители, – рассказывал Амантай, – до того мне страшно было!

Он впервые со дня смерти брата заговорил об этом, и теперь понял, что не сможет рассказать никому о том, как обезумела от горя мама. А отец после похорон пришёл домой, сел за стол, опустил голову на руки, и целый день не поднимал её, а когда взглянул на Амантая, тот испугался и заплакал, потому что глаза у папы были какие-то страшные, нечеловеческие. И казалось, что он где-то далеко, не здесь. Вот вроде бы сидит перед тобой, за столом, и вроде как его здесь нет. И тогда Амантай вспомнил, как бабушка рассказывала ему, что в теле каждого человека живёт душа. Когда люди радуются, плачут, грустят или смеются – это радуется, плачет, грустит и смеётся душа. Он понял, почему у папы пустые страшные глаза: их покинула душа и улетела далеко, куда улетела душа его старшего сына.

– А потом к нам пришёл отец Болатбека. Он упал перед моим папой на колени и заплакал. Мне так его жалко стало. Жумагул-ага всегда был сильным, суровым, а тут плакал, как маленький. Таким я его ещё никогда не видел. Поэтому мне его стало жаль. Но мой отец встал, убрал от себя его руки и вышел из дома. Он не захотел с ним разговаривать. И тогда Жумагул-ага сказал ему вслед:

– Аралбай, ты прав, нет теперь нам прощения! – и ушёл тихо, сгорбившись, опустив голову.

В конце мая все ребята ушли на летние каникулы. А выпускникам после госэкзаменов выдали аттестаты об окончании средней школы, только вот выпускной бал, к которому они готовились загодя, отменили, объявив в школе траур. Больше месяца висел в фойе школы обрамлённый чёрной лентой портрет Сауранбая.

Старики вздыхали:

– О Аллах, чем же провинились перед тобой эти желторотые птенцы, что послал ты им такое испытание?

Другие, покачивая головами, гадали, какой же срок дадут мальчишкам?

Женщины причитали:

– Господи, да ведь после тюрьмы они выйдут совершенно другими людьми! Считаю, сломали свою судьбу. Шутка ли, убить человека!

Через два месяца был суд. Многие из аула поехали в районный центр, чтобы поучаствовать в судьбе несчастных мальчишек.

– А что было потом? – спросил Шохан. – Болатбека с Адилем не посадили?

– Нет, не посадили. Потому что, когда судья собирался объявить приговор, двери суда распахнулись, вошёл мой отец. Он подошёл к скамейке, где сидели Болатбек с Адилем, и по очереди обнял их, а они заплакали. А потом заплакали все, кто сидел в зале. И даже судья. Папа сказал, что в смерти сына виноват только он сам. И негоже ему ломать жизни ни в чём неповинных мальчишек. Вот так и сказал. А потом добавил:

«Если бы в доме не было этих проклятых патронов, мой сын был бы жив». После этого судья объявил дело закрытым, и все, включая Болатбека и Адиля, разошлись по домам.

Вечером Аралбай взял Амантая на руки и крепко обнял его. Затем посадил сына на колени и сказал:

– Люди порой ранят друг друга в самое сердце и делают это вольно или невольно. Такое трудно бывает пережить. Но если ты почувствовал, что можешь простить обиду и боль, сделай это всем сердцем!

Он взъерошил вихры сына и улыбнулся ему, впервые за много месяцев. И Амантай понял, что душа вернулась к отцу, потому что в глазах его светились любовь и печаль.

– Папа мне так и сказал: «Если ты почувствовал, что можешь простить обиду и боль, сделай это всем сердцем!» Поэтому, Шохан, я тебя простил всем сердцем за то, что в прошлом году ты меня побил! Помнишь?

– Смотрите, как стемнело! Пора домой, меня родители, наверное, заискались, – сказал Алибек, вскакивая на ноги.

– Да, поздно уже, моя бабушка наверно тоже весь аул обошла, – заволновался Шохан, – пошли, Амантай!

И босоногие мальчишки затрусили по остывшему песку в сторону аула.

Чем ближе подходил к дому Шохан, тем больше нарастала на душе тревога. Бабушка, наверно, все ноги себе отбила в его поисках. Она, должно быть, очень сердита и обязательно отстегает внука чем-нибудь. Так оно и есть! Навстречу ему спешила бабушка с длинной хворостиной в руках.

– Вот я сейчас задам тебе, бродяга, бездельник, – кричала она издали, размахивая хворостиной, – где только тебя носит с утра до ночи, без сна и отдыха! Как можно целый день голодным ходить, а!

Шохан шёл ей навстречу, улыбаясь во весь свой щербатый рот, и думал:

– Апа, даже если ты сделаешь мне очень больно своим прутиком, всё равно я прошу тебе это всем сердцем, честное слово! Я виноват, исчез на весь день, заставил волноваться. Пожалуйста, прости меня, и тоже... сделай это всем сердцем!

Сауле БЕККУЛОВА,

кандидат искусствоведения

Путь любви

Умение жить в самоотдаче –
Отдай себя – не смей иначе...

Арагон

Презентация и вернисаж первой персональной выставки произведений живописца из Уральска Сакена Гумарова состоялась в 1993 году. Остались его необычные картины. Необычен был и сам Художник. Хочу рассказать о первой с ним встрече перед экспозицией 1993 года.

Он умеет и любит говорить. Речь его, размеренная, плавная, с яркими эмоциональными всплесками акцентов на отдельных словах или фразах, не вступает в контраст с тем впечатлением, которое производит его внешний облик, манера вести себя, двигаться, смотреть, слушать. И язык, богатый, выразительный, насыщенный терминами, непривычными для слуха, и спонтанным напряжением, действует магически-притягательно. Голос, чуть приглушенный, с низкими модуляциями, звучит как бы в разных регистрах – то низко, то высоко взлетая.

Перед нами – художник, чье творчество исчисляется более чем тремя десятилетиями. А капризная фортуна в лице прессы, знаков признания и славы лишь три года тому назад, в 1990 г. соизволила улыбнуться. Его картины нашли благодарного зрителя в США и Японии, Испании и Турции, в частных коллекциях ближнего зарубежья. И лишь осенью 1992 года имя Сакена Гумарова, уроженца Уральска, стало известно в Казахстане.

– С первого взгляда на Ваши работы возникает впечатление удивительной свободы, раскованности, музыкальной импровизации, как если бы в бескрайнем пространстве степи разливалась песня без слов. Почему?

– Потому что импровизационность вообще присуща казахам, всем поэтам, даром импровизации наделены были и композиторы Курмангазы и Даулеткерей. Когда говорю про них, то все сразу возражают, мол, простите, но они же не художники. А я не согласен. Как не художники? Как Курмангазы может быть не художником?

– Это же высочайшая художественная культура, это музыка образов.

– Это чистой воды импровизация, то, что встречается мало. Я импровизирую перед холстом. И получается то, что мне знакомо. Через несколько дней я это узнаю. Не могу вспомнить – где и как, в каких стечениях обстоятельств. Но я не верю в случайность.

Ничего случайного не бывает, ни в политике, ни в быту... Вот симпровизировали и получилось нечто прежде не виданное. Вот, скажем, петроглифы. Прежде с ними знаком не был, не видел. Но изобразил, оказывается. Как же это может быть случайно? Вот тут как раз вспоминаю. Называю это целым циклом «Память». Названия тоже не задумываются, они приходят вместе с узнаванием.

– *Сакен, то немногое, что мне известно из вашей биографии: родом из Западного Казахстана, самостоятельное творчество, годы учёбы (кратковременной) в Москве, в стенах ГИТИСа, в Ленинграде, невольно провоцирует на вопрос. Есть ли у вас Учитель? Есть ли школа?*

– Вопрос традиционный. Ответу в нетрадиционной, поэтической, с Вашего позволения, форме:

Матерь мира повелела
Оседлать мне три кита:
Чувство ритма, чувство меры,
Чувство цвета – Красота.

Врождённое чувство ритма, врождённое чувство цвета, врождённое чувство меры должно быть у художника, чему никто не научит, никакая школа, только Природа. Что такое школа? Школа – это все ж таки технология, я убеждён. Может быть это для кого-то и обидно. Но таково мое убеждение. Школа может научить только ремеслу. Умный педагог сам должен быть Мастером и должен учить мастерству. Кто-то из западных мастеров искусства сказал: «Если Вы приобрели мастерства на миллион, приобретите еще на пятак». Он имел в виду упорный труд. Не тот труд, типа: днём и ночью копай землю и бросай, а труд художника, который совершенствует себя в работе, подчиняясь триединству чувств: меры, цвета, ритма. Всего этого не может быть без развития. И всё это, кстати, держится на интуиции.

– *Значит, Вы за интуитивный путь познания? Скажем, конструкции науки крепятся посредством интуиции – связующего материала?*

– Да, я за интуитивный путь познания. На нём, наверное, держится и наука, если говорить о точной науке. Как же без интуиции мог Менделеев открыть свою таблицу?

Я думаю, что таблица Менделеева – это минимизация огромной космической информации.

– *А если допустить, что искусство – не метод и не форма познания, а быть может, средство осознания этого мира и своего места в нем, и путей в Будущее или в Прошлое? Тогда какую роль здесь играет чувство, и в чем здесь чувство меры?*

– Чувство меры – это в хорошем смысле чувство пропорции. А в творчестве, главное – интуитивное, шестое чувство. Импровизация – шестое чувство формотворчества. И чувство меры здесь – безмерность чувства. Ну почему мы с вами вчера делали экспозицию без «чувства меры»? Это составная часть шестого чувства. Но эмоциональное мое состояние во время работы не столь важно. Более всего важен для

меня процесс, когда эмоциональное мое состояние не только в этой картине, но в каждой её части. Поэтому я считаю, что каждая картина – это свой собственный организм. Он живет по законам собственного жанра. Вот это и есть моя эмоциональная насыщенность, что определимо модным словом – спонтанность. Импровизация – более ёмкое понятие, но спонтанность – это и есть эмоциональный...

– ... выброс?

– Да, именно так. Не понимаю, когда говорят: «Не работается, нет вдохновения». Я встал за мольберт, стою перед холстом. Вот оно вдохновение – я работаю. Троиединство: чувства цвета, меры, ритма – со мной. Если ты – Художник от Бога, то вдохновение с тобой родилось. Оно никуда не уходит и не приходит, оно есть.

– В истории культуры, мировой художественной, человеческой культуры что Вам, при нынешней модной тяге людей к различным вероисповеданиям, наиболее близко?

– Ближе к истории религии или в истории культуры?

– И то, и то. То есть, я здесь вижу некую стяжку. Это было всегда, но обращает на себя внимание именно сегодня.

– То, чему поклонялись предки? Начиная с древних языческих времен? Предки поклонялись Аруаху. Дух, он и есть Аруах. Кто-то видел его в наиве своем, но дай Бог всем быть такими наивными. Это всегда чистота. Нелепо думать, что наивность – это глупость. Или кто-то видел Дух свой, Аруах свой в образе собственного деда, в образе тотема, в образе танбы (по-русски это произносится «тамга»). Это – вера в добро.

– Значит ли это, что в искусстве художника изначально заложено понятие этноса, нации, и язык этнический и язык красок взаимозависимы?

– Когда мы говорим о языковой среде – это отдельная этническая тема. Вот я написал картину «Этническое тело». Она – в Москве. Доверил её человеку княжеского рода. Он обещал не увозить её за пределы, я ему верю. Это картина чисто азиатского, восточного плана, и в ней есть свой этнический колорит. Это цветоритмический колорит и то, что я называю троиединством. То есть, язык этнический и язык красок, в сущности, обладают одними свойствами, и соответственно, безусловно необходимы.

Понятие же интернационального без национального не существует и всякий разговор о нации без собственного языка и традиций – нелепица, бессмыслица. Это в равной мере относимо и к искусству.

– Великий Сарьян сказал, что искусства космополитического нет и быть не может, природа его всегда национальна, лишь сочетание, соседство многих наций рождает понятие интернационального.

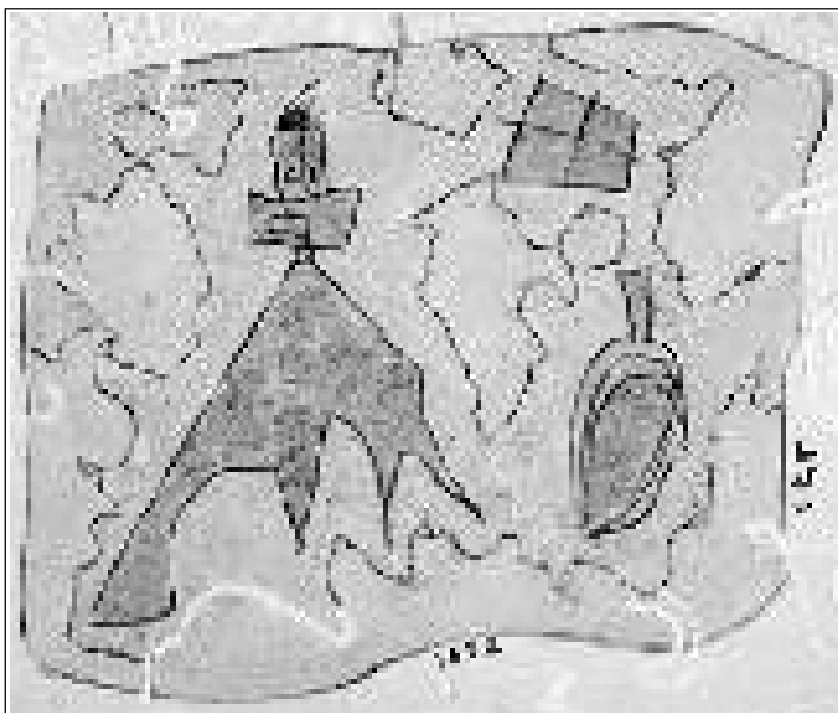
– Да, художник обязан помнить о своей нации, но лишь недобрый, неумный человек будет кричать об этом всем и каждому. Да, я пантюркист, но не отношусь к людям другого происхождения и веры отрицательно. Хотя только тюркский язык, тюркское слово – скажем,

башкирская, казахская, узбекская, татарская музыка вызывают у меня слёзы. А люблю я и украинские песни, и русскую поэзию...

– А что значит для Вас мир детства? Восходят ли к нему истоки вашего творчества?

– В песках Нарынкумов в детстве я видел то, чего не может быть: море, корабли, караваны верблюдов, каравеллы, города. Мальчишка в песках, пустынный-«кумшык», я понятия не имел о городах, я не видел областного центра, не говоря о крупных городах. И когда я стал взрослым, вместе с интеллектом пришло узнавание восточных цивилизаций, таких памятников истории, как Тадж-Махал, дворцы Самарканда. Когда «книжно» стал их узнавать, они мне показались знакомыми, их в детстве видел. Зримо видел. Не видение, а видения. Откуда-то. Энерго-след. Слова моих рассуждений о том, что «в песках закодирован энерго-след прошлого предков», вызвали такую реакцию, что доктор технических наук, профессор В.В. Киянский сказал: «Сакен прав, и все древние цивилизации берут начало в пустынях», и написал об этом в четырёх номерах газеты «Серпер» («Прогресс»).

Он в интерьере. Из цикла «Они придут».

– Мне посчастливилось узнать краски, звуки, запахи пустыни в поездках на Мангыстау. Первозданность земли и неба ощутимы только там. И возникла мысль, а не с пустыни ль начинается Восток? Внешняя холодность и неприступность, возможно, таят источники неиссякаемой энергии, роскоши цвета, формы, красоты? И почему

именно Восток предполагает плавность, степенность, величие, округлость, размеренность?

– Потому, что Восток созерцателен. Более близок к трансценденции. Созерцательность как кажущаяся бездеятельность, познание созерцанием. Когда узнаешь жизнь, обязательно возникает изображение круга. И краски... Помните мои картины «Нареченные в воде», «Наречённые в воздухе», «Ещё ненаречённые»? В древности было верно: узнав, нарек зверя, предмет или человека. Если Вы верите в триединство мира, как и я (Коран отвергает, а христиане говорят – святая троица), а это: Дух, Интеллект, Материя, так вот это повторяется всегда в небе, всегда в Космосе, всегда в цветовых отношениях: красное, желтое, оранжевое. Мягкое красное всегда пластично. Синее, голубое, фиолетовое, как река или вечернее небо. Этим можно лечить. Это абсолютно точно. Я в этом абсолютно уверен и пришел к этому, признаться, практическим путем. Синий цвет – он тяжелый, в низах, цвет низких частот – он присущ администраторам.

– Он подавляет.

– Да. Но в высоких частотах синий цвет переходит в голубой. Голубой, с высоты падая, отрываясь, падая, делается белым. На самом высшем уровне белый, как белые птицы. Это – очищенные чувства, очищенные мысли, очищенные в земном смысле. Белое – это и мужская энергия, белое, серебряное, которое прекрасно сочетается с желтым, золотистым – женской энергией. И зеленое – это ядро, сердцевина, это изумрудная частичка сердца мира.

– Ведь не случайно же на Востоке так ценится лазурный, зеленый цвет? Поражённый цветом и формами мусульманской архитектуры американец Райт воскликнул: «Они (мусульмане) так любят свой головной убор – чалму, что одевают его на головы своих храмов!». А кто или что первично в ваших картинах?

– Вы помните мои картины цикла «Бестиарий»? Там изображены разные животные с равным вниманием. Почему? Потому, что все создания однозначны и равновелики перед лицом Вечности. Это и есть идея святости всего сущего.

За окном давно сгустились краски вечера. Художник улыбался, а на душе у меня было легко и грустно. Как всегда после встречи с необычайным, светлым, удивительным. И перед глазами, как стаи птиц, проплывали картины-миражи «Астральное», «Тюркское», «Музыка», «Знаки предпрошлого», «Панхром и древние знаки»... Картины-откровения, картины-магии, картины-встречи. Попутного ветра белым птицам добра Сакена Гумарова и высокого неба!

Виктор СОРОЧЕНКО

Огонь, вода без медных труб

(Окончание. Начало в №№ 4, 5 за 2013 г.)

На втором году учёбы в шестом классе у меня немного результаты по русскому письменно сдвинулись в лучшую сторону. Чаше стал получать хоть и невысокие, но положительные отметки.

Ведь не секрет, и покуривали мы! И во время перемены бегали в уборную (она стояла на улице) за этим. Покуривал я папиросы «Прибой». Однажды во время большой перемены я забежал в туалет. Там уже человек пять курильщиков. Дым стоял столбом. Этот вонючий запах так сильно ударил мне по мозгам, что появилось отвращение к папиросам. Я вытащил полную пачку из кармана, смял её и бросил. С того момента я не мог дышать табачным дымом.

Ближе к осени 1954 года мать привела домой очередного мужчину – Ивана Жмыхова. Выдавал он себя за интеллигентного, образованного человека, родом из столицы, работал где-то на руководящей должности, так как ходил всегда в костюме. Он был безвредный, но и толку от него немного. Больше обещал, чем делал: так, обещал подыскать хорошую работу для Геннадия, поспособствовать приобрести подходящую мужскую профессию. Но... Частенько появлялся дома после работы в нетрезвом виде, хотя не бузил. Спокойно укладывался в кровать и спал до утра. Каким образом мать налаживала с ним отношения, не знаю. Во всяком случае, на эту тему они дома не разговаривали.

Все проделки сходили ему с рук. К вечеру – чист и свеж – приходил с работы домой. Наговаривал тысячу комплиментов матери и ... получал прощение. Иногда привозил домой что-то из мебели – чаще в разобранном виде, а затем собирали дома. Так, он привёз шкаф для одежды и стол в комнату. Но самое большое, что он сделал, конечно, не сам, а приглашал мужиков, – это достроил баню. Установили в ней каменку с котлом, закрепили полки, лавки.

К концу весны 1955 года Жмыхов уехал, как он заявил, в Москву, где у него были родственники, квартира. Обещал матери приехать за ней, как только устроится в Москве. Разъехались они холодновато, без женских рыданий. Да мать уже и не верила в байки Ивана Жмыхова.

Я успешно закончил шестой класс. А в мае уже пора было сажать картофель, однако огород не весь вскопан, мать попросила меня в этот последний день завершить копку и с улыбкой заявила: «А завтра купим тебе велосипед». В обещании матери я не сомневался. Но и объём работы – не маленький! О разговоре с матерью и её обещании я рассказал Петру. Он обрадовался за меня ещё больше и, осмотрев невскопанный участок, развёл руками, чуть слышно произнёс: «Не осилить. – А затем: – Ладно, стой, жди, я быстро», – и убежал. Через небольшой промежуток времени он и ещё два подростка с ним с лопатами на плечах вбежали-таки во двор. Ну

Петька и молодец! Буквально часа за 2-3 огород был перекопан, о чём вечером было доложено матери. Она посмотрела на меня с какой-то ухмылкой, что я чуть не оторопел, подумав, «обманула». Она действительно не поверила мне и с большим любопытством вышла во двор, где через забор оглядела огород. Как позже выяснилось, мать, обещая мне велосипед, не могла поверить, что я перекопаю оставшийся участок огорода.

Но тут, как это часто бывает в моей жизни, подвёл язык. «А я позвал своих друзей, и они помогли», – признался я, улыбаясь и ожидая похвалы за находчивость.

«Ага, получается, что ты обманул меня, копал не один. Велосипеда не будет», – заявила она. От неожиданности я даже отскочил от неё. В душе стала накапливаться обида. Мать, видно, почувствовала моё состояние и, повернувшись ко мне лицом, на котором светилась лукавая улыбка, произнесла: «Да я пошутила, успокойся. Будет тебе завтра велосипед». Я, не зная как поступить в этой ситуации, продолжал стоять, как вкопанный.

«Завтра с утра приходи ко мне на работу. Магазин там рядом и купим велосипед», – продолжила она, заходя в дом.

Успокоившись, я побежал к Петру и попросил его завтра пойти со мной за покупкой. Он согласился.

В конце мая к нам из Темиртау приехала семья брата матери – дядя Илья Григорюк, его жена тётя Галя и их двое детей: Нина лет шести и Володя – годика три. Они у нас прожили сравнительно недолго. Дядя Илья удачно нашёл работу и вскоре получил хорошую благоустроенную квартиру.

Геннадий решил вернуться в посёлок Майкаин, где Курашин – муж тётки Веры – обещал устроить его на работу и поспособствовать поступлению на курсы шофёров.

Остались мы втроём: мать, Галина и я.

Мать продолжала работать парикмахером. Хорошо освоила технику паровой завивки, благодаря чему стали появляться, хоть и не в большом количестве, деньги. Вскоре и Галина овладела этим мастерством, и когда матери было некогда или она уезжала куда-либо, Галина принимала клиентов дома, получая по тридцать рублей с каждого.

Я больше времени гонял велосипед. Соседи за быструю езду называли меня «чёрт на колёсах». И докатался – научился ездить «без рук». Однажды, уже подъезжая к дому в вечерних сумерках, я не заметил булыжник на дороге и наехал на него. Конечно же, через руль кубарем, лицом в землю, свалился с велика, заработав лишние синяки.

К концу лета мать привела домой очередного мужчину – дядю Сашу Молодецкого. Симпатичный, стройный, высокого роста, опрятный мужчина. В обращении спокойный, без всякого бахвальства. Спиртным не увлекался. Мастер на все руки: отличный плотник, мебельщик и т.д.

Во время войны он попал в плен. Благодаря своим способностям он, как я понял позже, свободно проживал в Польше и даже обзавёлся семьёй. А после войны где-то в 1946 году его конвоировали в Россию, где как изменнику дали срок, который он отбывал последнее время до 1955 года в лагерях пос. Туим Красноярского края. После освобождения он познакомился с матерью, наличие у неё троих детей его не смутило. Они очень друг другу

понравились и, наверное, поэтому мать вскоре дала согласие на законный брак. Мать приняла его фамилию и с той поры пожизненно была Молодецкой Евдокией Михайловной.

Я же, видя их добрые, душевные отношения, стал дядю Сашу называть отцом.

С появлением в нашей семье дяди Саши жизнь в корне изменилась. Чувствовалось благополучие. Мы лучше стали питаться (не одной картошкой, которой было в изобилии). Наш дом порой превращался в «мебельную мастерскую». Дядя Саша приносил детали, заготовленные на работе, в магазине приобреталась мебельная ткань или дерматин, и мы (я ему помогал) собирали или диван, или кушетку.

Вскоре дядя Саша ещё больше удивил меня своим мастерством. Он принёс и подарил матери деревянную шкатулку. Изготовлена она была из берёзовой древесины, на отшлифованной, а затем покрытой лаком поверхности виднелись различной формы рисунки в виде завитушек. Но это было не нарисовано, а такая была структура берёзы. О такой берёзе говорили «карельская». Но дядя Саша объяснил, а затем и практически (также с моей помощью) доказал, что за таким материалом нет необходимости ехать в Карелию. Его достаточно много и здесь, в Сибири, в частности, в лесном массиве около посёлка Туим. Дядя Саша объяснил мне, как отыскать такую берёзу. Я хорошо усвоил его урок и, не дожидаясь просьбы, вооружившись лопатой, пилой и топором, «двинул» в лес. Минут десять ходу, и я уже в лесу. Отыскал берёзу, у которой нижняя часть ствола, как в Туиме называли – комель – словно луковица, выдавленная из земли. Подобрал «луковицу» поменьше, чтобы потом донести до дома, и стал окапывать землю вокруг ствола, а затем топором отсекал корни. Работа трудоёмкая, но я старался. Попыхтев и попотев, я наконец-то отсёк последние жилы корней, и берёза под своей тяжестью свалилась на землю. Пилой срезал ствол почти вплотную к «луковице». Приподнял. Тяжёлый. «Ничего, – подумал я, – донесу!». Принёс, чем очень удивил дядю Сашу. Он внимательно осмотрел «луковицу», пальцами очищая её от грунта и снимая кору. Потом подозвал меня и показал на очищенную поверхность. Она была усыпана пупырышками, похожими на почки, из которых вот-вот появятся ростки. Он указал на них и сказал, что чем больше таких пупырышек, тем красивее будет поверхность заготовки. И добавил: «Я хоть не успел сказать тебе, как выбирать «луковицу», но тебе, однако, повезло. Хорошая попалась». Оставили её подсыхать. Вскоре дядя Саша с помощью прочной ножовки распилил на несколько частей «луковицу», выбрал несколько из них, подходящих на его взгляд, и унёс на работу. Через несколько дней принёс тонкие плиточки с отшлифованной поверхностью и стал «колдовать» над изготовлением шкатулки. Описывать в подробностях весь этот тончайший ювелирный труд не буду, скажу только одно: шкатулка получилась необычайной красоты. Внутренняя часть её была обшита декоративной, красивой с блёстками китайского производства тканью. Эту шкатулку дядя Саша, конечно же, подарил моей матери.

Я же увлёкся фотографией. Мать купила мне простой, но очень в то время распространённый фотоаппарат «Смена», а затем всё необходимое: фотоувеличитель, ванночки, необходимые препараты (проявитель, закрепитель), книги; и я стал осваивать это очень интересное, а порой и полезное, выгодное дело.

С появлением у меня гармошки, велосипеда, а затем и фотоаппарата я вообще считался первым парнем на нашей улице. А рядом со мной и Петька Королёв. С нами пытались завязать дружбу почти все девчонки, а их было около шести на нашей и соседней улице. Они охотней и безотказно – не то что раньше – ездили с нами на великах на озеро купаться. Вечером – на «толкучку». Так называлось место, где молодёжь танцевала под гармошку. А мне в ту пору нравилась больше других одна недоступная – Тамара Нефёдова. С ней мы учились вместе в шестом классе. Затем она перешла в седьмой, а я остался доучиваться в шестом. Ничего особенного в ней не было. Например, Клава, что жила в доме напротив, была куда и красивей, и по характеру приятней. Внешне чем-то смахивала на цыганку. Она сама делала мне намёки на укрепление дружеских отношений, но я ...

Вскоре фотография стала семейным увлечением. Порой вместе ночами сидели за фотоувеличителем, а затем освоили примитивный способ глянцеваания. Для этой цели дядя Саша принёс небольшой, но чистый, без единой царапины, лист стекла. На его поверхность, предварительно окунув фотографию в содовый раствор, её накладывали, накрыв стекло тканью, убирали излишки раствора. Высохнув, фотки с треском отставали от стекла. Мать и дядя Саша, как дети, радовались, если глянцеваание было удачным. А дядя Саша усматривал в занятии фотографией практическое материально выгодное дело, что не пожалели денег и купили «Зоркий-3» с мощным широкоугольным объективом и большой разрешительной способностью этой камеры. То есть у объектива диафрагма открывалась до предельно низкой цифры – где-то менее двух. Эти технические данные позволяли фотографировать при ограниченной освещённости объекта.

Дядя Саша с его способностями быстро освоил технику фото и, используя мой велосипед, по выходным дням уезжал в ближайшие поселения. Делали фотографии, он их отвозил, получая за свой труд вознаграждение в виде яиц, сметаны, масла, творога (с деньгами у людей было туго).

Интересно всё-таки получалось: не жалели денег ни на гармонь, ни на велосипед, ни на фото, а вот на одежду мне денег не хватало. Я продолжал ходить в обносках. Геннадий, уезжая в Майкаин, оставил дома за ненадобностью свои рабочие кирзовые сапоги. Я их как-то обнаружил. Примерил. Подошли. Отмыл их и стал носить. Как-то один из друзей Галины – Виктор Видман, – заметив эти сапоги на моих ногах, спросил: «Ты почему не почистил сапоги?». – «Как не чистил? Я же их хорошо помыл». – «Их не мыть надо, а почистить с кремом сапожным». Действительно, поверхность сапог была потёрта до белизны. А я и не придавал этому особого значения. Однако, прислушавшись к справедливому замечанию старшего друга, я тут же достал сапожную щётку, баночку чёрного крема и давай натирать им сапоги. С каждым мазком сапоги преображались. Я пошёл дальше: в

сплюснутые носки сапог натолкал тряпок, бумаги так, что носки округлились. Целую зиму и весну я с огромным удовольствием носил эти сапоги.

Наступила весна 1956 года. Сдал экзамены, и меня перевели в восьмой класс. Я, уже великовозрастный юноша, не знал куда себя деть. Бесцельные гульки уже надоели. Петька продолжал учёбу в ФАЗУ. Виктор Видман ушёл из литейного цеха – с целью подзаработать – в геологоразведку. Посоветовал мне поработать в их отряде:

– Начальник нашей партии обещал снабдить лошадью с телегой для перевозки тяжёлой аппаратуры, чтобы не таскать на себе. Если хочешь – поговорю с ним.

Я согласился. И уже через пару дней я с Виктором был в их палатке и вёл переговоры с начальником.

Получил «добро» начальника, который выдал мне доверенность на получение лошади и телеги в одном из колхозов. К вечеру уже на подводе я вернулся в палатку.

Особого опыта ухода за лошадью у меня не было. Надо было всё начинать сначала. Запрячь, распрячь – дело тоже мудрое, но куда сложнее – надеть путы на передние ноги лошади или стреножить её, чтобы за ночь не удрала от нашей стоянки. Кое в чём помог Виктор.

Утром я поднялся раньше всех. Тревожился за лошадь. На ночь я её не стреножил, а, не снимая уздечки, прикрепил к удилам один конец вожжи, а другой конец привязал к стволу дерева, вокруг которого было много травы. Я рассчитывал, что кобыла будет послушно пастись на отведённом ей месте.

Лошади на месте не оказалось. Вожжи отвязались от дерева. Это меня немного успокоило. Значит, кобыла ходит с длинным ремнём и, если она меня не подпустит близко, чтобы взять её за уздечку, то можно будет остановить лошадь, схватившись за ремень, а потом, держась за него, приблизиться к ней. Так у меня и получилось. Подвёл кобылу к телеге, запряг. На следующую ночь я стреножил лошадь, надев путы на передние ноги. Кобыле это было, видно, не в диковинку, и она отнеслась к этому спокойно. Однако путы с неё слетели. Они мне попались, когда искал лошадь. А она удрала в посёлок. Там мне жильцы помогли её обуздать, когда она забежала в тупиковый двор. С этой поры я более прочно и надёжно надевал на кобылу путы, и потому утром легко и быстро обнаруживал её недалеко от палатки.

Стояли жаркие дни, и потому работники уходили в лес рано утром, почти с восходом солнца. На обед не возвращались. Брали с собой сухой паёк и там, в лесу, останавливались, находили удобную поляну. Перекусив наскоро, позволяли себе час-другой вздремнуть, чтобы потом вновь двигаться дальше, неся на себе теодолит, деревянные колья, вешки и т.д.

Я же ждал их возвращения.

Через пару дней поступила установка о смене места дислокации нашей партии. Отпала надобность во мне. Лошадь с телегой сдали в колхоз. А зарплату я так и не получил...

От безделья я решил оборудовать спортплощадку. Недалеко от дома, ближе к лесу, у дороги, ведущей к озеру, я присмотрел ровную поляну, на которой можно было поставить футбольные ворота. Шагами отмерил 60х40 м. Затем место для установки самих ворот. Отметил углы поля, лопатой прокопал канавку по всему периметру.

Моё занятие заметили ребята. Решили принять в этом участие. Первым из них, конечно же, был Петя Королёв. С ним мы сходили в лес, отыскали и подготовили четыре штанги и две перекладины. Привезли на место. Дело подходило к вечеру. Помощников прибавилось. Металлическими скобами соединили углы ворот. Штанги опустили в приготовленные ямы, окопали, уплотняя землю и подбрасывая обломки кирпичей и камней.

Иногда по утрам я бегал вокруг «стадиона». Петя своим карманным хронометром фиксировал время.

Кроме того, я решил приготовить место для прыжков в длину. Для этого выкопал квадратное углубление. Землю оставлял у кромки с трёх сторон. Поверх выложил дёрном. На другой день сходил в столярку и уговорил возчика привезти опилки. Узнав для чего, он любезно согласился изменить свой маршрут. Опилки я высыпал в яму. Кроме того, опилками я засыпал траншейки, что обозначали периметр поля, и все необходимые разметки, начиная с центральной.

Наша семья, как и большинство таких же, жила в ожидании каких-то перемен. Мне тоже хотелось существенных перемен. И прежде всего в одежде. Меня уже не устраивали обноски старших или рубашки, перешитые из старых, забытых Жмыховым. У матери с Молодецким часто возникали разговоры о смене места жительства. Мать даже затеяла переписку с Баженовыми, которые в то время уехали в Крым и жили в Феодосии. Затем заговорили о Благовещенске.

Я особо не встревал в их разговоры. Все мои мысли были направлены на приобретение костюма и пальто.

Вот я и напросился к Барсукову в бригаду, откровенно заявив ему, что мне необходимо заработать на одежду. К моему удивлению, он без всяких размышлений сразу дал «добро»; и на другой день я и его сын Фёдор ехали на подводе в лес.

Жили в срубовом домике. С утра дядя Петя разводил нас на участки, где был валежник или сухостой, определял фронт работы, указывал место, куда складывать в поленницы дрова. Мне с Фёдором он подбирал валежник не толстый, понимая, что силёнок-то у меня – кот наплакал. Но мы с Фёдором старались: пилили, кололи, складывали, а Барсуков уходил в поисках делянок назавтра.

Сколько дней я проработал с Фёдором, сколько мы с ним за это время дров заготовили – не считал, не помню. Однажды ко мне подошёл Барсуков и спросил, сколько мне надо денег на приобретение костюма. Я знал цену костюма, так как неоднократно ходил в магазин и подбирал на свой вкус. Названную мною сумму дядя Петя тут же отсчитал и, отблагодарив за работу, вложил деньги в мои ладони. На заготовку дров я больше не ходил, так как мы с одноклассниками решили поступать в

техникум в г. Красноярске. Мать с дядей Сашей одобрительно отнеслись к моему решению, тем более что Галина в то время жила и работала там на обувной фабрике.

Где-то к середине лета я заметил резкое изменение (в лучшую сторону) в отношении ко мне со стороны девчат с нашей улицы. С большим желанием могли сесть на раму велика (а то всё на заднем багажнике) при поездке на озеро. Один раз даже Тамара Нефёдова согласилась на такую поездку. Ох какие чувства тогда бродили в моей душе!.. Ходили компанией в кино. Но днём я больше был занят подготовкой к вступительным экзаменам, так как нам, пожелавшим поступать в техникум, пришли «вызовы» – то есть мы были допущены к вступительным экзаменам.

Почти в этот же периоду нас в семье более активно заговорили о смене места жительства. Неоднократно к нам домой дядя Саша приводил мужчин кавказской наружности. Выпивали, закусывали, разговаривали, обсуждали какие-то варианты. Однажды, именно в момент обсуждения переезда, я зашёл домой и какое-то время оставался незамеченным дядей Сашей, а он, чуть охмелев, говорил, что вот с переездом в Феодосию и в Благовещенск не получается, для него закрыто. «А мне надо туда, ты понимаешь, мне надо к своим». Так постепенно дядя Саша уговорил мою мать уехать в Сухуми.

«Туда мне можно», – неоднократно заявлял он и кавказцам, продававшим цитрусовые в Туиме, и матери.

Не знаю причины, но почему-то было решено, что Галина должна вернуться из Красноярска в Туим, тогда как мне через некоторое время надлежало ехать туда для сдачи экзаменов.

О дате приезда Галина сообщила матери. Мне было поручено встретить её на железнодорожной станции, что в трёх километрах от посёлка. В первой половине дня я на велосипеде в приподнятом настроении лесной дорогой поехал на железнодорожную станцию. На пути следования был участок, где дорога круто опускалась и тут же шла на подъём. Мне нравилось преодолевать этот участок с разгона. Аж дух захватывало! Но только я набрал скорость, и велосипед стремительно покати́л вниз, как вдруг велик резко остановился, и я через руль полетел головой вниз, при падении сильно ударившись о землю. Велосипед упал на меня. Я растерялся и не сразу сообразил, что произошло. Движением ноги сбросил с себя велосипед. Лежал я почти на левом боку. Сделал попытку подняться, опираясь левой рукой о землю, но не смог. Почувствовал сильную боль в области левого плеча. Ощупывая его правой рукой, понял, что сломана ключица.

Галина же приехала не в этот, а на другой день. Хотела обидеться, что её не встретили, но, узнав о случившемся, смолчала. И как бы «замаливая» свои грехи, ухаживала за мной – беспомощным.

Ребята, с которыми я собирался ехать на учёбу, узнав о случившемся, во главе с Валерием Поповым пришли ко мне. Переживали. Уговаривали меня ехать на экзамены, обещая при этом оказывать мне всяческую помощь. Особенно Валера. Он так умолял, так просил меня, будто без меня ему и смысла нет ехать на сдачу вступительных экзаменов. Кто знает, как повернулась бы моя судьба, не случись такое в моей жизни.

Вскоре всё было продано. Оставался только дом. Но и на него нашёл-ся покупатель.

В августе 1956 года мы переехали в Абхазию. Первые дни жили в деревне недалеко от Сухуми, в доме знакомого дяди Саши, а затем – в съёмной комнатухе частного дома в районе железнодорожного вокзала. Хозяйка – русская шепутная женщина. Дядя Саша вскоре устроился в столярную мастерскую, Галина – в организацию по озеленению города. Мать долго не могла найти постоянного места работы. Я ходил в школу.

Ближе к зиме мы поселились в одной из комнат двухэтажного недостроенного дома, где хозяином был Иван Данилович Топчиян. Вскоре он уговорил Галину пойти работать в знаменитый Сухумский обезьяний питомник, где он был завскладом.

Кроме нас хозяева держали ещё квартирантов из Осетии. Три сестры. Они занимали одну комнату на втором этаже. Работали в торговле.

У нас у всех сложились очень хорошие отношения.

Наша комната располагалась на первом этаже. Маленькая, квадратов около десяти. Из мебели в неё поместились только две кровати, на одной из которых спали мы с Галиной «валетом». Стола не было. Школьные уроки я выполнял, можно сказать, лёжа в постели.

Учился посредственно. От лишних «неудов», я думаю, меня спасало участие во многих школьных мероприятиях: драмкружок, исполнение сольных номеров на концертных вечерах, участие в соревнованиях по некоторым видам спорта, но особенно игра в духовом оркестре школы. Когда я выучил несколько траурных маршей – а это почему-то далось легко – меня стали брать, освобождая от уроков, на похороны.

Мне это очень нравилось: мало того что этим я зарабатывал, хоть и небольшие, деньги на карманные расходы, но там нас кормили до отвала, угощали вином.

В нашем классе я не один был переростком. Были и старше меня. Полный интернационал: русские, украинцы, армяне, мегрелы, греки, абхазцы, грузины. Но отношения среди нас были ровные, без каких-либо ссор. Учителя тоже были скромные, справедливые по отношению к нам, ученикам.

У меня со всеми учениками были ровные отношения. Во втором полугодии, ближе к весне, я подружился с Вячеславом Бучаком. А произошло это так. Седьмого марта Галина принесла домой маленький букетик нежных, на коротких стебельках, разных расцветок цветов – это были «анютины глазки». Уходя в школу, я прихватил их с собой, чтобы подарить какой-нибудь девчонке. А кому – выбрать не мог, а может, и не хотел выделять одну из всех. В классе я появился одним из первых, там уже был Бучак. Вот в разговоре мы с ним и решили: каждой девчонке по цветку. Тем более что количество цветков и девчат в классе было равно.

Так мы и поступили. Каждой при входе в класс вручали цветочек. Многие из них были удивлены так, что, растерявшись, забывали сказать «спасибо». Одна Галя Аргуманян в знак благодарности сделала попытку прижаться своей щекой к моей, но не получилось – помешали её очки в огромной оправе.

Вот с той поры мы с Бучаком Славой и подружились. Жил он с матерью в одном из барачков, похожем снаружи на сарай. Но в комнате было хоть и тесновато, но чисто и уютно.

Мы много времени проводили вместе. Его мать не возражала против нашей дружбы. В этом же бараке (сарай) проживала семья учителя нашей школы – преподавателя физики. Как-то узнав, что я занимаюсь фотографией, попросил сфотографировать его на фоне барака. Я согласился и, выбрав более выразительный ракурс, сфотографировал учителя у входа в его комнатушку в бараке, стены которого и крыша были покрыты различными кусками жести и фанеры. Принимая из моих рук снимки, учитель, осмотрев их, сказал: «Вот я им покажу, в каких условиях живёт семья «Заслуженного учителя».

Переводные экзамены в восьмых и девярых классах были уже отменены, и меня по общегодовым отметкам перевели в девятый класс.

Галина, намучившись от проживания в тесноте и не найдя своего места в Сухуми, – а ей в ту пору шёл двадцатый год, уехала в Красноярск. Дядя Саша продолжал работать в деревообрабатывающем цехе, а мать зарабатывала тем, что находила временную работу то в каком-либо санатории, то в железнодорожных бригадных домах. Я тоже пытался каким-либо образом заработать на карманные расходы.

С одним из соседских парней взял нас к себе в помощники мужчина, который занимался строительством частных домов. В нашу обязанность входило приготовить и подать на леса раствор, поднести кирпичи, шлакоблоки, передвинуть или переставить леса и т.д. За отработанный день мужчина платил нам по тридцать рублей.

Где-то в конце июня дядя Саша ушёл от нас. Видно, ему тоже надоела бытовая неустроенность, хотя он, как мужчина, глава семьи, ничего, кроме как на основной работе, не делал. Ушёл к женщине, годами старше моей матери, зато у неё был свой дом с небольшим участком земли. Я же считаю, что он ушёл к другой женщине, как к будущей очередной жертве. Первый пункт его личной программы был выполнен: он нашёл «дурочку» в лице моей матери, с помощью которой ему удалось выбраться из Сибири, находясь в законном браке. Вторым пунктом было, добравшись до нужного (обязательно южного приграничного) места жительства, укорениться и, подыскав новую жертву, бросить нашу семью за ненадобностью. Что он и сделал.

Мать, настолько уже закалившаяся расставаниями с мужьями, вела себя так, словно ничего особенного не произошло. Я же решил, что мне необходимо искать постоянную работу, а учёбу продолжить в школе рабочей молодёжи. Мать это одобрила, но что она могла посоветовать мне, если сама прекрасно понимала, как трудно с работой в городе.

В конце июля она предложила мне пойти с ней в одно из лечебных учреждений, где периодически подрабатывала парикмахером, на собеседование с руководством о приёме меня на работу истопником. Мы сходили в это учреждение, где согласились взять меня на работу, показали помещение котельной и объяснили мои обязанности.

Дома мы продолжили разговор о моём трудоустройстве, планах на будущее. Я знал, что у матери есть три тысячи рублей. И я предложил купить две сотки земли, а оставшиеся деньги плюс заработанные мною направить на строительство времянки, как это многие делают, а затем и капитального дома. Вот расфантазировался! Мать молча слушала меня, иногда одобрительно кивала. А сама в это время была поглощена своими мыслями.

Но через пару дней все мечты рухнули – мать сразу же получила два письма. Одно из Красноярска от Галины, другое из Майкаина от тёти Таси Сенновой (в то время уже Албаниной). Все советовали матери возвращаться в Майкаин, где есть вакансия парикмахера и обещают содействие с жильём.

Прощай, работа, прощай, милый город Сухуми!

Итак, в середине августа 1957 года мы вернулись в рабочий посёлок Майкаин. От бывшего поселка мало чего осталось. Он изменился в лучшую сторону. Появилось много двухэтажных домов. Около сопки, которую мы называли «Скалка», стояло новое двухэтажное здание Дома культуры.

Приютила нас семья тёти Таси Албаниной, которая проживала в просторной трёхкомнатной квартире нового двухэтажного дома. Мать влилась в свой прежний коллектив. Вскоре ей выделили однокомнатную квартиру на первом этаже двухэтажного дома через дорогу от больницы городского.

Первого сентября я отправился в дневную школу. Но после конфликта с преподавателем физкультуры решил туда больше не ходить, а устроиться на работу и параллельно учиться.

Приняли меня на фабрику по обработке цветного металла учеником слесаря, закрепив за слесарем, которого звали Давид. Это был мужчина средних лет, спокойный, исполнительный, знающий своё дело. А дел было много: необходимо было следить за работой насосов – разных по техническим данным и устройству, классификаторов фильтрующих установок, а также флотационного оборудования. В случае выхода из строя того или иного агрегата меняли подшипники, турбинки, лопасти, диафрагмы в насосах, набивали сальники, меняли или добавляли смазку. Работа интересная, но очень грязная. Вечно в мазуте.

В один из воскресных дней я зашёл к Дурановым. Меня встретила тётя Фрося. В это время она занималась в палисаднике. Я спросил её, дома ли Валерий. Она ответила, что его дома нет и поинтересовалась, зачем он мне понадобился. Я ей что-то ответил. Тётя Фрося выслушала меня, ещё раз сквозь очки осмотрела меня и дала конкретный совет: «Не нужен тебе Валера. Он ещё мальчишка. Если хочешь подружиться, то жди Виктора». Он в то время работал в геологоразведке и должен был днями вернуться домой.

Так тётя Фрося своим материнским чутьём и советом надолго скрепила наши дружеские отношения с Виктором.

Я продолжал работать на фабрике. Быстро освоил свои функциональные обязанности. Давид не скрывал своего одобрительного отношения ко

мне. Доверял мне без его вмешательства устранять те или иные неисправности. Доверительно ко мне относилось и руководство. В январе 1958 года я был зачислен на должность слесаря.

Особую гордость за себя я испытал, когда однажды неожиданно для меня поручили мне подменить ушедшего в отпуск слесаря по КИП (контрольно-измерительным приборам). В мои обязанности входило следить за работой приборов, менять диаграммы. И даже был допущен в святая святых – в лабораторию, где помимо сбора и обработки данных диаграмм производилась контрольная плавка драгоценных металлов – золота и серебра.

В свободное от работы и учёбы в вечерней школе время я умудрялся принимать участие в художественной самодеятельности и в спорте. С Виктором мы не пропускали вечера танцев. Одновременно ходили в спортзал, где увлеклись боксом. Добились определённых успехов.

Майкаин разрастался. На окраине начиналась подготовка к строительству автобазы. Ожидалось поступление новых автомашин. Требовались кадры. Были открыты ускоренные, в два месяца, курсы по подготовке шофёров из числа жителей Майкаина. По окончании курсов обещали выдать новые «ГАЗ-51» и работу на уборке урожая.

Узнав об этом, я уволился с фабрики, и меня приняли на курсы. Учёба мне далась легко.

Когда до экзаменов оставалось недели две, я получил повестку для явки в поселковый военкомат.

Первоначально на автомашине нас отвезли на сборный пункт в г. Экибастуз, а затем в Павлодар – поездом.

Дня через два к железнодорожной станции г. Павлодара был подан эшелон из товарных вагонов. Нас, разделив по группам, рассадили по теплушкам, в торцах которых располагались наскоро сколоченные лежаки в два яруса. Неслучайно прихваченная с собой фуфайка служила мне, да как и всем, кто догадался её прихватить, и матрасом, и одеялом, и подушкой. Старшим у нас был сверхсрочник кавказской внешности. Много не говорил, но за порядком следил строго. Кормили нас хорошо. Еда готовилась в одном из вагонов нашего эшелона, и потому пища всегда была свежая, горячая. На второй день в вагон принесли два больших бумажных мешка. Один из них был заполнен сухарями, а второй пачками елецкой махорки.

В свободное от еды и перекуров время я или сидел у приоткрытых створок вагона, или валялся на нарах. В это время голова была забита воспоминаниями недавно ушедших дней. Почему-то вспоминалась одна из поездок в колхоз для оказания помощи по уборке урожая.

На фабрике нас набралось десять парней. Нам выделили автобус, выдавший виды. В группе были Дорогов Володя, Тактаров Алик, Баскенов, парень-казах, работавший электросварщиком, и другие ребята.

Автобус, рыча и громыхая, вёз нас по степи. Дорога предстояла долгая – километров за сто пятьдесят от Майкаина. Погода стояла мрачная.

В одном из аулов мы остановились у магазина. Решили чего-либо прикупить из еды и курева. Вскоре все стали возвращаться в автобус. Одним из первых зашёл электросварщик. Через плечо у него висела пара новеньких кирзовых сапог. Он сиял от удачного приобретения. В ту пору была проблема с обувью, тем более с кирзовыми сапогами. А сварщику они ой как были нужны: дело в том, что у него был дефект в ступне правой ноги. Мало того, что он ходил прихрамывая, но и обувь было трудно подобрать. А тут вот такая удача. В магазине сварщик примерил только один сапог, правый, а за левый нечего переживать.

В ожидании возвращения в автобус остальных сварщику захотелось ещё раз примерить сапоги. Правый сапог наделся легко, а левая нога в сапог не полезла, во что-то упиралась. Сварщик сунул руку в сапог и извлёк оттуда бумажный свёрток. Развернул – и то ли от испуга, или от неожиданности чуть не бросил пакет. В руках у него была пачка денег.

Пересчитали. Оказалось ровно одиннадцать тысяч. Что делать? Как поступить? Соблазн велик. Первое предложение прозвучало тут же: быстрее отъезжать, деньги разделить всем поровну. Получалось на каждого – с учётом водителя, по тысяче рублей. Мало кто из нас в то время имел такой месячный заработок. Кто-то спокойно заявил, что сварщик купил сапоги. Значит и всё, что в сапоге – его. Водитель – немец по национальности, говорил с большим акцентом. Он был немного старше нас. Его предложение было последним и решающим – деньги вернуть.

Я согласился с предложением водителя и тоже сказал, что деньги необходимо вернуть независимо от того, каким образом они попали в сапог.

Сварщик с каким-то облегчением выдохнул из груди воздух и, прихрамывая, пошёл в магазин, держа за пазухой свёрток с деньгами. Продавец – тоже молодая казашка – и сварщик быстро обсудили ситуацию. В знак благодарности она дала сварщику две бутылки водки и кусок колбасы. На радостях мы достали всё, что было у каждого припасено. Устроили общий обед.

... Ориентируясь по солнцу и названиям железнодорожных станций больших городов, я понимал, что наш эшелон следует строго на Запад. Сверхсрочник, следивший за порядком в теплушке, на наше любопытство отвечал коротко: «Военная тайна. Но не пожалеете, если будете вести себя хорошо».

Ехали долго с частыми и длительными остановками. Где-то на десятый день мы прибыли на конечную станцию. Это оказалась Москва.

Попал я в военную часть МВД, которая располагалась на окраине Москвы.

Борис БЕЛИК

Собачий вундеркинд

1

Желание завести охотничью собаку возникло у меня после возвращения из армии. Но реализовать эту мечту смог лишь после женитьбы. Моя супруга страстно любила животных и уговаривать её приобрести четвероногого друга не пришлось.

Первой собакой была сука породы русский охотничий спаниель чёрно-пегого окраса. Я принёс её домой в месячном возрасте вместе с кусочком тряпки, которую хозяин любезно оторвал от щенячьей подстилки.

– Запах этого лоскутка, – наставлял он, передавая мне щенка, – будет напоминать ей своё место и заглушит тоску по матери.

Расстелив принесённую со щенком материю поверх старого одеяла, мы с женой бережно поместили своего питомца на полу в изголовье кровати.

Назвали мы её Дианой. Диана оказалась беспокойным созданием. Невзирая на «магическую» ткань, она безумолчно скулила, настойчиво заглушая наши ласковые причитания, и продолжала жалобно завывать до полуночи, пока супруга не взяла её в постель.

– Ни в коем случае нельзя приучать собаку к кровати, – испугался я и вернул маленького возмутителя спокойствия на место.

Но не тут-то было. Диана стала настойчиво царапать спинку кровати, требуя восстановить статус-кво. Утро мы встретили в кровати втроём. Диана лежала между нами, мирно посапывала и лишь иногда жалобно издавала стоны, содрогаясь всем телом. Очевидно, ей снились кошмары предыдущего дня.

Не могу удержаться от желания поведать об одной детали, связанной с выбором нашего будущего члена семьи.

Когда мы пришли в городской клуб кинологов и обратились в секцию спаниелей, нас встретила энергичная женщина средних лет с обликом хищницы.

– Какой пол собаки желаете? – спросила она низким, густым контральто.

– Желательно сучку, – начал я.

– Сучка ласковой и... – продолжила было жена, но тут дама сверкнула ястребиным глазом и отрезала:

– Сучки – это женщины сомнительного поведения, а самку собаки называют сукой.

Эту терминологическую разницу я усвоил на всю жизнь. Поэтому, когда мне на пути попадались какие-нибудь дамы с собачкой и пытались деликатно выяснить – мальчик у меня на поводке или девочка, я громко отвечал – сука, после чего у милых женщин или очаровательных барышень пропадало всякое желание продолжать диалог.

С четырёх месяцев я стал выносить Диану на травку во двор дома. Бросал мягкие игрушки, постепенно приучая приносить их мне и отдавать в руки. В один из таких прогулочных дней Диана вернулась в подавленном настроении. Она беспокойно бегала по комнате, затем её стошнило, и мы увидели у лап яркий зелёный осколок стекла, который она незаметно от меня нашла и проглотила на улице. Мы с женой страшно перепугались, потому что в пасти были следы крови.

После процедур в ветлечебнице, когда страхи рассеялись, супруга в сердцах погрозила ей пальцем и обозвала нашу принцессу бестолочью. Диана опустила голову, как будто поняла, что совершила чудовищный проступок, и жалостливо посмотрела на нас исподлобья, что вызвало у нас небывалый прилив сочувствия к этому раскаявшемуся животному.

А чуть позже её укусила оса в мочку носа. Диана взвизгнула от боли и отчаянно забила по носу лапами. Я растерялся и своевременно не выдавил яд. К вечеру щенячий нос выглядел как старый разношенный башмак. Когда я возвращался с работы, открывал дверь, навстречу бежала Диана с квадратной головой, походившая на самодвижущуюся машину – бронетранспортёр, повизгивала, махала обручком хвоста, и эта картина вызывала невольную улыбку. Опасности для здоровья собаки не было. У неё сохранился хороший аппетит, она оставалась подвижной и, казалось, смирилась со своим состоянием.

Со временем опухоль с кончика носа переместилась ко лбу, и вместо глаз виднелись лишь небольшие щёлки. Это обстоятельство создавало для неё явные неудобства, потому что двигалась она неуверенно, иногда натыкалась на предметы, неожиданно возникающие на пути.

Эти два события в жизни по-детски непринуждённого щенка дали нам повод к переосмыслению первоначально созданного образа. Внешний вид и поведение его уже не казались нам столь элегантными и аристократичными, какими виделись после прочтения специальной и популярной литературы об этой породе собак.

И тогда мы дали ей «подпольную» кличку «Дуся».

Однако Дуська оказалась не такой уж простушкой, а, напротив, выросла очень сообразительным, вдумчивым и внимательным существом. У неё было прекрасное чутьё. Поиск дичи, особенно на открытой местности, она вела строго «челноком». Быстро отыскивала и приносила отстреленную птицу.

2

Но самыми необычными, я бы даже сказал, сногсшибательными способностями Дуся обладала при решении в уме различных математических задач. Причём не просто арифметических, а именно математических, поскольку помимо складывания, вычитания, деления и умножения чисел она извлекала из них квадратные и кубические корни, давала ответы на задания из области высшей математики.

Происходило это так. Я усаживал её напротив, произносил условие примера и спрашивал: «Сколько будет?». Плядя мне в глаза, Дуська начинала отрывисто гавкать. Как только я закрывал глаза либо изменял направление взгляда, она замолкала, продолжая внимательно следить за мной. (Впоследствии Дуся улавливала в моём облике или поведении любые, даже малейшие, изменения). Поэтому стоило мне в нужный момент только расслабиться, не отрывая от неё глаз, как она тут же прекращала лаять.

Эти невинные упражнения доставляли нам удовольствие и даже вызвали гордость за нашу воспитанницу. Поначалу эта забава веселила зрителей, но частое повторение упражнений стало вызывать у некоторых из них раздражение из-за неясности происходящего и подсознательное ощущение надувательства.

Как-то на вечеринке по случаю моего дня рождения собралось достаточно много родственников, друзей, приятелей, среди которых были и те, кто не знал о Дуськиных сверхспособностях.

По уже сложившейся традиции мы вывели на «сцену» Дусю. Многих она знала, поэтому не смущалась. Деловито уселась посредине комнаты, изобразив своим видом готовность к выполнению задания. Я обратился к публике назвать

арифметический пример, затем продиктовал его собаке, и та отчётливо огласила лаем нужный ответ. Далее следовали более сложные математические задачи, которые Дуська, не задумываясь, с лёгкостью решала. Наконец я задал ей свой коронный пример.

– Дуся, послушай меня внимательно, – и медленно, делая паузы между действиями, подключая тем самым к подсчётам всех присутствующих, продиктовал следующее условие: – Шесть умножить на три... От этого произведения отнять четыре... Всё разделить на семь... И к полученному результату прибавить три... А теперь, не торопись, ещё раз подумай и скажи... Сколько будет?

Дуська тут же начала гавкать. На счёте пять я моргнул, и она замолкла.

Разумеется, это была домашняя заготовка, и я знал ответ. Дурaczyć людей мы считали дурным тоном.

Кульминацией таких представлений были задачки из высшей математики.

– Ну а сейчас, Дуся, – обратился я к собаке, – вычисли... Интеграл от двух до восьми от единицы... Как, по-твоему, сколько будет?

Дуська отрывисто прогавкала шесть раз.

И вдруг одна из близких нам дам, видевшая и слышавшая не раз эти «цирковые номера», не выдержала и выпалила:

– Этого не может быть, ты, наверное, подаёшь ей какие-то знаки.

Происходило это представление поздно вечером. После этого «неслыханного» обвинения я в азарте щёлкнул выключателем, и в крошечной темноте повторил нашей «звезде» задание. Дуська без запинки прогавкала необходимое для ответа количество раз. Я торжествующе включил свет. Воцарилась гнетущая тишина. Не было ни вопросов, ни ответов. Как такое могло произойти, я до сих пор теряюсь в догадках. Вероятней всего, она видела очертания моего тела, и стоило мне шевельнуться, как тут же замолчала. Не знаю.

Если когда-то и случались ошибки в Дуськиных ответах, то исключительно по моей вине, когда я сам не знал или путался в конечном результате. Поэтому в ответственные моменты, особенно если задачка исходила от другого человека, я уточнял у него ответ, а затем уже обращался к Дусе. Она же не ошибалась никогда.

Если для меня с женой, знавших природу Дуськиных способностей, её исполнение «смертельных» трюков казалось шуткой, к которым, нужно сказать, Дуся относилась со всей серьёзностью, то совершенно непостижимым представлялось поведение людей, искренне веривших в сверхъестественные возможности животного, толковавших это явление не иначе как чудо, свершившееся на их глазах и начисто отвергавшее учение Павлова. Явлению этому, по их мнению, на сегодняшний день не было никаких научно обоснованных объяснений.

3

Дуськино умение не раз выручало меня в сложных ситуациях, когда требовалось отвлечь внимание грозных блюстителей порядка и обернуть собственный проступок в благопристойность.

Однажды я с друзьями совершил охотничью вылазку в район озера Балхаш. В целях передвижения к месту назначения мы использовали железнодорожный транспорт. Наша поездка до станции Лепсы проходила без особых сложностей. С помощью работников транспортной милиции мы вероломно втащили Дуську в вагон, в котором выкупили купе. Когда к нам вошёл проводник, мы напали на него первыми.

– Мы, товарищ, – начал атаку Володя, тыча ему билет, – представляем экспедицию, утверждённую президиумом Академии наук, и направляемся в Прибалхашье в поисках гнездовья розовой чайки.

– Ну, как вы понимаете, – продолжил я Володину легенду, протягивая свой билет, – найти гнездовье розовой чайки невозможно без собаки, поэтому в состав нашей экспедиции была включена эта сука, которую поставили на довольствие, выписали командировочные и купили железнодорожный билет. (После этого я протянул проводнику ещё один билет).

– Кроме того, работникам транспортной милиции приказано охранять нас и следить за тем, чтобы никто не беспокоил, – так третий член нашей экспедиции, Юрий Иванович, объяснил действия моих знакомых милиционеров и подвёл итог нашим разъяснениям. После чего проводника мы больше не видели. Из всех членов экспедиции промолчала лишь одна Дуська. Она по-хозяйски расположилась на матрасе нижней полки и равнодушно взидала на наши кривляния, пропуская мимо ушей бредятину, которую мы дружно несли, защищая свои и её права и интересы.

Менее чем через сутки мы с комфортом добрались до конечного пункта, и это обстоятельство вселило в нас уверенность, что обратная дорога будет такой же беспроblemной.

Мы ошибались.

Через пять дней пребывания в дебрях Бакланьих озёр мы выползли на трассу, где на условленном месте нас дожидался грузовик, доставивший на станцию, откуда через восемь часов мы должны были сесть в поезд. Билеты продавались только за два часа до прибытия состава, но наши коллеги по работе заверили, что повода для беспокойства нет, после чего препроводили в местную гостиницу.

Прежде чем поведать о перипетиях, с которыми мы столкнулись в гостинице, следует обрисовать наш вид. Со дня посадки в поезд в Алма-Ате, а также в период нашей транспортировки к месту охоты (включая нахождение в поезде) и последующего пребывания в угодьях, мы не брились, не очень добросовестно умывались и уж совершенно не следили за своей одеждой и обувью. Я думаю, после этих уточнений читателю будет нетрудно представить, как мы выглядели. К тому же наши измождённые, неумытые и небритые лица, частично видневшиеся из-под огромных рюкзаков, выражали крайнюю напряжённость, которая невольно передалась служащим гостиницы, внимательно следившим за нашим передвижением. Замыкал эту группу не очень опрятных граждан я, тащивший на поводке измученную грязную собаку с обвисшими ушами и потухшими глазами.

Наличие и вид животного не могли оставить равнодушными работников сферы обслуживания. Как только мы, не останавливаясь, нырнули было в тёмные коридоры дома для заезжих гостей, за нами с воплями бросились трое смотрителей во главе с дежурным администратором. Перебивая друг друга, они на ходу пытались разъяснить, что сюда с собаками «не положено». Мы прибавили «обороты» в надежде скрыться за дверью заранее приготовленного для нас номера, но разъярённые женщины в чёрных халатах довольно быстро настигли нас и следом втиснулись в комнату, застыв у порога, как изваяния.

– Немедленно уберите собаку, – решительно потребовала дежурная.
– Послушайте... – попытался я вклиниться.
– Ничего не хочу слышать. Или выводите собаку, или я вызываю милицию.
– Да постойте вы со своей милицией, – возмутился я. – Вы что себе вообразили? Это вам что – дворняга из подворотни? Это уникальное животное, занесённое в книгу Гиннеса.

– Дуся, – обратился я к собаке. Очевидно, осознав серьёзность момента, она преобразилась и устремила на меня внимательный взгляд. – Скажи-ка товарищам, если от десяти отнять три, сколько будет?

Дуська прогавкала семь раз и приготовилась к дальнейшим заданиям.

– А если шестнадцать, – продолжал я, – разделить на четыре, сколько будет?

Из «уст» Дуси прозвучал правильный ответ.

– Да если б вы знали, – не унимался я, – как носились с этой собакой в лучших гостиницах Европы, когда она демонстрировала там свои способности! Например, в гостинице «Inter-Continental» на Hamilton Place в Лондоне – если вы бывали в Лондоне, то это на Piccadilly, напротив Hyde Park – так там ей был выделен отдельный номер! Только одних полотенец по три комплекта в сутки меняли, не говоря уже о дорогих наборах косметики. Да с неё, в буквальном смысле, пылинки сдували... Задайте сами любую задачу из школьной программы или, если хотите, из высшей математики.

Женщины напряженно молчали. Дуська за время моего монолога внимательно следила за каждым моим движением, интонацией голоса, в любой момент готовая включиться в разговор.

– Ну, скажем, дорогая Дуся, корень квадратный из четырёх, сколько будет? – добивал я притихших работников гостиницы «Лепсы».

После извлечения Дуськой квадратного корня из цифры четыре, а затем из девяти, и прослушивания чётких ответов на поставленные вопросы, администратор попятилась назад, увлекая за собой двух других сослуживцев. Когда дверь за ними тихо затворилась, мы, корчась от смеха, повалились на кровати...

Наша посадка в поезд проходила в час ночи. Пассажирский состав оставался на станции на одну минуту. За это время нужно было достучаться до проводника, либо найти какую-то открытую дверь в других вагонах. Это был отчаянный штурм, сопровождаемый криками безысходности, чрезвычайными по силе своего проявления ударами по вагонным дверям и окнам первого купе.

Когда же мы, громыхая посудой, привязанной к рюкзакам, ввалились в вагон, поезд уже тронулся. Первое, что мы услышали, не успев перевести дух, была грозная команда проводницы: «Собаку в нерабочий тамбур!».

Часам к двум я отыскал злополучный тамбур, постелил на железный пол куртку и уложил собаку. А когда через четверть часа после того как устроился в купе согласно купленному билету вернулся проведать Дуську, то увидел её жалкую, трясущуюся в этом холодном помещении, оглушённую бряцающими, лязгающими звуками, издаваемыми несущимся на скорости железнодорожным составом. Я решительно завернул несчастное животное в подстилку и отнёс в служебное купе своего вагона.

– Вы будете нести ответственность, если с этой собакой что-то случится, – строго заявил я очнувшейся от сна проводнице и, указывая на бедную животину, надрывным голосом закончил свою гневную тираду. – Это гордость и достоинство республики.

После чего, не давая грозной железнодорожнице опомниться, усадил Дуську на коврик и спросил:

– Дуся, скажи тётё, если отнять от девяти шесть, сколько будет?

Дуся отчеканила цифру три.

– А восемь разделить на два, сколько будет?..

В глазах проводницы появились признаки заинтересованности.

– А если десять умножить на пять, сколько будет?

Как только Дуся пустилась отсчитывать цифру пятьдесят, проводница взмолилась.

– Хватит! Оставляйте Дусю у меня, – и ласково взглянула на собачьего вундеркинда.

г. Алматы.

Людмила ЛАЗАРЕВА

Посох Байбосына

Фантастическая повесть

(Окончание. Начало в № 5 за 2013 г.)

Удачная охота

Центр Мира, опора Вселенной! Что по силам тебе, великан, исполин, старый дуб? Ты в единое целое землю и небо вобрал, даже мир подземелья, тебя своим братом признал.

Воскрешение душ и молитвы людской ты алтарь. Прегрешения в камень уйдут, дождь омоет, очистит слезами. Всё едино – пространство и время. Всё едино – что было, что есть и что будет. Да, бессмертие имя твоё, древо жизни!

Дервиш Бекбосын впервые видел, как два его друга растаяли, как воск, в огне соблазна за одну ночь. Его настораживало и раздражало неожиданное появление женщины в лагере мужчин. Каждый жаждал (даже Бекбосын, что уж себя обманывать) остаться наедине с красавицей. И каждый не мог переступить той невидимой черты, когда чувство собственника пересилило бы чувство уважения друг к другу. Какое будущее ожидает одинокую молодую женщину в обществе троих мужчин? Стать женой одного из них, оказаться сладостным трофеем для всех, и позже быть проданной как рабыня? Дервиш испугался джинов огня и отказался от ночной пери. Теперь, по праву сильного или по старшинству за трофей могли поспорить купец и батыр.

Взять в путешествие по Шёлковому Пути Гульназ было бы самым недуманным решением. Любая встреча даже с небольшим количеством всадников, а особенно с караваном рабов, привела бы к кровопролитию, виной всему женская красота. Кто из воинов или караванщиков откажется умыкнуть сладостную добычу?

Остаться здесь надолго тоже не выход. Всё равно придётся выбирать. Идти вперёд или возвращаться с наложницей в родное кочевье.

В любом случае, женщина мешала.

Бекбосын нехотя, но решил уйти из лагеря, продолжив путь в Индию через Китай самостоятельно. Ему не привыкать делить собственную тень между луной и солнцем.

– Я не знаю, увидимся ли ещё, – сказал на прощание дервиш. – Буду ждать вас за ясеновой рощей три дня, не больше. Потом ищите вдоль реки. Останавливаться и жечь костёр буду каждую ночь ещё четыре дня. Не найдёте, значит, ушёл через перевал один.

Когда Бекбосын скрылся из виду, купец Байбосын серьёзно посмотрел на Гульназ. Соблазн, предчувствие неги, порой больше, чем сама нега или даже страсть. Девушка играла с белкой, подбрасывая её с ладошки на

ладошку. Дикая тварь леса казалась совершенно ручной. Батыр ходил кругами, не давая возможности поговорить с гостьей наедине.

– Что нам с ней делать? – серьёзно спросил Байбосын.

Гульназ попыталась скинуть надоедливую белку с рук. Весёлая игра начинала надоедать. Но белка каждый раз запрыгивала на плечо, требуя продолжения.

– Пери не испарилась, значит, она обыкновенная женщина, – Бибосын отличался откровенностью и не любил неопределённости, – и должна принадлежать одному из нас. Я возьму её с собой, приведу женой в своё кочевье. Старшие братья будут очень рады возвращению воина.

– Мои младшие тоже, – прошептал Байбосын. Многие говорили, что давно пора завести семью и родить сына. Но душа требовала перемены мест, привычка – почти характер. Каждый раз казалось, что завтра купец встретит женщину лучше, красивее, преданнее или даже моложе... В планы Байбосына никак не входило именно сейчас принять дар судьбы. Вот если бы эта встреча произошла чуть позже, когда Байбосын вернулся бы домой с караваном, гружёным шелками Китая и пряностями Индии... Драгоценности можно положить в чумал, который охраняет белая змея, дух китайчонка Ли. А женщина на дороге – всегда лёгкая и желанная добыча.

Девушка не всё поняла в странном мужском разговоре, но нотки соперничества почувствовала моментально. Ей было не привыкать крутить мужскими сердцами в городе. Как быть здесь? Остаться без защиты, значило погибнуть от диких зверей и голода. Выбрать в спутники одного из мужчин, значит отказать другому. Примет ли другой её выбор? Гульназ не знала ни обычаев, ни законов времени куда попала, но она точно определила, что командовать ситуацией здесь ей никто не даст. Время упущено.

Единственным оптимальным вариантом было вернуться в лагерь к Арману и Профессору. Как это можно сделать? Во-первых, оставаться на месте и тщательно проверить поляну, где был лагерь, тропу, валун, и кострище. Во-вторых, постараться удержать на этом месте двух воинствующих мужчин при этом не перессорить их. А в-третьих, если не получится вернуться, то придётся... Что придётся? Ой, об этом не хотелось даже думать!

– Я не хочу быть препятствием на вашем пути, – вот что могло бы спасти Гульназ! Их нужно объединить одной целью. Она по привычке поправила копну иссиня-чёрных волос, притягивая взгляды. – Помогите мне вернуться в свой город, пожалуйста. Или на то место, откуда я пришла. Меня ищут, я знаю.

– Дерзкая! Горячая, как дикая кобылица, – Бибосын был восхищён настойчивостью и непримиримостью женщины. Удивительно, но она не сдавала позиции и на что-то ещё надеялась, – зачем тебе город, где люди, как пчёлы? В моём кочевье тучные стада овец, лошадей, море кумыса и белая юрта.

– Твой город, где он? Веди, – согласился мудрый купец.

– Алматы очень далеко отсюда, по дороге на машине почти двенадцать часов.

– На чём?

– Ну, – быстро поправилась Гульназ, – если на лошади, то приблизительно четыре-пять дней.

– У тебя есть семья? Кто твой отец, братья? – настаивал Байбосын, его раздражали фантазии глупой девчонки. Он точно знал, что на расстоянии четырёх дней пути нет дороги в город с таким именем.

– Я в семье единственная дочь. Отец умер три года назад. Мама вышла замуж второй раз и уехала в Европу с мужем. Мы с бабушкой в трёхкомнатной квартире живём. У нас хорошая библиотека. Нет, это слово вы не знаете... Лучше так. У нас дома много свитков на русском, казахском и английском языках. Я обыкновенная студентка, понимаете?

Гульназ решила заболтать, заговорить бдительность мужчин, чтобы они опять раскрыли рты, с удивлением слушая её сказки о будущем.

– Значит, калым платить некому. Это хорошо! – обрадовался батыр.

– Ты умеешь говорить на языке урусов? – не поверил купец.

– Конечно, и не только, – Гульназ решила выстрелить наповал и продекламировала с выражением стихи Пушкина, потом перешла на английский и скороговоркой прочла топик по системе образования в Англии, некогда вызубренный наизусть, чтобы получить у англичанки зачёт в институте.

– Достаточно! – крепыш Бибосын схватил девушку за руку и бросил в сторону, та упала на колени, заплакала. Никто из мужчин не любит, когда женщина умнее его. – Ещё слово, и я сделаю тебя не женой, а рабыней без языка.

– Подожди, друг. Давай проверим, говорит ли она правду, – купец Байбосын тоже был не в восторге от непонятной болтовни, но во всём старался найти рациональное зерно. К тому же ему необыкновенно понравилась Гульназ и он решил не отступать. – Гульназ, покажи где был ваш лагерь, откуда ты пришла к нам с охапкой дров. Это не далеко?

– Конечно, покажу! – Гульназ соскочила, забыв, что ещё минуту назад плакала и побежала по тропинке. Мужчины за ней. – Там есть камень, большущий такой, именно возле него я и заблудилась.

Ни купец, ни батыр не могли понять, как можно заблудиться возле камня.

Все трое пошли по тропе. Дорогу показывала Гульназ, Байбосын следом, последним Бибосын.

– Косуля? – хруст веток привлёк внимание Бибосына. Ему надоело ходить на привязи за полусумасшедшей красавицей. Охота – более захватывающее занятие. Вот принесёт свежее мясо к костру настоящий воин, сердце женщины и дрогнет.

Боковым зрением, Байбосын отметил, что воин уходит всё дальше и дальше, не желая более участвовать в детских играх.

Гульназ не заметила отсутствия Бибосына. Её тревожило другое. Вот камень! Только тропинка еле видна и, кажется, деревья вокруг немного другие. Гульназ ступала медленно, через шаг вздыхала, не узнавая тех мест, где ещё вчера кокетничала с Арманом. Наконец она вышла на предположительное место палаточного лагеря. Поляны не было, среди густой травы стоял огромный дуб, раздвинув ветвями, как руками, вокруг себя огромное пространство. Как среди елового леса мог прорасти такой гигант, было совершенно не понятно. Здесь царила особая атмосфера, дуб

диктовал собственные условия окружающему миру, не позволяя другим деревьям посягать на его территорию. Стайка пёстрых бабочек поднялась в небо, испугавшись непрощенных гостей.

Девушка поняла, что выбраться из прошлого самостоятельно ей никогда не удастся.

– Кажется, здесь, – всхлипнула несчастная и обернулась. Перед ней стоял лишь Байбосын. – А где...

– Ушёл за косулей, – Байбосын был несказанно рад, что друга не оказалось рядом. Купец обнял Гульназ, посмотрел прямо в глаза. Странное дело, он чувствовал, что пери не лжёт, значит, фантазирует? Верит в собственные сказки? Скоро она будет думать совсем о другом.

– Я не хочу, ты не посмеешь, – объятие было слишком крепким.

Глупое дитя сопротивляется? Байбосын не хотел применять силу и потому решил на хитрость. Гульназ услышала низкий гортанный звук «о-о-м-м-м-н-н-н», в голове крутились странные образы обнажённых тел, вспышки фиолетового и алого цветов, она не могла оторвать взгляда от мужчины и сама поцеловала его.

... Пряный воздух цветущих трав, тишина, пение птиц, назойливая пчела касалась лапками золотого цветка, торопясь назло всему собрать пыльцу и только потом покинуть сладкое место. Гульназ даже не поняла, как оказалась лежащей в густой траве. Она не сопротивлялась, почти не слышала звуков рвущейся одежды, задыхаясь от настойчивых поцелуев и жадных объятий, девушка закрыла глаза, отдавая себя воле победителя. Она ещё надеялась, что всё происходящее – странный сон.

Бибосын всегда получал удовольствие от охоты. Выследить сразу осторожное животное не получилось, поэтому он появился у кострища только под вечер. Бросил молодую косулю на камень, ожидая благодарности и восторженных взглядов. Но был крайне удивлен отсутствием кого-либо у потухшего огня.

Охота! Что может быть притягательнее, чем быть сильнее, хитрее и проворнее дикого зверя? Только победа в поединке.

Почувствовав неладное, батыр сорвался с места и побежал в направлении камня, читая следы людей. Вот они, лёгкие, как от копытца косули, женские отпечатки ног, девушка покружила, сломала мимоходом ветку, бросила её, на ветку наступил мужской след. Вот пошла медленнее, поступь уверенная, здесь немного засеменила, видно растерялась.

Опытный охотник читал тайное, не поднимая головы. А здесь что? Мужские и женские следы друг против друга. Трава чуть измята, далее сломана под тяжестью человеческих тел. Что там, за корявым стволом дуба? Зелёный купол узорчатой крыши, сквозь которую пробивались солнечные лучи уходящего солнца, дразнили бликами, несколько мух копошились на разорванном женском платье, жадно поглощая алую лужицу. Кровь!? Как он посмел? Ревность билась в висках барабанной дробью.

Глаза воина налились ненавистью, когда он увидел Байбосына спящим в объятиях обнажённой пери! Воин взял лук, натянул тетиву, но опустил смертоносное оружие. Куда направить жало наточенной стрелы? Кого

убить, его или её? Время тянулось густым мёдом. Батыр застыл, любуясь телом пери: длинными ногами, тонкой талией, белейшей кожей, иссиня-чёрной гривой волос, в которых запутались руки бывшего друга.

У купца была удивительная способность чувствовать опасность заранее. Вот и сейчас, он проснулся именно в тот момент, когда батыр натянул тетиву лука. Впервые в жизни Байбосын не стал спорить с судьбой, лишь открыл глаза и в упор посмотрел на соперника, отдав всё на волю Всевышнего.

Гульназ не почувствовала, как сильные мужские руки подняли её, перенесли на другое место, положили на землю, укутали тёплым плащом. Она проснулась лишь поздно ночью, у костра. Кто-то сидел к ней спиной и ворошил раскалённые угли, поджаривая свежее мясо.

– Как вкусно пахнет! Ар, я хочу шашлык, – Гульназ потянулась, улыбнулась, вспомнив странный сон. – Представляешь, что мне приснилось...

Человек обернулся, встал, провёл у самого лица деревянной палочкой с ароматным жареным мясом.

Гульназ сглотнула слюну, в глазах засверкали слёзы. Оказывается, это был не сон? И всё, что произошло с ней за последние два дня не её большое воображение?

– Ешь, – Байбосын кормил с рук, наслаждаясь выражением лица женщины в свете ярких языков пламени. – Мой друг Бибосын не только хороший охотник, но и благородный мудрец. Он ушёл, не прощаясь, оставил нам половину туши косули.

Насытившись, Гульназ облизнула губы и попыталась встать, натягивая на себя ткань плаща.

– Почему я без одежды?

– Я разорвал, помнишь? – в глазах засверкали искорки огня.

– Нет.

Байбосын нежно провёл пальцами по белоснежному плечу, скинул в сторону тряпичное препятствие, цокнул от удовольствия. Впервые в жизни он почувствовал, что перед ним именно та женщина, которая должна остаться рядом на всю жизнь. И что будет дальше, не важно. Самое важное уже произошло.

– Нет, – затрепетал испуганный голосок.

– Да, моя пери, да.

Гульназ высвободилась из крепких объятий только под утро, когда силы иссякли и богатырский сон свалил мужчину наповал.

Она не знала что делать: плакать от бессилия или смеяться от радости. Всю жизнь Гульназ ждала приключения, достойного её воображения и фантазии. Ещё в пятнадцать лет, вовремя вырвавшись от одного из настойчивых поклонников, девушка поклялась, что никому не позволит играть с ней, как с куклой. И сама выберет достойного мужчину, способного не только обеспечить будущее, но полюбить раз и навсегда. Как удавалось

хитрой Гульназ ускользать и не терять головы, знала только она сама. А мужчины, потратившие на неё чувства, деньги, эмоции и уйму времени, достаточно часто были рады отказу больше, чем согласию, по одной простой причине. Удержать в узде дикую, свободолюбивую и своенравную Гульназ не мог никто! А кому хочется признавать победу за женщиной?

В последнее время Гульназ считала, что выбор сделан. Её однокурсник, умничка Арман, пусть и молод, но перспективен, надёжен и, самое важное, достоин особого внимания. Именно поэтому девушка сделала всё возможное, чтобы попасть в летнюю экспедицию, где проходил практику Армаша. Экзамен у Профессора она завалила, что немудрено. Но узнать, куда и когда назначена экспедиция не составило особого труда. Остальное было делом техники, убеждения, некоторых финансовых вливаний и настойчивости в достижении поставленной цели.

Кто же знал, что авантюра закончится так неожиданно, и красавица-студентка непонятно как окажется в другом временном измерении? Благо, хоть физическая точка этого временного измерения не изменилась.

Но как перевернулось ощущение мира за несколько дней!? Гульназ поняла, что встретила того единственного, настоящего мужчину. Чувство оказалось взаимным, Байбосын тоже нашёл свою любимую.

Первое, что пришло в голову Гульназ утром, было естественное желание принять душ и выпить чашечку кофе. Ручей с ледяной водой без труда смог заменить контрастный душ, ласковый тёплый ветерок – махровое полотенце. Кофе в постель никто не предлагал, но в пиале, что стояла на камне у кострища, светился отвар из горных трав.

А как быть с одеждой? Поискав взглядом хоть что-нибудь, Гульназ наткнулась на мешок, висевший на ветке. Внутри обязательно что-нибудь найдётся. Девушка бесстрашно сунула руку внутрь и вытащила вместе с небольшим золотым украшением в виде свернувшейся пантеры, какой-то шнур... Это была белая змея! Змея зашипела, но странное дело, не укусила, а стала принюхиваться, тюкаясь раздвоенным языком в запястье. Рептилия узнала запах хозяина.

– Милая, мне бы чего одеть... и только, – прошептала Гульназ, уронив на землю фигурку золотой пантеры. Змея соскользнула с руки и поползла куда-то в сторону. Девушка за ней.

Мир был похож на рай. Пели птицы, стрекотали кузнечики, шёлковая трава стелилась под босыми ногами обнажённой, даже змея была где-то рядом!

За деревом, на корнях огромной ели Гульназ нашла аккуратно обработанную свежую шкуру косули с отрезанной головой и очень испугалась. Одно дело есть мясо, приготовленное руками мужчины, но совсем другое глядеть в мёртвые глаза животного, которое ещё недавно бегало по полянкам, радуясь жизни.

Змея вновь зашипела, проползла ещё пару метров, обвила непонятно откуда взявшийся огромный посох. Рядом с посохом лежал спортивный костюм алого цвета и кроссовки.

– Спасибо, милая. Давай я тебя и эту палку отнесу Байбосыну, – Гульназ быстро оделась, взяла посох в руки.

Сказано – сделано. Вот и потухшее кострище, любимый мужчина сладко спит на траве, обняв пустой плащ, будто женщину.

– Байбосын, – Гульназ поцеловала седеющий висок, – спит. Я сейчас пошучу.

Фантазии слабого пола нет предела, как иначе понять тот факт, что женщина, сама того не ведая, порой совершает удивительные поступки. Поступки, которые способны изменить мир вокруг.

Гульназ пересадила белую змейку назад в мешок, а посох продела в плащ, что обнимал Байбосын. На плащ посадила любимицу белку, но та не желала быть послушной и скрылась в траве.

У Гульназ появилось время всё спокойно обдумать, сопоставить произошедшее.

Как и когда находка, которая сейчас должна быть в далёком будущем оказалась вновь здесь? Неужели друзья нашли способ связи? В первую же ночь, у кострища появился шёлковый платок с вещами дервиша. И дервиш ушёл, чтобы не соблазнять себя общением с непонятной женщиной. Воин Байбосын ещё до того, как уйти, признался, что видел тени внутри костра, и именно они вернули пропажу Бекбосына-дервиша. Значит, вот когда была первая попытка! Совсем недавно – вторая, она тоже удалась наполовину, посох на месте, а вот Гульназ в тот момент рядом не оказалось... Будет ли третья? Уходит время. Ещё немного и Байбосын тоже покинет эти места. Куда он пойдёт? Куда поведёт свою женщину? Как страшно оказаться в полной неуверенности! Может быть, так и надо? Уйти с любимым неизвестно куда – и пропади всё пропадом. Но что с ней будет дальше? Она не знает этого мира, не умеет делать многое, чему с малых лет учили других девочек в кочевьях. Гульназ вздохнула и решила протянуть ещё пару дней, чтобы дать третью попытку Профессору (а кому же ещё?) прорваться сквозь время.

Что для этого нужно предпринять? Естественно, вновь развести костёр, ублажить мужчину вкусной едой, а может, и не только едой.

– Схожу за хворостом, – решила молодая жена, – разожгу огонь, приготовлю мясо, соберу трав для чая, скажусь уставшей, усну. Что дальше? Будь что будет.

Её тянуло к камню, с которого всё и началось, или закончилось.

Гульназ, не торопясь, собирала сухие ветки вдоль тропинки, а подойдя к валуну, почувствовала слабость.

...Что-то ухнуло сверху и пролетело над самой головой, задев ногтями волосы. Гульназ вскрикнула, зажмурилась, но хворост из рук не выпустила. А когда открыла глаза, оказалось, что вокруг ночь. Слабый луч фонаря освещал тропинку.

Байбосыну снился сон. Мальчишка лет шести, плачет, тянется к матери. Та причитает, просит отца смиростивиться и не посылать любимого сына к дервишам на учёбу. Мама не понимала, зачем нужно ломать ребёнку детство, обрекая его быть мюридом и скитаться по дорогам, прося милостыню, как последнюю благодать Всевышнего. Но отец не слушал, резко оторвал Байбосына от юбки.

Вдруг, что-то ухнуло сверху. Тень, похожая на сову пролетела над самой головой, задев когтями волосы. Сон, как рукой сняло. Мужчина протянул к себе свёрнутый плащ, надеясь вновь задохнуться от восторга обладания самой желанной из женщин. Но вместо упругого тела в плаще был завёрнут его посох! Посох, который пропал, когда у костра появилась луноликая дева. Посох, вырезанный китайчонком Ли из ветви священного чёрного дерева, вновь вернулся хозяину. Неужели он ничего не взял взамен?!

– Гульназ, – купец почувствовал неладное. – Гульназ, ты где?

Ответа не было.

Хватит сказок, фантазий и неожиданностей. После бессмысленных поисков Байбосын решил немедленно покинуть это странное место.

Но в эту минуту по его спине пробежали лёгкие женские пальчики, коснулись волос.

Неужели? И где она пряталась?

– Мы уходим, – приказал Байбосын. Обернулся, а вокруг никого! Лишь белка, прирученная возлюбленной за одну ночь, спрыгнула с мужского плеча.

Она умела летать

Между миром Богов и миром людей ясень древний простёр в небо ветви. Одинокое дерево вблизи родника удержалось за камни. Пусть проходят века, но дарует покой сень листвы золотой. Чудотворная ясеня сила – сила корня, впитавшего соки земли. Улетает печаль, благодать солнца путника греет. Амулеты и руны магической власти полны.

Байбосын ворошил угли костра, стараясь разглядеть в живых пылающих огоньках ответ на самый важный вопрос. Куда и почему исчезла его возлюбленная?

Когда прошло несколько дней, он догнал ушедших далеко вперёд друзей. Теперь Байбосын позволил себе немного расслабиться. Человек не может постоянно находится в напряжении. Умение быстро отдохнуть и перевести сознание в состояние покоя, это всего лишь практика, которой учили в далёком детстве мальчика-мюрида мудрые дервиши. Именно в такие минуты – резкого перехода от физической нагрузки к медитации – в голове рождались самые удивительные мысли.

Байбосын вновь и вновь прокручивал каждую минуту последних дней, вспоминая странные, необъяснимые обычной логикой события.

Целый день он искал Гульназ среди девственного леса. Он просил помощи даже у Великого Тенгри. Затянула грозовая туча кобальт неба. Гром, молнии, проливной дождь обрушились на голову путника. Несчастный успел спрятаться под корнями огромной ели, что росла неподалёку. Именно здесь он оставил прежнее алое одеяние Гульназ. Но её одежда пропала, на этом месте появился небольшой странный предмет. В голубую бумагу была завёрнута пластинка в несколько квадратов чёрно-коричневого цвета. Удивило отменное качество бумаги. Купец знал в этом толк, и потому с особым трепетом отнёсся к дару небес. На синем фоне летел

золотой орёл, удерживающий крыльями золотое солнце, слева изысканный восточный орнамент и надпись на непонятном языке из того же золота. Подробно разглядеть в вечерних сумерках находку можно было только при вспышках молний. Неужели пери так решила напомнить о себе? В том, что Гульназ – настоящая пери, Байбосын теперь не сомневался. Он сжал предмет в руках и через некоторое время почувствовал, как то, что находилось внутри, стало мягким, податливым, как глина. Сладкий запах, немного похожий на запах индийских пряностей соблазнял попробовать находку. Некогда твёрдый коричневый кусочек растаял в горячих руках, оставалось слизнуть то, что лежало на ладони. Вдруг сильный порыв ветра сорвал с руки золочёную бумагу и унёс в неизвестном направлении. Ночь, проведённая под корнями ели, дразнила сладко-горьким послевкусием.

Кутру ливень прекратился. Байбосын собрал нехитрую поклажу, проверил, на месте ли его белая змея, и вдруг упёрся носком сапога в фигурку свернувшейся золотой пантеры. Странно, как женское украшение могло выпасть из его седельной сумки? Никого, кроме хозяина не признавала белая змея, неужели она укусила Гульназ? Женщина притрагивалась к древнему золоту скифов, но змея не тронула её. Почему? Неужели, они договорились? Пери вернула священный посох хозяину и... И осталась жива, улетев в свой город-улей под названием Алматы.

Байбосын протёр желтый металл от налипшей земли, подумал, что подарил бы нечто подобное Гульназ сегодня утром в знак любви.

Но зачем об этом думать именно сейчас, когда дарить некому? Мужчина продел сквозь лапы пантеры небольшую верёвку, завязал узлом на запястье. Пусть хоть изящный хищник напоминает ему об ушедшем. Теперь он точно знал, пери не вернётся. Мужчина решил ещё раз заглянуть на поляну, где рос великан-дуб и где Гульназ стала его женой.

Поляна, некогда похожая на рай, дымилась, источая горький запах обожжённой древесины. Дуб оказался тяжело ранен – одна из молний разорвала на две части огромный ствол. Половина дерева, опалённая небесным огнём, от тяжести собственных ветвей рухнула, продолжая тлеть. Байбосын наступил на ствол, вырвал тонкую щепу, соединяющую живую и мёртвую часть дерева, оттащил тяжёлые ветви в сторону, потушил остатки огня и, не оборачиваясь, покинул разорённую поляну.

Нужно было торопиться, чтобы нагнать ушедших ранее Бекбосына и Бибосына. Что им сказать? Правду? Но правда очень похожа на сказку, на волшебное приключение.

Байбосын уходил всё дальше и дальше, а назойливая память нашёптывала голосом любимой мамы, давно ушедшей к арухам*, старую легенду.

«Ангелы неба кочуют с ветрами в горах и пустынях, – голос матери забыть было невозможно, – те, кто хоть раз увидел их лёгкие белые юрты, стоящие на серебряных и золотых шестах, их шёлковые ковры и волшебные танцы, навечно оставались поклонниками летучих дев. Мужчины

* Аруахи – души предков, живущие вечно. Память и уважение к предкам рода.

теряли покой, постоянно сравнивая небесных красавиц с обыкновенными женщинами. Лишь избранным удавалось получить в дар любовь настоящей пери! Она умела летать, носила золотые или алые одежды, могла превращаться в птиц и зверей, обладала ясновидением и часто рассказывала о будущем, как о настоящем. Но рано или поздно жена-пері покидала юрту мужа, возвращаясь в небесное кочевье. Иногда, пері рожали от земных мужчин детей. Сыновья становились батырами, о которых в степях слагали легенды. А дочери превращались в бесплодных албасты^{**}, наводящих ужас».

Байбосын спустился по крутому склону каменного ущелья вниз и двинулся вдоль бурной реки Чарын. Причудливые формы каменистой пустыни окружили путника, внушая особый трепет. Среди сказочной страны песчаных скульптур, страны дивов и приведений, которые обитали среди деревьев гигантов в рощах ясеня и туранги^{***}, время таяло, исчезало за ненадобностью. Испокон веков, люди поклонялись этим деревьям как аруахам и вырезали из сухих ветвей ясеня обереги от злых духов.

В другое время Байбосын обязательно бы остановился в ясеновой роще дня на два, любясь изысканными красотами природы. Но не сейчас. Он только обнял самое большое дерево, прижался, будто делился переживаниями, и вдруг почувствовал, что за ним наблюдают. На ветке ясеня сидела белка. Как она здесь оказалась? Неужели покинула любимый еловый лес и решила последовать за Байбосыном? Или это душа пери вновь дала о себе знать?

– Гульназ! – позвал он белку, слабо надеясь на чудо.

Пушистое создание приняло приглашение. Белка тут же запрыгнула на посох Байбосына.

Кровавый закат опустилсЯ в каньон неожиданно быстро, украшая пейзаж фантастическими очертаниями, способными привести в благоговейный страх любого из смертных. Но даже закат не тронул сердце Байбосына, он продолжал идти до тех пор, пока звёзды и луну на небосклоне не сменило кровавое солнце.

Забравшись в дупло одного из гигантов-ясеней, купец переждал ночь и уже на рассвете, будто заново родившись, вновь пустился в дальнюю дорогу. Отважная белка повсюду следовала за ним.

Ближе к вечеру следующего дня, купец добрался до места, где бурная Чарын впадала в полноводную реку Или. Еще несколько часов вдоль берега и путник с радостью увидел костёр и двух мужчин сидевших рядом.

Байбосын шёл на огонь уже в крошечной темноте.

Перед друзьями вновь появился тот, кого считали навсегда потерянным, околдованным чарами небесной пери. На удивление, женщины рядом не было, зато на плече сидела белка, а в руках вновь появился посох.

^{**} Албасты – демон в женском обличье, связанный с водной стихией, может принимать образ животных.

^{***} Туранга – тополь.

Гульназ не могла толком понять, как произошло то, что произошло. Пошла за хворостом в тёмную ночь, испугалась филина у большого камня – оказалась в другом измерении, в прошлом. Но самое удивительное, что Гульназ именно там встретила настоящую любовь, единственного мужчину, с которым готова прожить всю жизнь.

Вновь пошла за хворостом (уже будучи в прошлом, но только ранним утром), испугалась филина у того же большого камня – вернулась в другое измерение, в настоящее. Но потеряла связь с самым долгожданным из мужчин, с которым была готова прожить всю жизнь.

Как так получилось? Почему? Кто поможет найти ответ?

Профессор был настолько рад вновь увидеть Гульназ, что даже приплясывал от удовольствия. Его распирало от любопытства и гордости. Варис везде ходил следом, как щенок на привязи, не давая даже вздохнуть без его ведома. Арман, наоборот, казался сосредоточенным, почти ничего не говорил, но старался быть постоянно на глазах, потому как ждал Гульназ, как манну небесную. А вот новый знакомый, Семён, действительно удивлял на каждом шагу.

Во-первых, это именно он нашёл канал связи с прошлым через какие-то врата или коридор. Во-вторых, Семён сумел правильно рассчитать время, когда Гульназ появится у камня. В-третьих, непонятно как, но он умудрился задержать врата времени на определённом месте почти три дня! В-четвёртых, этот парень был действительно умничкой, настоящим гением. Он совершенно не кичился знаниями и умением совершать настоящие чудеса, считая их лишь работой. И последнее, Семён излучал спокойствие, был красив, как Апполон, высок ростом, смущался от излишнего внимания женского пола. Одним словом, не мужчина, а мечта!

– Ах, как жаль, что ты не появилась в женской одежде того времени, – вздыхал Профессор. – Кстати, почему ты её сняла?

Гульназ покраснела и отвернулась, глаза были полны слёз.

– Тебя кто-то обидел? Кто? – Вырвалось у Армана. Он прекрасно понимал, что прошлое изменить нельзя. А как хотелось набить морду любому, посмевавшему тронуть его любимую.

– Нет-нет, – смутилась Гульназ.

– И всё же...

– Меня называли волшебной пери и кормили жареным мясом косули. А одежда... Просто шёл ливень, я промокла, поэтому и переделась.

– Ливень? Ливень пойдёт днём позже, – Семён внимательно посмотрел на собеседницу, – хотите кофе, шоколадку?

– От кофе не откажусь, а шоколад всегда со мной, – Гульназ сунула руку в карман. – Странно, кажется, я его потеряла.

– Там? – зацепился за сказанное Профессор. – Это не есть хорошо.

– Профессор, вы тоже кое-что здесь оставили. Надо бы вернуть.

– Да? А как я ещё докажу, что Гульназ побывала в прошлом? И что временные потоки, способные передвигаться сквозь пространство, как лифт, реально существуют? Знаете, сколько нового я нарыл, изучая древние артефакты? Девочка, что с тобой?

Обилие переживаний за последний период не могли пройти даром, Гульназ вновь провалилась в сон, как тогда, под дубом...

– Она упала в обморок?

– Спит, дыхание ровное, – прошептал Варис. – Можно я её отнесу в палатку?

– Я сам! – Арман не понимал, как быть дальше и что делать, если дикая ревность переполняла душу.

– Оставьте её здесь, у костра. Принесите оборудование, мне нужно провести некоторые исследования. Даже хорошо, что уснула, – голос Семёна требовал полного послушания. Он умел убеждать.

Варис и Арман сорвались с места и скрылись в палатке. Только когда их не стало, Семен позволил усомниться в словах девушки.

– Профессор, я точно рассчитал, Гульназ должна была проявиться в нашем времени до дождя в той временной точке. Она намеренно нас обманывает или чувствует параллельный мир?

– Почему параллельный?

– Мы до сих пор с вами находимся в переходном промежутке... Там ночью действительно прошёл ливень. Надо бы проверить.

– Зачем? Прощу, не надо. Ты всё сделал, чтобы восстановить стабильность. Я отвечаю за тебя пред командой Рябина.

– Моя команда меня съест, если я не проведу весь комплекс исследований. Позвольте присоединиться к вашей экспедиции?

– С удовольствием, – обрадовался Профессор. – А вот и наши мальчики. Ну что, включаем датчики?

Гульназ сладко спала, а четверо мужчин, стараясь особо не беспокоить, облепили липучками с проводами каждый её пальчик, виски, запястья, лоб в области зоны третьего глаза.

Арман следил за дыханием, Варис за постоянно меняющимися показателями на экране своего монитора, Профессор что-то записывал и цокал от удивления. А Семён закинул руки вверх, потянулся, лёг на землю и закрыл глаза. На его груди пульсировал странный предмет, похожий на светящуюся подвеску.

– Тихо! – предупредил Профессор, чтобы никто не тревожил Семёна. – Не спугните удачу. Он, кажется, попал в волну... Ей Богу, попал!

Лишь после полуночи Семён с трудом оторвался от земли. Будто пьяный, глаза налиты кровью, странное выражение блаженства на лице.

– Наркоты наелся, – Арман не мог без замечаний. – Как себя чувствуешь, гений?

– Что? – не понял Семён. – Ребята, я спать. Отключите Гульназ от системы. Всем на боковую. Профессор, завтра в путь.

– У нас слишком много поклажи и оборудования, – растерянности Профессора не было предела. – Как минимум, нужны лошади, но где их взять?

– Я договорился, в шесть утра придут. В пять тридцать подъём и завтрак. Выходим в семь.

– Когда успел договориться? – нетерпение било ключом даже у Вариса. – Куда выходим?

– Не знаю, поведу по следам Байбосына. Каньон, ясеневая роща, горная река впадает в полноводную. Потом вдоль берега и немного направо. У вас есть карта?

– Обижаешь, конечно, есть. А кто такой Байбосын?

– Спать, всем спать.

Что познаете вы, человечество грешных?

И на каждом клочке необъятной Земли, где подземное царство рождает из семени тонкий росток благодати, у людей есть великое счастье, взрастить своё дерево жизни! Как назвать его, важно ли? Главное, БЫТЬ на планете! Ощущать каждой клеточкой времени связь и пространства моменты. И при этом, корней не терять, не терять постоянства. Пусть слагают о нас сказки, мифы, легенды. Карагач и секвойя, баобаб, ель, осина, баньян и ашока, ива гибкая, яблоня, фикус, олива... Старцам время даровано – пульсом в венах, в веках, жизнь проходит неспешно.

Что познаете вы, человечество грешных?

Рассказ Байбосына стал настоящим откровением не только для друзей, но и для него самого. Ночь казалась особенной, и сказанное в густом фиолетовом мареве таяло, как тает роса на горячих ладонях. Огромный диск луны освещал серебром землю. Большая Медведица, повозкой вечности, медленно шла по млечной дороге ослепительных звёзд.

Искры от костра поднимались вверх, рассыпаясь алыми светлячками в разные стороны.

Байбосын не выпускал из рук посох, поглаживая его, как тело женщины. И лишь после, когда поток слов иссяк, в сердцах воткнул его в землю.

– Как ты мог её упустить? – батыр Бибосын сжал кулаки, стараясь не показывать особого раздражения. Он не мог забыть образ обнажённой пери, лежащей в траве у корней огромного дуба. – Зачем Великий Тенгри уберёг тебя от страшной смерти, вонзив огненный меч в дерево на день позже?

– Великий Тенгри разрубил мою жизнь напополам, – ответил Байбосын, опустив голову.

– Не торопитесь делать выводы, – дервиш Бекбосын был рад, что связь его друга и небесной пери прервалась так скоро. – Что заведено до нас, будет и после. Пери рано или поздно покидают наш мир, оставляя обутленные сердца влюблённым в них мужчинам. Даже дети, рождённые по обоюдной любви, никогда не удержат пери. Почему ты считаешь, что достоин исключения из правил?

– Успокойл, – купец Байбосын встал и воздел руки к небу. – О, Всевышний, услышь и приди к нам, рассуди смятение души человеческой, помоги вернуть возлюбленную или дай надежду любящему сердцу. И если будет на то воля неба, я изменю свою жизнь, остаток дней проведу в молитвах и буду помогать каждому, нуждающемуся в поддержке и понимании.

– Помоги, Всевышний, – поднялся воин Бибосын. – И если будет на то воля неба, я буду защитником слабого, помощником убогого, наставником

безродного. Прошу, Всевышний, сделай так, чтобы однажды душа друга моего и моя душа прикоснулись к душе небесной пери.

– Великая ночь, – прошептал дервиш Бекбосын. – Я клянусь этим звёздам, земле предков, луне и солнцу, что никогда не забуду этой ночи. Даже если придёт день покинуть бренный мир, я буду верен клятве, и даже после смерти буду оберегать душевный покой моих друзей, моего народа и постараюсь сделать жестокий мир чище, справедливее.

Сильный ветер раздул огонь и в свете искр перед мужчинами возникли две фигуры в белом. Они спускались с небес по лунной дорожке, не касаясь земли.

– Да будет так, – прозвучал рядом чуть охрипший незнакомый голос. – Дорога в Мекку – ваш путь.

– Паломничество – ваш выбор, – второй незнакомый голос оказался на удивление низким, бархатным. – Да будет так!

Видения исчезли, как предутренний туман.

– Что это было? – Переспросил Бибосын.

– Небесные ангелы слышали нас, – дервиш поклонился тому месту, где растаяли облики небесных посланников.

– Ангелы, как мне вас называть? – закричал Байбосын. – Есть ли у вас имена?

– Закарияс, – зашелестела трава.

– Санжар, – ответил огонь.

.... Утром следующего дня друзья обнаружили, что сухой посох, который Байбосын воткнул в землю несколько часов назад, дал зелёные побеги. А недалеко от костра забил родник с чистой водой, по вкусу напоминающей талый снег. Не посмел купец лишить молодые побеги жизни. Более того, он полил водой из родника посох, чтобы тот быстрее дал корни, моля ангелов Закарияса и Санжара приглядеть за даром небес.

Утром следующего дня из седельной сумки Байбосына выползла белая змея и обвила ожившее дерево, показывая людям, что остаётся здесь навсегда.

Друзья решили отменить поход в Китай и направиться паломниками в далёкую Мекку, как было предсказано этой ночью.

Уходя, друзья поклялись, что будут навещать святое место всякий раз, когда судьба разрешит оказаться в этих краях.

Уходя, каждый из них знал, что жизнь может разметать в разные стороны, но гибель в бою или тихая смерть от старости рано или поздно вновь соединит их души здесь, у посоха Байбосына.

Уходя, каждый из них был уверен, что вернётся.

К всеобщему удивлению, слова Семёна по поводу переезда, оказались правдой. Ровно в шесть утра на поляне появились двое местных жителей и четыре лошади.

Договорились так. Проводники помогают дойти до Чарына и указывают безопасную тропу, чтобы спуститься в каньон. Лошадей необходимо будет сдать одному из их родственников, проживающему в селе Аулие-Агаш близ Жаркента.

Путешествие верхом для Гульназ оказалось полной неожиданностью. В далёком детстве ездить без седла её учил прадед, который пас скот на высокогорных джайлау. Но прошло так много времени. Усидит ли она в седле сейчас?

– Тело человека обладает мышечной памятью, – успокаивал Арман. – Не бойся, я выбрал для тебя самую смирную лошадь.

То, как Арман ухаживал за девушкой, невозможно было скрыть. Да он и не пытался. Наоборот, парень всячески давал понять окружающим, кто теперь его неусыпная забота.

Семён молча согласился, но одарил Армана странной улыбкой, будто знал что-то особенное и категорически не хотел делиться секретной информацией ни с кем.

Варис понял всё. Арман прошептал ему на ухо перед завтраком такое, что быстро отрезвило гения-малолетку. Действительно, наука важнее. И зачем Варису отвлекаться? Материала насобирали на докторскую диссертацию! Но её ещё написать надо.

Профессор же получал истинное наслаждение, наблюдая, как яростно Ар взялся исполнять его поручение. Вот что значит правильно расставить приоритеты! И волки сыты, и овцы целы.

Вот он, Чарын! Легенда и вечная тайна земли Казахстана. Выжженная за лето солнцем территория напоминала фантастический пейзаж. Оголённые скалы более двенадцати миллионов лет выбивались льдами, ветрами, дождями. Настоящая Долина замков, в которых живут редкие породы птиц, в щелях прячутся ящерицы и змеи, а в ясеновой роце нашли приют косули, волки, лисы, зайцы и много других живых существ.

Кто рискнул спуститься в каньон хоть раз, на всю жизнь запомнит его экзотическую красоту.

– Ух! – выдохнул Семён, разглядывая островерхие иссиня-чёрные пирамиды, красно-рыжие колоннады и белые валуны, похожие на окаменевших животных. – От меня и до того ясеня расстояние в миллионы лет! Прапрапрадед ясеня наверняка пережил ледниковый период, а на его ветви садились первые пернатые того времени...

Человек в Чарыне чувствует особое единение Земли и Времени. Обычно, люди оперируют равными понятиями окружающего мира. Но не здесь! Ускользящее чувство вневремения, подобно тончайшему наитию души, поражает каждого.

– Где-то здесь поднимали пыль сапоги моего Байбосына, – прошептала Гульназ и спешила, присела, пропуская сквозь пальцы горячий песок. Вдруг она почувствовала лёгкое дыхание в затылок. Обернулась – никого. Это бродяга ветер играл прядями её волос. Молодая женщина улыбнулась, представила, что любимый где-то рядом, и... успокоилась. Она ещё глубже опустила в песок руки, нащупала что-то твёрдое. К всеобщему удивлению, вынула на свет небольшое украшение, похожее на свёрнутую в кольцо пантеру.

– Что это, Профессор? – спросила Гульназ, протягивая учёному находку.

– Боже! Звериный стиль золота скифов здесь? Это невероятно! Так, дорогуша, не бывает. Признайтесь, вы решили меня проверить на профессионализм. Данная пантера из коллекции вашей бижутерии?

– Возможно, – Гульназ повела пальчиком по металлу и мстительно прищурила глаза. – Тогда эта находка моя и только моя. Никому не отдам!

Теперь Гульназ была уверена, что никто и никогда не вычеркнет из её памяти ни одной минутки, проведённой с Байбосыном. Какая разница, что он едет верхом лет восемьсот назад... А она сегодня держит под уздцы выючную лошадь. Всё происходит на одной земле, пусть даже в разные моменты времени. Возможно, её лошадь идет след в след по его тропе. Возможно, Байбосын нашёл именно ту золотую пантеру, которую уронила Гульназ у костра и потом сам потерял её во время перехода по Чарыну. Что значит, возможно? Да именно так всё и происходило! Она чувствовала кожей то, что нельзя объяснить или даже просто сказать, потому как слова – лишь звук, эхо, которое отскакивает от мудрых скал Чарына и тает в веках.

Путешествие оказалось на удивление плодотворным. Варис на каждом шагу останавливался, а потом вообще спешился и заявил, что никогда не видел ничего подобного и не знает куда больше обращать внимание: на скалы по сторонам или не отрывать взгляда от земли, где можно найти даже окаменелости древних животных. Естественно, собирать гербарий, изымать некоторые окаменелости просто так в охраняемой природной зоне категорически запрещено. Именно поэтому Профессор заранее получил разрешение на комплексное исследование этой территории. Так прошёл день, ближе к вечеру экспедиция с радостью обнаружила на своём пути зону отдыха. Остановились, хорошо поужинали, особым блаженством оказался для всех обыкновенный душ, и сон.

А потом вновь верхом в новый день. Нет ничего приятнее чувства, похожего на ностальгическое дежавю. Душа впитывает окружающий мир, как губка воду, наполняя сердце покоем и умиротворением. День тянется густым мёдом, перетекает солнечным диском по горизонту от восхода до заката.

Вечером второго дня путники вошли в посёлок Аулие-Агаш и без труда нашли дом, где нужно было оставить лошадей.

Посёлок оказался на удивление аккуратным, с широкими улицами, большой школой и даже собственным дендрарием, посаженным школьниками. И люди приветливые, гостеприимные. Хозяин арендованных лошадей предложил не только отведать вкусного плова, но и отдохнуть в его доме.

От угощения никто не отказался. По случаю прибытия гостей зарезали барана. Уже за столом Профессор попросил оставить часть ненужного оборудования в сарае хозяев на несколько дней и показать дорогу к старому карагачу Аулие-Агаш, в честь которого назвали бывший посёлок Ленсовхоз.

Вот она, роща молодых крепких деревьев, укрывшая легендарное дерево. Все корни являются единым целым, стволы – отростками, священное дерево – отцом прародителем. Все ветви смыкаются подобием шатра, будто здесь установлен сильнейший магнит. Но так не бывает, законы природы никто не отменял. Живое всегда тянется к солнцу, а

здесь-то наоборот! Не к солнцу, но в центр зелёного шатра. Именно туда, где растёт огромный карагач. Более семисот лет он охраняет эту землю от распрей и хаоса, создавая пространство гармонии. Корни питаются силой прошедших столетий. Ствол, как символ настоящего. Огромная крона обнимает небо и дарит приют любому, пришедшему поклониться священному дереву Киели-Агаш, так его сейчас стали называть.

У дороги экспедицию встречала женщина средних лет. Никто не говорил ей о том, что Профессор, три молодых парня и девушка приедут сюда именно сегодня, сейчас. Но Рая-апа, как звали женщину, призналась, что встречает именно их! Ночью святые духи Киели-Агаш предупредили о дорогих гостях. Особенно внимательно она посмотрела на Гульназ, улыбнулась, взяла за руку и повела к роще, не обращая внимания на сопровождающих мужчин.

Они прошли по асфальтированной дорожке вдоль нескольких небольших домиков, мимо цветущих клумб и вышли к входу в священную рощу. Под металлической аркой на земле грелась большая бело-серая змея.

– Она пришла, – чуть поклонилась Рая-апа змее, будто спрашивала разрешения пройти внутрь зелёного шатра. – Радуйся.

Никто ничего не понял, только Семён как-то странно посмотрел на Гульназ, улыбаясь своим мыслям.

– Я боюсь, – призналась девушка. – Вдруг укусит.

– Тебя? – Рая-апа удивлённо повела плечом. – Великая удача встретить белую змею у священного дерева. Это хороший знак, поверь мне.

Змея нехотя отползла в сторону, уже через минуту хвост рептилии исчез в густой траве.

Огромный карагач встретил вошедших в рощу раскинув ветви, как крылья, будто захотел показать, что при желании может и улететь. Лишь одна огромная сухая ветвь, как раненная рука упала на землю, но так и не покинула ствола.

– Почему бы не убрать сухостой от живого дерева? – спросил Арман.

– Нельзя, – серьёзно ответила Рая-апа. – Тот, кто осмелится нанести вред священному дереву, погибнет.

– Но я же вижу, сухая ветвь была срублена. И тот, кто срубил, был действительно наказан?

– Конечно. Это произошло во время Великой Отечественной войны. Пришли люди, отец и сын, в одну из холодных зим решили пополнить запас дров, чтобы не замёрзнуть. Местные жители предупреждали, что ничего нельзя уносить со священного места, но не послушали пришлые, взялись за топоры. Отец залез на карагач, и стал рубить самую большую ветвь. Рухнула она и вздрогнула земля, зашумел ветер. Но люди продолжали рубить священное дерево. И тогда снежный ураган сбил человека с дерева, выбросил его в сторону. Скончался отец то ли от страха, то ли от удара о землю. Испугался его сын, бросил топор, волоком потащил отца вон, подальше от разгневанного карагача. Но и второй не избежал наказания. Смерть настигла вандала через несколько метров. Никто не знает, почему точно умерли те двое, их замёрзшие тела нашли на следующий день у самой границы рощи.

– Страшная история. Неужели, правда?

– Правда. На святых местах нельзя кривить душой, – гордо подняла голову Рая-апа. – Я с семьёй живу здесь более десяти лет. Столько повидала за это время... Кто с болью приходит душевной – обретает покой. Кто приходит с просьбой об излечении от болезней детей, себя или родственников – укрепляется телом. А кто с обидой да мыслями крамольными на святую землю ступит – в лучшем случае не получит ничего.

– А в худшем? – Варис ловил каждое слово удивительной женщины.

– А в худшем, обиду затаит, мол, не помогло священное дерево обогатиться или обмануть кого. Значит, и не священное оно, а само обманом является.

– Я вот тоже в чудеса не верю. Для науки важны только факты. Остальное выдумки.

– Любая обида одного человека – энергия отрицательная. Она несравнимо мала с мощью дерева-исполина. Именно поэтому злому человеку всё назад и возвращается, настроил против себя – получи. Я, как могу, стараюсь просить духов, живущих здесь не обижаться на глупых и жадных. Сами получают то, что заслужили.

– А как вы здесь оказались? Давно ли в этих местах?

– Более десяти лет. Моего мужа духи выбрали святыню охранять. Жаль, но человек не вечен. Ушел к аруахам муж, а перед смертью он мне обязанность смотреть за этим местом передал. Сейчас рядом дочка, внуки. А меня не станет, им заветом будет смотрителями жить. Так хотят духи. Значит, так и будет. Что вы обо мне да обо мне.

Идите, обнимите дерево, прижмитесь к его животворной коре, станьте частью единого мира, порадуйте себя и святое дерево прикосновениями.

Обняли ствол Профессор, Арман, Гульназ, Семён, Варис, Рая-апа. Да не получилось замкнуть кольцо рукопожатий. Очень уж толстым оказалось основание.

– Сюда бы ещё одного, седьмого человека. Может, и обхватили бы Аулие-Агаш.

– Седьмой рядом, его не видно пока, – Семён смутился, будто лишнее сказал.

– Помолчи, прошу, – Арман не придавал особого значения словам Сени, он был поглощён странными ощущениями, будто не к коре дерева ладонь прикоснулась, а к крепкому плечу человека.

Долго ещё бродили друзья вокруг карагача. Внимательно слушали рассказы зрителя о других деревьях этой рощи. Где три ствола из одного корня, где пять... А у самых корней можно собрать странную жидкость, которая появлялась из ствола.

– Смотрите, – закричала Гульназ, показывая куда-то вверх. – Там белка по ветвям прыгает.

– Белка? – Удивился Профессор. – Дорогуша, белки в этих краях не водятся. Ты ошиблась, не смотри долго вверх, голова закружится, не такие галлюцинации увидишь.

– Белка – это хорошо, – улыбнулась Рая-апа. – Она не каждому является. Значит, ты пришлась по сердцу священному дереву.

– Что это? – спросил дух Байбосына у друзей. – Неужели я дождался, и она... Она идёт ко мне навстречу.

– Благодарю Всевышнего, услышаны наши молитвы. – дух Бибосына облетел ствол дерева. – Это действительно наша пери.

– Благословенна земля под её ногами. – дух Бекбосына тронул зелёные листья горячим дыханием ветра. – Скажите, вы видите то же, что и я?

– А что видишь ты? – дух шустрой белки перепрыгнул с ветки на ветку. – Она не пери, обыкновенная молодая женщина, что когда-то приручила меня.

– Она не пери, – дух змеи белым облачком обвил основание ствола. – Обыкновенная женщина, которая ждёт ребёнка. Вокруг беременных всегда летают ангелы.

– Ангел Санжар, неужели она действительно носит в своём чреве младенца? – если бы душа Байбосына обрела человеческое тело, то он бы не знал, куда девать себя от счастья.

– Я же говорил, среди пери никогда не было твоей Гульназ. – ангел Закарияс давно так не радовался. – Гульназ – обыкновенная женщина. Пришло и её время появиться на земле предков.

– Поздравляю, – Санжар прикоснулся крылом к долгожданной госте. – Кого ты хочешь, Байбосын, наследника или наследницу?

– Сына!

– Да будет так. Он прославит твой род.

Вот уже несколько месяцев Профессор с группой студентов старшекурсников обрабатывал информацию, полученную во время летней экспедиции в горах Заилийского Алатау, на территории каньона Чарын и на священной земле карагача Киели-Агаш.

Арман, Варис и Гульназ в итоге оказались хорошей командой, надёжной и совершенно не болтливой. Работали дружно, слаженно, почти без конфликтов, но со свойственной молодости бесшабашностью.

И всё же без происшествия не обошлось. Институт загудел, когда поздней осенью стала заметной беременность красавицы Гульназ. Свадьбы не было, так кто же отец? Несомненно, Арман. Именно он трепетно оберегает сокурсницу, не давая ей даже ступить без его ведома. Арман почти приклеился к Гульназ, не обращал внимания на сплетни и вёл себя на удивление корректно со всяким, кто пытался поддеть нерадивого папашу.

Жизнь есть жизнь. Поболтали да отстали от команды под руководством Профессора.

Ребята взяли одну тему диплома на троих и всячески помогали друг другу. Многие завидовали Гульназ. Надо же, как пристроилась, мужики за неё всё делают, пишут, работают. А родит весной, так совсем лафа! Придёт, сдаст в дружном коллективе диплом, и получит заветную корочку. Хитра, ох и хитра девчонка! Студенты института разделились на две части. Одна часть считала, что это её дело, и

нечего лезть в чужую жизнь с расспросами. А другая, куда вошли тайные и явные поклонницы Армаши, всячески пытались соблазнить парня, отправляя любовные послания, откровенные фотографии или вытаскивали на свет давние любовные приключения соперницы. Но никто не мог понять одного: почему Гульназ на удивление спокойна и уверена, она даже не требует от Армана немедленного похода в ЗАГС до рождения ребенка.

– Гульназ, давай поженимся, я свою фамилию и отчество сыну дам. Хватит капризничать, подумай о будущем серьезно. Как ты его одна воспитывать будешь? А жить где?

– У бабушки. Она меня во всём поддерживает и поможет всегда. Пойми, не могу я вот так просто взять и изменить любимому человеку.

– Кому? – Арман показал куда-то вверх. – Ты в своём уме? Скажи ещё, жить под карагачом решила, чтобы к муженьку поближе быть. Пойми, он давно уже дух, сказка, легенда, прошлое. Я твоё настоящее!

– Моё настоящее здесь, – Гульназ нежно погладила кругленький животик. – И будущее тоже здесь. Ты прости меня, не вини ни в чём. Приглядишь, сколько вокруг тебя девчонок вьётся.

– Мне нужна только ты! Я подожду. И не рассказывай, кто настоящий отец ребёнка. Люди злые, им легче объявить тебя сумасшедшей, чем поверить в то, что произошло на самом деле.

– Здесь ты прав. Свою карьеру и будущее малыша под удар я не поставлю, где и как был зачат мой сын, останется тайной.

Наука есть наука, она требует точности, логических выводов, основанных на железобетонных доказательствах, фактах и, как ни странно, необузданной фантазии.

– Итак, други мои. Я получил от Семёна информацию, основанную на долгих исследованиях. Результаты интересные, и я обязательно вас с ними ознакомлю. Но не сейчас. После защиты дипломного проекта. То есть после того, как вы официально станете работниками моей лаборатории на совершенно законных основаниях.

– Профессор, – Гульназ улыбнулась, медленно поменяла позу, поддерживая ладошками живот. – Я на работу позже выйду, когда декретный отпуск закончится. Но в ближайшее время я вам доставлю массу приятных хлопот.

– Мне? – Профессор растерялся, Гульназ была настолько непредсказуема, что довольно часто ставила в тупик. – А я тут причём?

– А кто же меня из прошлого вытащил? Вы с Семёном. Сидела бы там сейчас, мужу бешбармак готовила, юрту в порядок приводила. Верните назад, если вам мешаю.

– Что ты, что ты! – всплеснул руками Профессор. – Голуба моя, ты наш талисман и самое потрясающее открытие века. К чему капризы?

– Я не хочу быть подопытным кроликом. И сына в обиду не дам, так и знайте. Если что, сбегу в горы, найду тот самый камень и...

– Довольно, – Варис понял, как не на шутку завелась Гульназ. – Давайте, отрепетируем некоторые детали защиты дипломной работы.

Мы должны быть готовы к любым вопросам. Может, что новое промелькнёт, предлагаю мозговой штурм.

– Валяй, – Арман протянул беременной капризуле очищенную морковку.

– Итак, – Варис встал, взял мелок и подошёл к доске. – Если что не понятно будет...

– Начинай уже, – дала отмашку Гульназ. – Слушаем.

– Рассмотрим задачу с несколькими неизвестными. Что мы имеем? Со слов Раи, на территории Киели-Агаш обитают следующие бестелесные существа: ангелы Санжар и Закарияс. Они передают людские пожелания Всевышнему. Духи троих мужчин, некогда живших на территории Казахстана лет 700-800 тому назад. И дух белой змеи более полутора метров длиной. Иногда проявляется дух белки, хотя вокруг на сотни километров голая степь и камни. Теперь обсудим каждого фигуранта, как говорят в полиции... Байбосын – не то купец, не то дервиш. Именно он, согласно легенде, воткнул в землю посох, который за ночь дал корни и выпустил несколько веток с зелёными листочками. (Надеюсь, Профессор вы поделитесь с нами в скором будущем более точной информацией). Именно Байбосын, по словам Гульназ, является отцом нашего будущего младенца, не так ли?

Армана передёрнуло от последней фразы.

– Эта информация при защите будет излишней, – стукнула кулачком Гульназ. – Забыл?

– Согласен, прошу прощения. – Варис в поклоне прижал ладонь к сердцу, стараясь жестом и скорбным взглядом вымолить прощение.

– Какое образование мог получить Байбосын? Хороший купец обязан был не только уметь считать и писать, но и владеть как минимум тремя языками, если ходил по Шёлковому Пути. – Профессор был как никогда серьёзен. – В детстве, он мог попасть к дервишам и быть мюридом. И лишь потом стать купцом. Смеем заметить, многие считают дервишей монахами, но данное утверждение спорно! Дервиши могли жениться, иметь дома и даже жить собственной жизнью, но при этом обязаны были делиться всем и не привязывать себя имуществу.

– Далее, – терпению Вариса можно было позавидовать. – Мы не знаем точной даты, рождения ни одного из священных духов, охраняющих карагач, но имеем некоторую информацию по возрасту самого дерева. Путём несложных вычислений, предположим, что событие с укоренением посоха могло произойти между 1212-1312 годами нашей эры. Причём, я убеждён, что дереву больше чем восемьсот лет.

– А был ли посох? – Профессор подлил масла в огонь. – Да, мы отправили назад в прошлое, сухую палку, принадлежащую одному из троих мужчин. Но что это доказывает? То, что она укоренилась в одну ночь из-за перемещения во времени? Возможно, росток карагача или даже роща уже росли в то время, и посох – лишь миф.

– Логично, – улыбнулась Гульназ. – Тогда красивая легенда рассыпается, как картонный домик. Нет легенды – нет духов, нет священного дерева, нет чудес и выздоровлений сотен людей на протяжении веков, нет

самого дерева! Всё перечисленное – эффект плацебо? Но священное дерево стоит, растёт и каждую весну распускает клейкие листочки. Можно не верить в легенду, но нельзя не верить собственным глазам и телу! Я сама видела троих мужчин, побывав в прошлом, и могу описать каждого из них. Я ничего не знала до прыжка во времени о святом дереве Аулие-Агаш. И рассказала вам об этих людях гораздо раньше, чем мы встретились с нашей любимой Раей. Посему, считаю некорректным ваше заявление, Профессор.

– По устным преданиям известно, что во время монгольского нашествия в священной роще спряталась конница кипчаков в полторы тысячи человек, – Профессор прищурился и хитро посмотрел на студентов. – Деревья укрыли кипчаков, и преследователи проскакали мимо. А когда у нас началось нашествие монгол? В 1218 году. Значит, уже в 1218 роща была! И ей, чтобы спрятать конницу, уже должно быть хотя бы лет пятьдесят. Следовательно...

– Следовательно Киели-Агаш не семьсот, а около девятисот лет? – Арман соскочил с места и стал ходить из стороны в сторону. – Или роща, которая укрыла кипчаков, находилась в другом месте. Или посоха Байбосына просто не было. Или история с посохом была, но к тому времени была и сама роща?

– Дельное замечание, други мои, – поаплодировал Профессор. – Хочу заметить, что первоначально кочевые племена здорово сопротивлялись вторжению монголов в Степь. Присоединились добровольно лишь некоторые, остальные только после полного поражения. Именно в 1237 году значительная часть монгольской армии во главе с Батыем получили новое название – татаро-монголы. Но оставим пока данную тему и продолжим дискуссию.

– Да, да! – попытался вставить хоть слово Варис. – Вот что можно считать константой по времени – исторически проверенные даты! Но плавающая точка отсчёта тоже имеет право быть.

– Согласен, – перебил Арман. – Легенда о священном дереве жонглирует временем в плюс-минус сто лет! В нашем случае это слишком много. Мы точно знаем конкретную дату и время исчезновения Гульназ, а так же её возвращения в настоящее. Следовательно, и дату укоренения посоха Байбосына на основании расчетов Семёна можно определить плюс-минус несколько дней, а не десятков лет.

– Варис, теперь ваше мнение, – руководитель группы был явно доволен учениками. Вгрызаются в проблему, как голодные волчата в первую добычу.

– Со слов Гульназ, – Варис вежливо кивнул головой в сторону студентки, увлечённо догрызающей морковку. – Мужчин действительно было трое. Байбосын – купец, Бибосын – батыр, Бекбосын – дервиш. Информация в легенде сходится с информацией Гульназ.

– Господа, расшифруйте подробнее их имена, – потребовал Профессор.

– «Болсын» по-казахски переводится «да будет», – радостно ответил Арман. – Значит, Байболсын можно рассматривать, как вариант имени Байбосын – «да будет ребёнок богатым».

Бий (судья, правитель) плюс болсын – получается «да будет ребёнок правителем, судьей». Бек (вождь, второй после хана) – следовательно, «да будет ребёнок вождём».

– А вот Семёна очень смутили три одинаковых сочетания «болсын» в трёх разных именах. Возможно, они братья? – Профессор намеренно менял направление беседы, желая выработать в коллективе жгучее желание отстаивать собственные точки зрения. – Теперь, перейдём к ангелам Сан-жару и Закариясу. Что скажете, молодёжь?

– Ангелы? – задумалась Гульназ. – Многие люди считают, что это тоже души людей, только особенных, которые отличились при жизни. Моя бабушка, например, уверена, что ангелы-хранители есть у каждого человека. Почему бы не быть ангелам-хранителям и у святого дерева?

– Это поверхностное утверждение, – Профессор задумался. – Признаюсь, не считаю себя специалистом в этой области. Давайте пока рассмотрим, вариант предложенный Гульназ.

– Если считать ангелами некогда реальных людей, то они должны проявиться в истории или легендах, гораздо раньше встречи с Байбосыном и его друзьями, – Варис запустил кисти в шевелюру рыжих волос. – Заслужить почётное звание «Ангел» совсем не просто. Рассмотрим имя Закариас. Разрешите, подниму кое-какие записи.

Парень достал пачку исписанных листов бумаги, потряс ею над головой.

– Закариас... Ах, вот, нашёл. Рассмотрим близкое этому имя, Захария. Знаменитейшие люди, и сколько! Захария Египтянин, Скитский, преподобный. Захария Отверстый, затворник. Захария Печерский, постник, в Дальних Феодосиевых пещерах. Захария Праведный, священник, пророк, отец св. Иоанна Предтечи. И наконец, Захария Серповидец, один из двенадцати малых пророков.

– Причём тут христиане? – удивился Арман.

– Всё связано, дорогой. История религий очень интересная тема. В Исламе и в Христианстве достаточно много описаний одинаковых событий и людей. И ещё, там, – Варис указал пальцем вверх, – там вряд ли делят небо по религиозным верованиям. Мощнейшие эгрегоры переплетены и подпитаны миллионами молитв, как прошедших поколений, так и ныне живущих людей. Как эти эгрегоры могут проявляться, вместе или отдельно, нам, к сожалению, не известно.

– Молодой человек, вы меня удивили, – брови Профессора полезли вверх от неожиданности. Внешне мальчишка-простачок, а какие выводы. – Прошу, ближе к заданной теме. Об эгрегорах поговорим отдельно, если не возражаете.

– Не возражаю, – заважничал Варис. – Затем я посмотрел, когда они жили, и отселял период превышающий девятьсот лет. Особое внимание прошу обратить на две исторические фигуры. Повторюсь. Захария Праведный, отец святого Иоанна Предтечи, священник. Был убит посреди храма воинами Царя Ирода.

– За что? – на глазах Гульназ засверкали слёзы, губы дрогнули.

– Они искали его сына Иоанна в так называемый период избияния младенцев.

– Не травмируй психику беременной женщины, – пригрозил крепким кулаком Арман.

– Хорошо, постараюсь. Пятьсот лет до Рождества Христова Захария Серповидец «будущая видел яко сущая», и провидцем был с юношеских лет. Описал последние дни жизни Спасителя, предательство за 30 серебряников, затмение солнца в день казни Иисуса. Дожил, кстати, до глубокой старости и похоронен близ Иерусалима.

– Значит, вы, молодой человек, утверждаете... – Профессор не успел окончить фразу.

– Нет, учитель, я не пророк. Я обыкновенный человек и не смею даже предполагать, кем был на самом деле именно этот ангел Захарияс. И становятся ли души людей ангелами. Я лишь собрал информацию, лежащую на поверхности...

– Разрешите вернуться к заданной теме и имени Санжар, – Арман умел вставить слово в нужный момент в нужном месте, показывая себя в выигрышном свете. – Имя Санжар в переводе с тюркского – брод, урочище. Самым знаменитым из Санжаров можно считать...

– Я знаю легенду про султана Санжара, – Гульназ тянула руку вверх, как первоклассница за партой.

– Сделай милость, – Варис сокрушённо вздохнул. Опять не повезло, перебивают на каждом шагу. Но слушать Гульназ было гораздо приятнее, чем Армана.

– В чёрных песках Каракумов протекает река Мургаб, именно там, в древнем городе Мерв (сейчас Мары) стоит мавзолей «Дар-ал-Ахыре» – «Посторонний мир». В нём покоился прах султана Санжара. Но во времена нашествия Батыя мавзолей был разрушен монголами при вторжении в Хорезм. Прах султана перезахоронили, и с тех пор никто не знает где его найти. Возможно, именно ангел Санжар и есть тот самый султан? Немного позже мавзолей восстановили.

– Это легенда или исторический факт?

– Исторический факт. Портрет Ахмада Санжара даже на деньгах в пять туркменских манат можно увидеть. А теперь легенда, очень красивая, – улыбнулась Гульназ. – Давным-давно Санжар, султан Сельджуков, влюбился в небесную пери и решил жениться на ней. Пери поставила три условия: никогда не обнимать её за талию, не смотреть на её голые ступни и не любоваться, как она расчёсывает волосы. Согласился султан, взял в жёны пери. Согласилась и пери принять земную жизнь. Но любопытство мужчины сильнее его самого. Однажды он нарушил все три обязательства. Султан обнял возлюбленную за талию, посмотрел ей вслед и увидел, что босые ножки жены не касаются земли. Но пери очень любила Санжара и перед тем, как покинуть мужа, попросила его построить такую мечеть, чтобы в куполе обязательно было отверстие. Тогда она сможет прилетать к нему на свидание в образе голубки. Прошло несколько лет, мечеть стала мавзолеем султану Санжару, а белая голубка стала символом вечной любви. Утекло много воды, пески засыпали землю, но в мавзолее

по-прежнему летают голуби, и каждый, приходящий сюда с молитвой ищет взглядом ту единственную крылатую перь, которая прилетела на свидание к возлюбленному.

Голос Гульназ дрогнул, она всхлипнула и заплакала навзрыд, как дитя. Легенда слишком переплеталась с действительностью и её воспоминаниями. Сейчас давно знакомая ей легенда вдруг обрела особое значение.

– Ну что ты, что ты! – успокаивал подругу Арман. – Зачем ты рвёшь себе сердце?

– Отвезите меня к Аулие-Агаш. Я скучаю. Очень-очень скучаю.

– Отвезём.

– Обязательно отвезём.

– Завтра, – Гульназ вытерла слёзы и требовательно посмотрела на мужчин.

– Как скажешь, – пожал плечами Профессор.

В этот, как и в первый раз, Рая-апа вновь встречала дорогих гостей у самой дороги и проводила их к дереву.

Гульназ долго стояла, прижавшись к стволу спиной, разглядывала что-то в ветвях карагача и шептала, шептала, шептала...

Никто не посмел подойти ближе, никто не слышал о чём говорила беременная женщина с духами предков. А Профессор набрался храбрости и постарался записать на видеокамеру каждый жест Гульназ, стараясь охватить в поле камеры как можно больше пространства.

– Я пришла, ты слышишь меня, Байбосын?

– Слышу, – ребёнок толкнулся в животе, будто попытался ручонками погладить изнутри маму.

– Скажи, как мне жить дальше? Я могу всё бросить и приехать сюда, чтобы постоянно быть рядом с тобой, любимый.

Ответа не последовало. Но Гульназ почувствовала, будто что-то невидимое окутало её.

– А ещё Арман, вот тот, второй слева, постоянно меня опекает. Просто шагу не дает ступить. Весь институт думает, что он отец моего ребёнка.

– Сыну нужен отец, – услышала Гульназ знакомый мужской голос и даже оглянулась. Никого. – Кто посадит его на лошадь? Кто научит бороться с трудностями, драться и побеждать?

– Я научу, я сильная. Ты же знаешь.

– Выбор всегда останется за тобой. Я приму любое твоё решение. Мой сын благословлен небесами, и будет жить под покровительством небесных духов и ангелов.

– Спасибо, – всхлипнула Гульназ и ещё крепче прижалась спиной к тёплому стволу. – Ой, что-то мне не хорошо... Он стучится и хочет выйти. Я пойду, ладно?

Арман внимательно следил на расстоянии за каждым жестом Гульназ и сразу же подскочил, вовремя поймав ослабевшую женщину.

– Скорую, скорую! – заорал Профессор.

– Звоню, – Варис уже набирал номер на сотовом телефоне, пальцы почему-то не слушались. – Говорил же, нельзя никуда ехать, растрясёт. Весна, грязь, слякоть, дорога дальняя, срок большой. Нет же, упёрлась...

Профессор несколько раз перепроверил показания данных точнейшего переносного оборудования, сделал некоторое наложение информации на видеозапись, снятую во время последней поездки к Киели-Агаш. И не мог поверить в то, что видит. На полученных снимках, Гульназ прижалась спиной не к дереву, а к телу мужчины. Размытый образ человека обнимал женщину, положив ладони на её живот. Справа и слева стояли ещё двое мужчин, а в ногах женщины свернулось облако, похожее по очертаниям на змею.

– Профессор, так не бывает, – прошептал Варис. – Нам будет сложно доказать, что на плёнке не брак, не фотомонтаж, наложение кадров или ещё какая техническая чушь.

– Помнишь, в тот день было достаточно прохладно. А температура внутри рощи на пять градусов выше. Удивительно, факт. Вот на физические показания и будем обращать внимание. – Профессор точно знал, не всё можно будет опубликовывать в целях безопасности Гульназ и её сына. Может, это и хорошо. Значит, жизнь продолжается и новые удивительные открытия ещё впереди. – Как дела у нашего младенца?

– Скоро выписка. Врачи говорят, теперь здоровью малыша ничего не угрожает. И очень удивляются, как он быстро пошёл на поправку. Шутка ли, родиться в машине, недалеко от священного дерева.

– Где сейчас Арман?

– Побегал в роддом. Потом по магазинам коляску покупать, манеж и другие вещи.

– Что решила Гульназ?

– Поживёт с бабушкой, а там время покажет.

– У, ты мой хорошенький, – сюсюкала медсестра, взвешивая младенца. – Настоящий батыр. Смотри, ручонки вверх потянул, только не в нашу сторону, а к окну. Будто увидел кого. Станные они, детки... С твоим всё в порядке, я его запеленала, теперь корми.

Медсестра отдала ребёнка матери, весело подмигнула и убежала по делам.

Малыш внимательно посмотрел на маму, ткнулся носиком в грудь и умильно зачмокал от удовольствия.

Вдруг Гульназ отвлёк тихий стук в окно. Рыжая мордочка бельчонка с любопытством разглядывала кормящую женщину. Даже ветка карагача прилипла клейкими зелёными листочками к стеклу, будто просилась вовнутрь.

– Ты придумала сыну имя? – в палату вошёл гордый и счастливый Арман. – Скоро документы оформлять.

– Конечно, – улыбнулась Гульназ. – Байбосын, сын Байбосына.

Андрей ЛОПАТИН

Юбилей

Галя Весёлкина, сотрудница комитета статистики, собираясь на юбилей своей начальницы, крутилась у зеркала с косметикой в руках и вздыхала. Подведя на лице последние штрихи, она надела шубу, но неожиданно для себя присела тут же, в коридоре, словно у неё подкосились ноги.

– Галя, что такая невесёлая? – спросил муж, заметив её кислое лицо.

– Не знаю. Ноги идти не хотят. Сегодня воскресенье, хочется дома побыть... Можно же было вечер сделать в пятницу, после работы! Нет, ей надо в выходной день тащить нас в кафе! В пятницу заявила: хоть день рождения у меня сегодня, но астрологи считают сегодняшний день неблагоприятным, а воскресенье – самый раз. Идиотизм! Ох, Миша, как она всех достала!

– Понимаю тебя... – сочувствовал муж, – но сходить надо.

– Куда денешься – начальство...

Она встала и, ещё раз вздохнув, направилась к двери. Напоследок обернулась и грустно добавила:

– Такое чувство, будто не на юбилей иду, а на работу.

Когда Галя вошла в кафе, около гардероба сразу увидела подруг и коллег по отделу. Они толпились в углу и о чём-то громко говорили и смеялись. Это были женщины, в основном пожилые, с большим стажем, молодая только Светка Инютина, которая устроилась недавно, после института.

– Почему здесь стоим? – удивилась Галя.

– Ждём-с. Приглашение пока не поступало.

Минут через десять из дверей зала явилась сама виновница торжества – Раиса Максимовна Швец, женщина высокая, худая, с каменным лицом. Даже в этот день на ней был тёмный и строгий костюм. Официальным, ледяным тоном она произнесла:

– Проходите.

Кто-то неудачно пошутил:

– По одной?

Швец промолчала, а шутку, наверное, запомнила.

На работе она держалась от всех на расстоянии, смотрела свысока. Её требовательность иногда доводила до слёз, строгий, подозрительный взгляд многим внушал страх, а уж если кого она невзлюбила – пиши пропало. К тому же, начальница была холостой, а это, как известно, скверным образом отражается на коллективе. За много лет никто не слышал, как она смеётся – и вообще, умеет ли. Ходить перед ней старались «на цыпочках». До этого Раиса Максимовна не устраивала подобных торжеств, сама ни к кому не ходила, и то, что она решила отметить своё пятидесятилетие с подчинёнными, стало для всех неожиданностью.

Стол был накрыт в отдельной комнате, отгороженной от общего зала. Юбилярша села в торец и – начались поздравления, вручение конвертов, подарков, девчонки прочитали сочинённые к этому случаю стишки. Она сняла очки, поблагодарила, и жестом руки указала на стол – присаживайтесь. Тучная, но бойкая Вера Захаровна взялась разливать шампанское.

– Надо же! – сказала она, наполняя бокалы. – Через год и мне пятьдесят будет, а по сравнению с вами, Раиса Максимовна, чувствую себя полной старухой!

– Не стоит завидовать. Вам килограммчиков десять сбросить, и будете, как я, – гордо ответила Шве́ц.

Прозвучал тост и пожелания. Застучали ножи, вилки, ложки. Когда в следующий раз Захаровна дотянулась до её бокала бутылкой водки, она прикрыла его ладонью.

– Боже упаси! Нет, нет! Водку я терпеть не могу! Мне чуть-чуть шампанского или, лучше, сухого вина.

Рука в недоумении так и зависла в воздухе. Но как в фильме, в котором вырезали кадры, вмиг она оказалась с вином.

– А вы наливайте себе водку, пейте, не обращайтесь на меня внимания, – добавила начальница.

Все слегка озадачились, вопросительно переглянулись. Даже музыка, которая доносилась из зала, казалось, замедлилась и призадумалась.

– И я лучше сухого выпью, – сказала пожилая Ольга Павловна, и состроила невинные глазки. – Какая бутылка красивая! Какой цвет у вина!

– Мне тоже лучше вина, – обратилась к Захаровне Надя Мышкина. – Сейчас вдруг вспомнила своего первого мужа. Трудолюбивый, умный, заботливый человек был, да водка его сгубила...

– А мой выпивал только по праздникам, и то на печёнку теперь жалуется, – поддержала Голикова. – Я так, вообще, запаха не переношу. У меня от неё сразу в горле першит и глаз начинает тикать.

– Я смотрела одну передачу, там прямо сказали: вся водка сегодня контрафакт и делают её в подвалах гастарбайтеры-азиаты!

– Ну, коллеги... – прервала Шве́ц. – Что уж вы так... Я конечно не могу приказать, ведь сегодня я такая же рядовая женщина, как и все вы, но убедительно вас прошу, пейте, не церемоньтесь, когда ещё посидим так!

– Это правда! – подхватила Мария Яковлевна, и поменяла обратно бокал с вином на водку. – Не каждый день пятьдесят бывает! За ваше здоровье и долголетие, Раиса Максимовна!

Все встали, чокнулись с начальницей, и выпили – но выпили предусмотрительно, по полбокала.

Пока закусывали, Шве́ц о чём-то размышляла. Она сказала:

– Вот так бы дружно нам на работе работать.

– А чего... – простодушная Захаровна не поняла, даже губы вытянула, – у нас коллектив что надо. Работы не боимся, вечером порой...

– И всё равно идёт не так, как хотелось бы. Завтра у нас что?

– Четвёртое февраля.

– Это мне известно, Вера Захаровна. А ещё что?

– Что?..

– Напомню. Завтра П1 идёт, а у вас ещё не все данные о товарах и услугах собраны по предприятиям.

– У нас же в компьютере был вирус, кое-как программисты вычистили. Вот и задержались с данными.

– Вирусы от домашних флешек... Хорошо, разберёмся завтра, – начальница перевела глаза на Мышкину. – Надежда Алексеевна, а у вас что?

Мышкина встала. Виновато потупив глаза в стол, недовольно пробурчала:

– Раиса Максимовна, ну никак новую форму до конца освоить не удаётся. Путаница какая-то. Москва одно запрашивает, а у нас в новой форме и графы такой нет! Я и домой носила, ночь просидела, разбиралась – всё бестолку!

– Что же тут непонятного! Значит, старую форму надо заполнять одновременно, там все эти пункты есть.

– Я же не знала, что так можно.

– А ко мне разве подойти трудно? Я не кусаюсь. Садитесь.

Не дожидаясь когда взгляд начальницы упадёт на неё, Галя сама решилась упредить возможный упрёк:

– А у меня П5М почти готов! Осталось, сделать сверку данных и результатов.

– Галина Петровна, у вас, помните, какие в прошлом году были логические и арифметические ошибки в квартальном? Тоже рапортовали заранее. А сколько потом вечеровали? По Мехзаводу цифры так и ушли в Москву с двумя лишними нулями. Хорошо, там пропустили не глядя, а если бы... даже и говорить не хочется, что было бы.

«Вот, зачем напросилась? Какого чёрта!» – горячилась про себя Галя.

– По освоению технологии, – продолжала Шве́ц, – самое слабое звено у нас Полина Дмитриевна. Я позавчера выслушивала претензии от руководства, уж и не знаю, как прикрывать вас.

– В кабинете мы втроём остались, – оправдывалась слабое звено. – Как Соколова в декретный ушла, так работы удвоилось.

– Понимаю, тяжело. Но людей не дают. Эти вопросы и там, наверху, ставлю. Вы думаете, я сижу сложа руки?... В ответ обещали сокращение на весну. Вот и думаешь, а не сделать ли нам некоторые субботы рабочим днём, в счёт отпуска?

И ещё раз обедев всех стеклянными глазами, она удивлённо спросила, указав рукой на стол:

– А почему, уважаемые коллеги, никто не кушает? Давайте, давайте, смелее. У нас ещё по 23-му вопрос не решён.

Вера Захаровна уже не так уверенно потянулась к бутылке. Когда она подносила горлышко к бокалам, многие их убирали, ссылаясь на то, что ещё не выпито.

После паузы в зале зазвучала музыка. Сидящие там, услышав знакомый хит, бросилась танцевать. Молодая, безкомплексная Светка Инютина выпила полбокала водки, встала и нагло предложила:

– Девчата, а пойдёмте танцевать?

Все упёрлись в неё глазами. «Нашла девчат! Какая нахалка! – подумала пожилая Вера Ивановна. – Ветер в голове! Ей, конечно, работу найти проще...».

И Светка, не дождавшись отклика, как ребёнок уставилась на Раису Максимовну, хлопнула ресницами и спросила:

– А вы умеете танцевать?

Швец снова надела очки и строго посмотрела на неё; глаза в толстых линзах стали большими и устрашающими как у совы.

– Нет, Света, я не танцую, – сухо ответила она.

– А вы?... – безнадежно спросила Инютина Марию Яковлевну, присев на стул.

– А я вчера, – изображая всем удивление, отвечала её соседка слева, – как назло ногу подвернула! Наш дворник-то, Федос, старый хрыч, наледь у дверей не поддолбил. Я вышла и как шлёпнусь! Мать моя! Хорошо, успела за ручку схватиться, а то обе ноги бы сломала.

– Мне до пенсии два года осталось, – шепнула ей на ухо соседка справа, 53-летняя кандидатка на сокращение Ольга Павловна, – доработать хочу. Не до танцев уж.

– А у меня мозоль, – сказала Голикова. – Вчера сапоги новые купила и натёрла.

– Я на высоких каблуках не могу, – объяснила Кошкина, – в голову отдаёт.

После очередного бокала Светка стала ёрзать на стуле и всё чаще поглядывать в зал. Когда грянул очередной хит, она не выдержала, встала, и заявила:

– Ну, как хотите, а я пошла!

И – пошла. Коллеги с сожалением проводили её глазами. «Эх, Светка... беззаботная душа! – вздыхала Галя. – Не премиальных, ни карьеры теперь не видать тебе, одни выговоры да нагоняи впереди...»

После окончания песни Инютина не вернулась. Не пришла она и после следующей песни, и после следующей...

– Какие предложения будут по 23-му? – меж тем продолжала Швец. – Праздник на носу. Кто займётся подарками?

Какой-то мужчина, из одиноко танцующих, заглянул к ним в комнату и пригласил Мышкину на танец. Но встала Мария Яковлевна и шепнула ему на ухо: «Попозже зайдите, у нас совещание», – и его как ветром сдуло.

Прошло, наверное, с полчаса и про Светку почти забыли. Но она вдруг вернулась. И не одна: следом за ней вошёл солидный мужчина-красавец, на вид лет пятьдесят, или чуть меньше, по выправке и внешности подозревалось в нём что-то офицерское. Светка, сделав вид, что не с ним, юркнула на своё место, а он, поздоровавшись со всеми, решительно подошёл к юбилярше и протянул ей цветок.

– Разрешите поздравить вас с юбилеем! От всего сердца!

Все притихли, от удивления кто-то выронил вилку. Раисы Максимовна опешила, заморгала и, приняв цветок, пробормотала:

– Спасибо... А кто вы?

– О себе я расскажу за танцем. Сейчас будет медленный танец в честь вашего юбилея. Приглашаю вас! – и, как галантный кавалер, он присел на одно колено и протянул руку.

Женщины застыли. Сначала они были готовы, что Швец начнёт возмущаться, мол, что это за цирк, но потом увидели, как она растерялась. Она действительно не знала, что делать. На бледных её щеках разгорелся

румянец. Отказать такому мужчине – некрасиво в глазах коллектива, да ещё эти насмешки, пересуды...

– Только я не очень... даже плохо умею... – начала она оправдываться; непривычно было видеть её такой мягкой и робкой.

Но он уже взял её руку и повлёк за собою в зал. Зазвучал медленный вальс.

Светка, уперев подбородок о кулачки, таинственно улыбалась. Посыпались вопросы:

– Ну даёшь, сваха! Ты где ей такого мачо нашла?

– Специально для неё искала?

– Хи-хи... Удава и лягушку видели?

– Всё! Пропала наша Раиска!

– Может, теперь хоть в субботу отдыхать будем... – вздохнула опытная Ольга Павловна: далёко она смотрела.

Швец, вся раскрасневшаяся, вскоре вернулась в сопровождении кавалера. Он усадил её на место, поклонился и сказал:

– Следующий медленный танец, надеюсь, с вами?

– Хорошо.

Как только он удалился, поднялся шум.

– Давайте выпьем! – предложила Захаровна. – Какой кавалер, Раиса Максимовна! Пока вы танцевали, мы тут все от зависти извелись!

– Налейте мне тоже... шампанского! – попросила она, трогая горящие щёки.

Новое настроение захватило всех. Хотелось говорить об этом, но с какого угла зайти в эту пикантную тему, искали все, пока закусывали. Бес-толковая Денисенко неожиданно выдала:

– Насчёт 23-го. Я подумала, Раиса Максимовна, и хочу предложить себя. Подарками мужчинам могу заняться я!

Все чуть не поперхнулись и злобно посмотрели на неё.

– Давайте, обсудим это завтра, – ответила Швец.

Её кавалер не замедлил себя ждать. Снова они удалились на медленный танец.

– Похоже, это начало романа... – гадали гадалки.

А когда они ушли на танец в третий раз, когда Швец опять попросила налить ей шампанского – сомнений не осталось вовсе.

Мышкина, сидящая рядом с Галей, задумчиво размышляла:

– Насколько знаю, она давно живёт одна. С таким характером тяжело ужитья...

– Я помню её другой, – возразила Галя. – Ты ведь работаешь недавно, а когда я пришла в управление, её застала ещё простым специалистом. Общительная, весёлая была. А потом словно подменили.

– Неужели должность так повлияла?

– Думаю, что нет. У неё была счастливая семья, но лет десять назад погиб единственный сын. С этой семейной драмы всё и началось. Муж вскоре бросил её и ушёл к молодой вертихвостке. Начались суды по делёжке квартиры, имущества. Седина у неё появилась за год. Она замкнулась, отделилась от всех, и с ней стало тяжело общаться.

– Мда... я этого не знала...

Кончилась музыка, и Швеc в сопровождении кавалера вернулась за стол. Он откланялся и ушёл, пообещав, что «только на секунду». Как ни пыталась она выглядеть сдержаннее, было видно, что находится она на седьмом небе.

– Так... – говорила она, – а почему мы не танцуем? Вера Захаровна, где вы? Разливайте! И после все в зал, танцевать! Прошу вас!

Когда зазвучала быстрая музыка, сама Раиса Максимовна осталась за столом с пожилыми Яковлевной и Павловной. О чём они говорили, было неизвестно, но когда женщины вернулись, всех поразило её оживлённое лицо, а глаза отказывались верить – она впервые улыбалась и даже смеялась!

Атмосфера вечера быстро сменилась: казалось, он обещал столько приятных волнений, столько надежд... Но Денисенко опять выдала. После очередного выхода на танцы, она, как Светка в прошлый раз, куда-то исчезла. Не было её долго. Появилась она неожиданно, с испуганным выражением на лице; пока многие находились в зале, она сбоку подседа к начальнице, выпучила глаза и взволновано заговорила:

– Раиса Максимовна, не верьте ему! Я всё выведала, всё разузнала! Никакой это не кавалер. Я о нём справки навела. Этот тип работает за деньги. Только и ищет, кого обмануть и пожитьеся!

– Да кто же это вам сказал?

– Работники кафе давно его знают. Я разговорилаcь с одной и, как бы невзначай, спросила о нём, мол, очень меня заинтересовал этот яркий мужчина с бабочкой. Она мне: сегодня он уже занят, работает. Я удивилась: как это, работает? Она возьми да и признайся: не советую вам интересоваться им, он охотник за одинокими женскими сердцами, корыстный ловелас и альфонс. Вот!

– Что ж тогда не прогонят его?

– А им-то что? Убытка нет – и ладно.

– Спасибо... – Швеc вздохнула. – Я всё поняла...

– Ну и времечко, – сказала Ольга Павловна, которая сидела недалеко и слушала, – чем только люди не зарабатывают...

Из зала вернулись остальные. Громко говоря и смеясь, все расселись за столом. Вере Захаровне подали бутылку, и она принялась разливать. Швеc свою рюмку ладонью не накрыла. Вид у неё был немного странный: щеки снова побледнели, взгляд стал отстранённым, рассеянным, казалось, что она ушла в себя. О чём она думала теперь, по лицу трудно было понять – лишь уголки рта иногда подёргивались.

Когда явился кавалер, Швеc встала и, не подав руки, вышла за ним. Вернулась она быстро, через минуту, и уже без его сопровождения.

Сидящие за столом были так возбуждены вином и танцами, что почти ни на что не обращали внимания. После выпитого, кому-то захотелось петь. Яковлевна тихо затинула: «Ромашки спрятались, поникли лютики...» Другие тотчас подхватили. Вскоре это пение стало таким громким, что его услышали в зале, где играли музыканты.

– Раиса Максимовна, что с вами?... – вдруг спохватилась Мышкина. – У вас тушь потекла.

Все затихли и посмотрели на начальницу. Она сняла очки, достала платочек и утёрла глаза. Достала из сумочки и зеркальце, посмотрелась в него, затем встала и вышла из-за стола.

– Я на секунду, только приведу себя в порядок...

Когда она удалилась, многие недоумённо переглянулись.

– Что это с ней?..

– Песнями до слёз довели!

– Не песнями! – сказала Ольга Павловна и повернулась к Денисенко.

– Люба, расскажи всем, чего ты ей наговорила.

– А чего? – та плечами пожала. – Я правду рассказала про этого типа, всё, что узнала. Корыстный ловелас, охотник за деньгами, альфонс.

Взгляды почти одновременно перевелись на Светку.

– Зачем на меня так смотреть?.. Я тоже хотела как лучше. Хотела устроить ей романтический вечер. Ну, нашла мужика, заинтересовала немножко... чего деньги жалеть? Мне не жалко... А что, по-вашему, – она попыталась наступать, – лучше сидеть да про отчёты с ней болтать?

– Ну, Светка, вечно ты чего-нибудь выкинешь! – укоризненно качала головой Яковлевна. – И подумать тебе вечно некогда!

– Я же хотела, как лучше... я же всего не знала... я... – и тут она, закрыв лицо ладонями, неожиданно всхлипнула.

Гале захотелось идти вслед за Швец, сказать ей несколько утешительных слов, и не при всех, наедине.

– Я тоже на секунду.

Когда она открыла дверь комнаты туалета, то увидела её, стоящей у зеркала. Лицо её было мокрое, глаза красными, заплаканными. Она сразу открыла кран и постаралась смыть следы.

– Раиса Максимовна, вы уж не принимайте всё так близко, – подойдя к ней, заговорила Галя; хотелось найти нужные слова, но от волнения ничего не приходило на ум. – Светка молодая, как ребёнок ещё...

– Ничего, ничего, Галя, – она назвала без отчества, как подругу, – всё нормально. Это я так... это вино... Наверное, выпила лишнее... – и, утерев лицо платочком, спросила: – Ну, как выгляжу? Не очень заметно?.. Тогда идём за стол.

После прихода начальницы, погода за столом на какое-то время опять стала неопределённой. Казалось, все ждали и гадали – то ли дождик капает с набежавших нехстати тучек, то ли солнышко выйдет окончательно. Но в любую погоду, в любом коллективе, всегда найдётся невозмутимый оптимист и шутник – как Вера Захаровна.

– Вернёмся к делу. Я по поводу 23-го, – сказала она важно, разливая шампанское. – Считаю, что после всего пережитого нами, мужчинам подарки дарить мы вовсе не будем! Кукиш им с маслом! – и показала в зал толстую фигу.

Все засмеялись; улыбнулась и Раиса Максимовна. Оживлённый разговор уже не смолкал. Лишь опытная Ольга Павловна, всегда смотрящая далёко, кому-то недовольно ворчала на ухо:

– А по субботам работать придётся...

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

**Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.**

Исполнительный директор **Ж. С. Ашимжан.**

Главный редактор **О. К. Жанайдаров.**

Набор и вёрстка **Ю. В. Богдановой.**

Корректор **К. Г. Аканов.**

Технический и web-редактор **В. А. Богданов.**

Журнал основан **В. Р. Гундаревым**
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 23.04.2013 г.

Подписано к печати 24.05.2013 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 2959.

Номер набран и свёрстан
в ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.